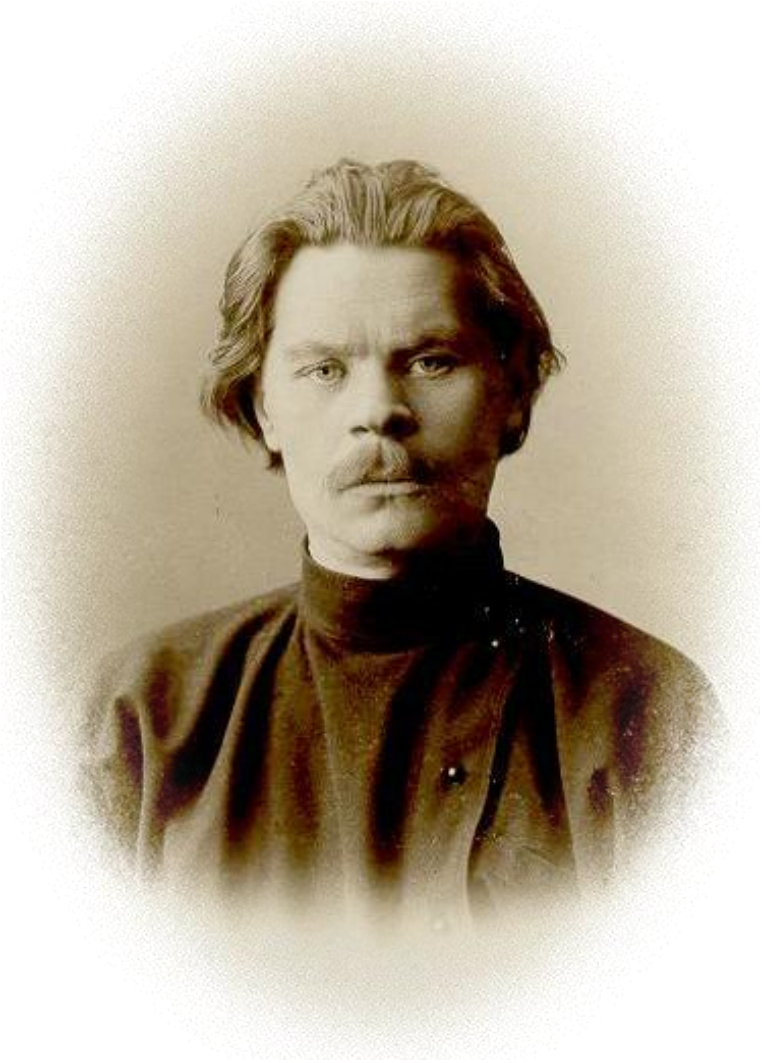
ИСТОРИЯ ЗАВОДА «КРАСНОЕ СОРМОВО»

Маргарита Финюкова

ГОРЬКИЙ И СОРМОВО

**К 150-летию со дня рождения
Алексея Максимовича Горького
и 170-летию завода
«Красное Сормово»**



Нижний Новгород, Сормово
2019

УДК 908
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ф59

Фотографии автора,
из архива Музея истории завода «Красное Сормово»
и из интернета

Финюкова М.Г.
Горький и Сормово. – Н. Новгород – Сормово, 2019. - 200 с.

В 2018 году – году, когда отмечался 150-летний юбилей Алексея Максимовича Горького – Маргарита Финюкова была награждена Дипломом Союза журналистов Нижегородской области за цикл очерков «Горький и Сормово», заняв второе место в конкурсе «Имена в сердцах и названиях улиц» (номинация «Имени земляка посвящается»). Очерки были опубликованы в газете «Красный сормович» (2018, №№ 5, 9, 10, 11, 12, 13) и легли в основу настоящей книги.

Её цель – обобщить сведения о связях Алексея Максимовича Горького с Сормовом – историческим промышленным районом Нижнего Новгорода, с заводом «Красное Сормово» и с сормовичами – революционерами, рабочими, технической и творческой интеллигенцией. В книге освещаются годы жизни будущего писателя в Сормове (1876-1878), его приезды на знаменитый российский завод и в Сормовский район (1896, 1928, 1935), рассказано о «горьковских» топонимах Сормова и продукции завода «Красное Сормово», в названии которой сохраняется память о писателе-земляке. Для раскрытия указанной темы использовались работы нижегородских и сормовских краеведов, а также материалы газеты «Красный сормович» с 1928 по 2008 год. «Красный сормович», основанный в 1927 году как одна из первых в стране многотиражных заводских газет, в течение 90 лет является летописцем истории завода «Красное Сормово» и Сормовского района города Нижнего Новгорода.

28 марта 2018 года исполнилось 150 лет со дня рождения русского писателя с мировым именем, одного из величайших мыслителей и гуманистов XX века Алексея Максимовича Горького. Он был самым издаваемым советским автором на протяжении всего существования СССР (за 1918–1986 годы общий тираж 3556 изданий составил 242,621 млн. экземпляров) и считался наравне с Александром Сергеевичем Пушкиным и Львом Толстым главным творцом отечественного литературного искусства. Пять раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе: в 1918-м, 1923-м, два раза в 1928-м и в 1933 годах.

Имя и судьба Горького неразрывно, множеством крепких нитей, связаны с Нижним Новгородом и Сормовом. Он родился в Нижнем Новгороде, город более полувека (1932–1990) носил имя писателя, а действие самого известного его произведения – романа «Мать» – разворачивается в Сормове. И герои книги – сормовичи, рабочие Сормовского завода.

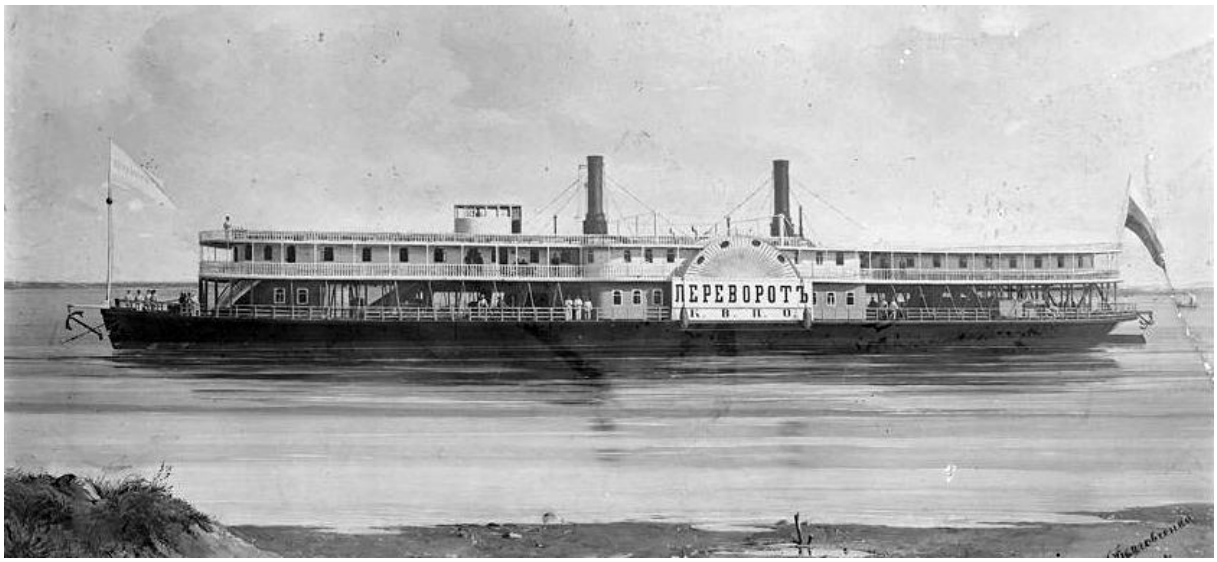
ГОРЬКИЙ В СОРМОВЕ

ВВЕРХ ПО ВОЛГЕ – НА ПАРОХОДЕ «ПЕРЕВОРОТ» 1871

Будущий великий писатель родился в семье краснодеревщика Максима Савватиевича Пешкова и Варвары Кашириной – дочери нижегородского мещанина, хозяина красильни Василия Васильевича Каширина. Вскоре после рождения первенца Пешковы перебрались в Астрахань, где Максим Савватиевич получил место управляющего астраханской конторой пароходства Колчина. Летом 1871 года, выхаживая заболевшего холерой Алешу, он заразился сам и

умер. Варвара Васильевна с сыном и матерью вернулись в Нижний Новгород в дом отца…

В том же году Сормовский завод впервые в России построил двухпалубный пассажирский пароход американского типа – «Переворот». Как утверждает книга «История «Красного Сормова» (Москва: «Мысль», 1969), в конце 1860-х годов на Волге во весь рост встала задача срочного усовершенствования парового транспорта. Управляющий Сормовского завода инженер Константин Михайлович Окунев привлёк к решению этой задачи инженеров-судостроителей А.Г. Некрасова и П.М. Окунева. Сормовские инженеры задались целью сконструировать такой тип речного парового судна, в котором сочетались бы многие полезные качества: высокая прочность, наибольшая грузоподъёмность, повышенная скорость, экономичность и, наконец, комфортабельность для пассажиров.



Пароход «Переворот» постройки Сормовского завода. 1871.

В 1871 году такое судно появилось. Это был товаро-пассажирский колёсный пароход в железном корпусе с двухэтажной надстройкой. Длина судна составляла 78,4 метра, ширина – почти 13 метров. Скорость парохода (при общей мощности двух машин 580 индикаторных сил) достигала 16 километров в час вниз по течению и 12,8 километров в час – вверх. За навигацию на пароходе предполагалось перевозить до миллиона пудов груза, совершая рейсы от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно за 12-13 суток. Безусловно, такая конструкция не могла быть осуществ-

лена без наличия лучшей стали, которую научились варить в сормовских (первых в России!) мартеновских печах.

Внутренняя отделка парохода по тем временам была роскошной. На втором этаже судна имелись светлые, просторные каюты первого и второго классов. Каждая каюта оборудовалась водопроводом и паровым отоплением. В носовой части располагался великолепный салон, украшенный картинами в жанре перламутровой инкрустации с красивыми вензелями. Широкая крытая терраса, окружавшая весь пассажирский этаж, предназначалась для прогулок. Матросы были одеты в новую синюю форму. Ничего подобного на волжских пароходах ещё не встречалось...

Новому судну дали громкое имя «Переворот». Его появление на волжской магистрали вызвало немалую сенсацию во всех слоях общества. Знатоки судостроения дали обобщающую оценку: «Переворот» оправдывает своё удачное название, он перевернул товаро-пассажирское сообщение на Волге». Так писал спустя несколько лет, в 1887 году, журнал «Русское судоходство». Подобные пароходы в то время плавали лишь по реке Миссисипи. «Переворот» опровергал прежнее представление авторитетов о невозможности возведения на пароходах двухъярусных надстроек.

Вслед за «Переворотом» с Сормовской верфи сошли ещё два однотипных парохода – «Николай Бенардаки» (1872) и «Миссисипи» (1874). А сам «Переворот» был переименован сначала в «Колорадо» (1875), а затем в «Ориноко». То ли первое название сочли неполиткорректным, так как оно ассоциировалось с представлением о бунтах и государственных переворотах. То ли владельцы судна опасались: название будет отпугивать пассажиров, «намекая» на возможность того, что оно может перевернуться…

Как утверждает известный исследователь биографии А.М. Горького Вера Николаевна Блохина (1908–1994) в своей книге «Максим Горький в родном городе» (1976), «на этом пароходе в 1871 году приехал из Астрахани в Нижний Новгород маленький Алёша Пешков». Как видим, первое знакомство будущего писателя с Сормовским заводом – даже не с заводом, а с его продукцией – произошло, когда Алёше было всего три года…

В первой части своей биографической трилогии Горький повествует об этом, первом своём путешествии по Волге. Из описания

становится понятно, что Алёша с матерью и бабушкой едут в маленькой каюте, в трюме: «…за мокрым стеклом бесконечно льётся мутная, пенная вода… порою она, вскидываясь, лижет стекло». Запали в детскую память «матрос, одетый в синее», воющий гудок парохода, медная ручка каюты и «блестящая медь на ступенях лестницы».

«Сорок лет назад пароходы плавали медленно, – продолжает рассказ писатель, – мы ехали до Нижнего очень долго, и я хорошо помню эти первые дни насыщения красотою. Установилась хорошая погода; с утра до вечера я с бабушкой на палубе, под ясным небом, между позолоченных осенью, шелками шитых берегов Волги... Незаметно плывет над Волгой солнце; каждый час всё вокруг ново, всё меняется…

– Ты гляди, как хорошо-то! – ежеминутно говорит бабушка, переходя от борта к борту, и вся сияет, а глаза у нее радостно расширены…»

«КАК-ТО НЕПАМЯТНО Я ОЧУТИЛСЯ В СОРМОВЕ…» 1876-1878

А вот в 1876 году восьмилетний Алёша познакомился с Сормовом вплотную. Надо признаться, это знакомство не было для мальчика приятным.

Главная проходная Сормовского завода. Начало XX века.

Он жил в Сормове два с половиной года – вместе с бабушкой, матерью и отчимом, Евгением Васильевичем Максимовым, который служил в то время кассиром на Сормовском заводе. Небольшая квартирка, которую снимала семья, находилась на одной из ближайших к заводу улиц, недалеко от главной проходной.

В автобиографической повести «Детство» А.М. Горький так описывает свою жизнь в рабочем посёлке: « … Потом как-то непамятно я очутился в Сормове, в доме, где всё было новое, без обоев, с пенькой в пазах между брёвнами и со множеством тараканов в пеньке. Мать и отчим жили в двух комнатах, на улицу окнами, а я с бабушкой – в кухне, с одним окном на крышу. Из-за крыши чёрными кукишами торчали в небо трубы завода и густо, кудряво дымили. Зимний ветер раздувал дым по всему селу: всегда у нас в холодных комнатах стоял жирный запах гари. Рано утром волком выл гудок: «Хвоу, оу, оу-у»… Если встать на лавку, то в верх-

«Харчевые» записки. 1899 год.

ние стёкла окна, через крыши, видны освещённые фонарями ворота завода, раскрытые, как беззубый рот старого нищего… Вечерами над заводом клубилось мутно-красное зарево, освещая концы труб… Смотреть на всё это было невыносимо тошно, злая скука грызла сердце…»

Уже в 1929 году, будучи зрелым писателем, в очерке «По Союзу Советов» Алексей Максимович писал: «Сормово. В детстве, когда мой вотчим служил на Сормовском заводе и скупал – вероятно, за полцены – у рабочих записки в фабричную лавку, – записки, которыми администрация платила вместо денег за труд и этим уменьшала заработок, – в детстве я был уверен, что Сормовский завод выделывает сахар, колбасу, изюм, чай, сухари, муку и вообще всё, что можно съесть…»

Мать и отчим жили плохо – Максимов часто бил беременную жену, а сормовские мальчишки не любили «чужака» и били его «скопом», все – одного. За драку и порванную одежду дома била мать, называя Алёшу «зверёнышем»…

Узкозаводская (ныне - улица Свободы)
вела к главной заводской проходной.

Но именно эти детские впечатления помогли писателю создать такой зримый и рельефный образ, которым открывается роман «Мать»: «Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову,

из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы. В холодном сумраке они шли по немощёной улице к высоким каменным клеткам фабрики, она с равнодушной уверенностью ждала их, освещая грязную дорогу десятками жирных квадратных глаз. Грязь чмокала под ногами. Раздавались хриплые восклицания сонных голосов, грубая ругань зло рвала воздух, а встречу людям плыли иные звуки – тяжелая возня машин, ворчание пара. Угрюмо и строго маячили высокие черные трубы, поднимаясь над слободкой, как толстые палки. Вечером, когда садилось солнце и на стеклах домов устало блестели его красные лучи, – фабрика выкидывала людей из своих каменных недр, словно отработанный шлак, и они снова шли по улицам, закопченные, с черными лицами, распространяя в воздухе липкий запах машинного масла, блестя голодными зубами. Теперь в их голосах звучало оживление и даже радость, – на сегодня кончилась каторга труда, дома ждал ужин и отдых. День проглочен фабрикой, машины высосали из мускулов людей столько силы, сколько им было нужно. День бесследно вычеркнут из жизни, человек сделал ещё шаг к своей могиле, но он видел близко перед собой наслаждение отдыха, радости дымного кабака и – был доволен…»

Улица Свободы. 2018 год. На переднем плане – Музей истории завода «Красное Сормово», за ним здание ЦКБ «Лазурит»: на этом месте стоял дом Трофимовых, где предположительно жил А.М. Горький в 1876 –1878 годах.

Сегодня не представляется возможным с абсолютной точностью установить, где находился дом, в котором снимал комнаты «вотчим» Е.В. Максимов и где жил Горький в детские годы. Определённо можно сказать, что дом был новый, только что построенный. И был он двухэтажным, так как с первого этажа, из кухни «через крыши» проходной не увидишь. Вероятнее всего, это был один из домов, стоящих близ главной проходной на нынешней улице Свободы (бывшей Узкозаводской). Сормовский краевед Альберт Олимпиевич Орловский вплотную занимался этим вопросом. Но найти списки сормовских домовладельцев и их старые домовые книги ему не удалось. А у самого Алексея Максимовича, который побывал в Сормове в 1928 году, никто спросить не догадался…

Ответ на эту загадку мы попытаемся дать ниже, в одной из следующих глав…

СОРМОВСКИЙ ЗАВОД: ВЗГЛЯД ИЗДАЛИ И ИЗНУТРИ. 1896

В том же очерке «По Союзу Советов» Горький вспоминает, что он ещё раз «побывал в Сормове лет пятнадцати, надеясь получить там работу, – на завод, разумеется, не пустили меня, видел его

Сормовский завод на рубеже XIX и XX веков.

только издали. Не понравилось мне накрытое облаками дыма скопище грязных корпусов, и эти грязные каменные пальцы труб. И грохот, скрежет, лязг, визг, скрип железа. Визит мой кончился дракой с фабричными подростками и бегством от них. Кажется, в 90-м году мои приятели Аким Чекин, пропагандист-народник, и Егор Барамзин, тоже народник, но уже склонный к марксизму, попробовали устроить меня на завод табельщиком, но не удалось». Забегая вперёд, скажем, что приблизительно в 1902 году (но не позднее 1904 года) самому Горькому удалось устроить на Сормовский завод своего родственника – Евгения Васильевича Фролова, мужа двоюродной племянницы (её дед Михаил Васильевич Каширин был родным братом Варвары Васильевны Кашириной – Пешковой)…

Павильон Сормовского завода на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде. 1896.

Но всё же через шесть лет писателю довелось побывать в заводских цехах. В 1896 году Горький был корреспондентом газет «Одесские новости» и «Нижегородский листок» на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде. 12 июля 1896 года он сообщает в «Одесских новостях», что осматривал Сормовский завод. Далее – по тексту очерка «По Союзу Советов»: «…я ходил по цехам завода с группой иностранных корреспондентов, которые приехали на Всероссийскую выставку, но меня

интересовала не работа завода и не рабочие, а то, что рассказывал иностранцам представитель администрации «Сормова». Говорил он по-французски, очень громко, но в адовом шуме голос его был не слышен мне, да и языка я не знал. Но по тому, какими резкими жестами этот человек стирал пот с лица и шеи, я был уверен, что он рассказывает интересно. Я спросил «собрата по перу»:

– Что он говорит?

– Жалуется на рабочих.

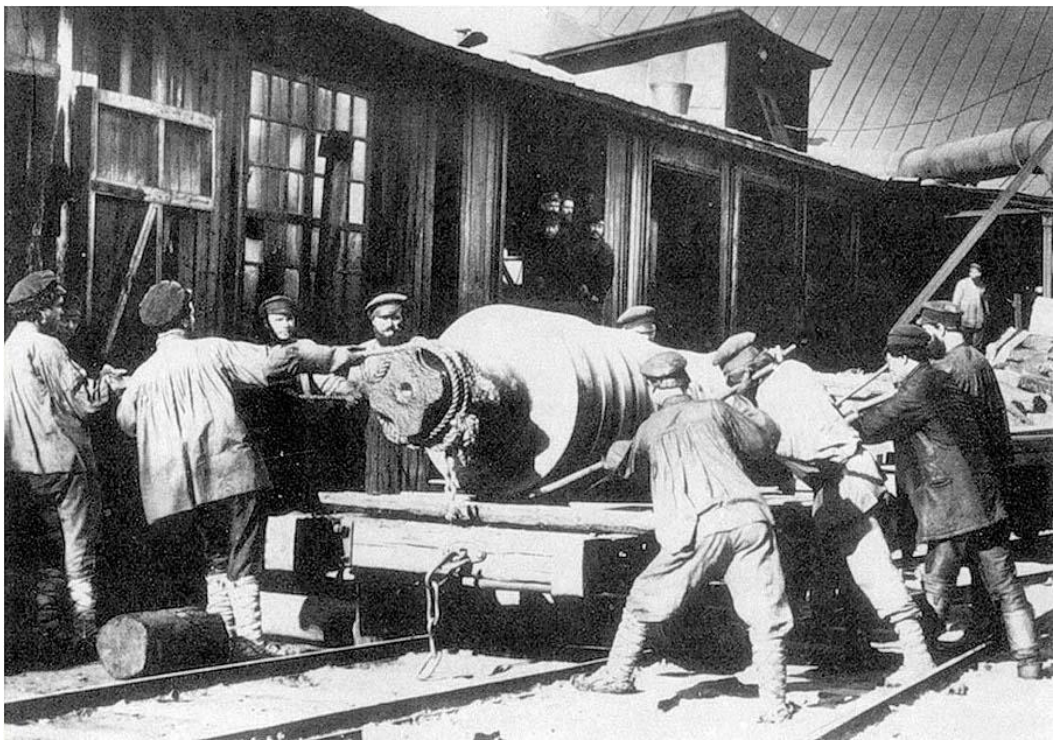
Шли дальше сквозь грохот, среди невиданных мною машин и чёрных людей; всё вокруг дрожало, вертелось, двигалось, как будто весь завод и земля под ним – всё уплывало вниз по Волге.

– А теперь что он говорит?

– Жалуется на рабочих.

Дождь хлестал по крышам. В прокатном, где по земле бегали, извиваясь, жгучие красные змеи, а дождь, врываясь в разбитые окна, шипел на полу, я третий раз спросил всё о том же и получил ответ:

– Хвалит французских рабочих.



Труд рабочих в конце XIX века.

В корпусах было нестерпимо жарко, хотя жару пронзали сквозняки, забрасывая в окна брызги холодного осеннего ливня; между корпусами текли чёрные ручьи, бегали, оскалив зубы, чёр-

ные люди; дождь, словно метлою, снова заметал их в двери корпусов, в жару и дым. Иностранцы, подняв воротники пальто, шагали молча, с таким унынием на лицах, что их было почти жалко. Затем они и представитель «Нового времени» пошли обедать к администратору, а мы, четверо провинциалов, – в трактир.

Хорошо помню, что мне было неловко гулять по цехам с группой чужих, равнодушных людей, я не умею быть «зрителем»…

ИДЁМТЕ-КА, БРАТЦЫ, В БАНЮ!
1902–1903.

Летом 1902 года стало известно, что на время работы Нижегородской ярмарки приедет с гастролями Фёдор Иванович Шаляпин. В те дни Горький много рассказывал Шаляпину о сормовичах, – совсем недавно произошла Сормовская демонстрация, многие рабочие были уволены с завода, семьи их голодали. Шаляпин сочувственно отнёсся к сормовичам и не раз помогал им.

«Однажды в номер к Шаляпину пришла делегация просить о помощи сормовичам и застала там Алексея Максимовича, – пишет в книге «М. Горький в родном городе» В.Н. Блохина. – Горький и Шаляпин тут же вытащили бумажники и отдали буквально всё, что у них было, даже мелочь высыпали. В последующие дни Алексей Максимович и Фёдор Иванович несколько раз передавали деньги для сормовских рабочих».

Горький и Шаляпин в Нижнем Новгороде. Начало XX века.

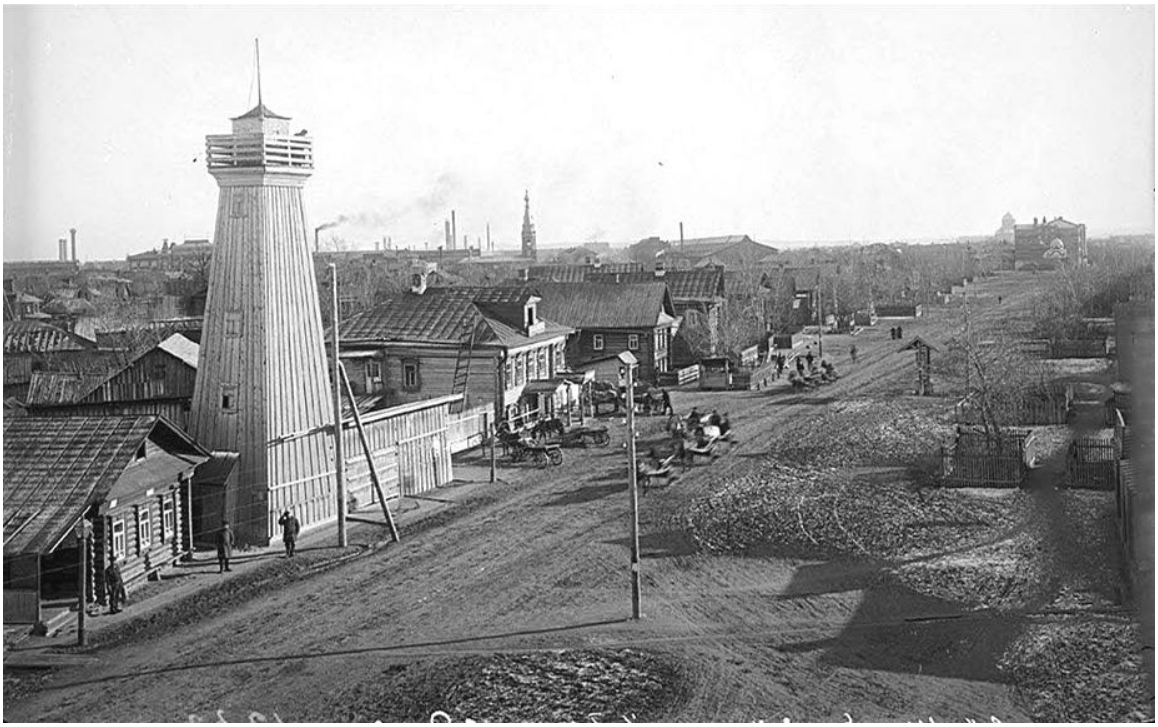
Тут надо сказать, что в период с 1896 по 1910 год знаменитый бас побывал в Нижнем Новгороде семь раз. Эти годы охватили период наивысшего подъема исполнительского творчества артиста. Они же оставили глубо-

кий след в культурной жизни города. Музыковед, педагог и просветитель Всеволод Александрович Коллар (1908–1979) посвятил этому периоду жизни великого артиста книгу «187 дней из жизни Шаляпина» (Горький, 1967).

Не все эпизоды пребывания Фёдора Ивановича в Нижнем Новгороде попали в этот труд. Любопытную, в первую очередь для сормовичей, историю В.А. Коллар рассказал на страницах газеты «Горьковский рабочий» (17 июня 1978 года).

«В августе 1903 года, приехав в очередной раз в Нижний Новгород для выступлений на сцене ярмарочного театра, Ф.И. Шаляпин остановился не в гостинице, как раньше, а в квартире у Горького на Мартыновской улице (современная ул. Семашко). Гастроли в опере затянулись, кроме того, в начале сентября намечался концерт в только что построенном Народном доме (ныне – Нижегородский театр оперы и балета им. А. Пушкина).

Пользуясь свободным временем,… Фёдор Иванович много гулял по городу, по ярмарке или плавал на лодке по Волге и Оке…



«Сормовска Больша дорога» (Большая шоссейная улица).

Как-то Горький предложил Шаляпину посмотреть Сормово. День выдался пасмурный. Моросил дождик. Ехать надо было на извозчике семь вёрст от ярмарки.

– Посмотришь, Фёдор, завод, посёлок рабочий. Потом заедем к Трофимову Михаилу Дмитриевичу, моему знакомому технику завода. Он, кстати, большой любитель музыки, умеет играть на виолончели, мандолине и ещё на чём-то. Организовал оркестр из рабочих, – говорил дорогой писатель Шаляпину.

Ненастная, сырая погода сократила прогулку, и подзамёрзшие путники, шагая по лужам, скоро попали в дом Трофимова. Быстро был сооружён самоварчик, закуски. За разговором Трофимов, показывая на вид из окна, сказал артисту:

– Вот эта улица у нас главная, Фёдор Иванович. Про неё молодёжь сложила частушку:

Сормовска Больша дорога
Вся слезами улита.
По ней ходят и гуляют
Молодые некрута…

– Довольно складно… Иногда в частушках есть хорошие, весёлые куплеты, – заметил Шаляпин и тут же резко добавил: – Но, в общем, не люблю я частушек. На мой взгляд, это песни-коротышки без крыльев, без настоящей мелодии. По мне лучше старинные протяжные. Вот хоть бы «Эх ты, Ванька», которую пела моя матушка Авдотья Михайловна.

И тут же стал напевать эту песню. Присутствующие, конечно, притихли и слушали Шаляпина. Когда смолкла последняя нота, через некоторую паузу певец сказал:

– Что же касается рабочей песни, то лучше «Дубинушки» я не знаю…

Снова раздался бархатный голос Шаляпина, а в припеве ему подпевали Горький и Трофимов. Но на середине куплетов Шаляпин неожиданно замолчал и беспокойно произнёс:

– Что-то у меня в горле сегодня сипит. А ведь завтра надо петь Мефистофеля. Вот бы, Лекса, попариться нам с тобой в баньке, чтобы простуду выгнать!

– Да у нас, Фёдор Иванович, банька-то за углом. Только рабочая, без особого комфорта, – воскликнул Трофимов.

– А парок там есть? – спросил Шаляпин. И получив утвердительный ответ, тут же весело и игриво предложил:

– Пойдёмте-ка, братцы, в баню! Нет ничего лучше бани…»

На этом В.А. Коллар завершает свой рассказ, но хотелось бы думать, что писатель и певец попарились в сормовской «рабочей» бане.

Судя по словам гостеприимного хозяина Михаила Дмитриевича Трофимова (в изложении В.А. Коллара), его дом стоял на Большой Шоссейной (Сормовской Большой дороге), неподалёку от Александро-Невской улицы, которая вела к главной заводской проходной (сегодня это улицы Коминтерна и Баррикад).

***

Церковь в честь святого благоверного князя Александра Невского и Александро-Невская улица. Начало XX века.

А вот сормовскому краеведу Анне Борисовне Дрожкиной доподлинно известно, что дом Трофимовых стоял не на Большой шоссейной, а на Узкозаводской улице, недалеко от главной проходной, в первом десятке, по правую (нечётную) сторону. Дом был двухэтажный – низ каменный, верх деревянный. По воспоминаниям известного сормовского преподавателя вокала М.В. Черноверхской, в девичестве Капрановой (матери А.Б. Дрожкиной), Трофимов владел игрой на виолончели и создал «небольшой симфонический оркестр» из числа работающих на заводе. Дочь Трофимова – Елена Михайловна была прекрасной пианисткой, она преподавала в Сормовской Народной консерватории (1919–1924).

В своих воспоминаниях «Музыкальная жизнь и музыкальная культура в Сормове» М.В. Черноверхская пишет: «При технических курсах (в Народной столовой) впервые был образован хор под руководством инженера Куликовского и небольшой симфонический оркестр под руководством Трофимова…». И далее – «До создания Народной консерватории в 1918 году… в Сормове были пианистки… и ещё была юная музыкантша Лёля Трофимова, дочь виолончелиста М.Д. Трофимова, которая училась в городе у известного педагога Нины Константиновна Сканави…»

А вот фрагмент из книги А.Б. Дрожкиной «История одного дома в судьбах его жителей» (Нижний Новгород – Сормово, 2015, с. 81): «После революции, в 1918 году, в тяжелое для страны время разрухи и голода, в Сормове – раньше, чем в Нижнем Новгороде (!) – была открыта музыкальная школа для детей и взрослых, названная Народной консерваторией…». В числе преподавателей Народной консерватории по классу виолончели она упоминает Михаила Дмитриевича Трофимова, а по классу фортепиано четырёх преподавателей, в том числе «очень молодую Елену Михайловну Трофимову»…

Дома Капрановых и Трофимовых стояли неподалёку, Мария Владимировна Черноверхская (Капранова) и Елена Михайловна Трофимова были в дружеских отношениях, часто обменивались нотами. Анне Борисовне Дрожкиной и в детские годы (так как маленькая Аня была «курьером», который доставлял ноты из дома в дом), и позднее, не раз доводилось бывать в доме Трофимовых.

Анна Борисовна сделала предположение, что знакомство Горького с Трофимовым могло начаться в конце 1870-х годов, когда Алёша Пешков жил в Сормове, и вполне вероятно, что именно в доме Трофимовых «вотчим» Максимов снимал комнаты для семьи… Учитывая расположение дома (он был снесён в 1960-х годах, сегодня на этом месте расположен главный корпус ЦКБ «Лазурит»), «если встать на лавку, то в верхние стёкла окна, через крыши» можно было увидеть «освещённые фонарями ворота завода»… Можно также объяснить, что именно этим – давней детской дружбой – объясняются тёплые отношения между Горьким и сормовским техником-музыкантом, которые сохранились на долгие годы…

В фондах музея истории завода «Красное Сормово» сохранилось несколько планов завода, составленных на рубеже XIX и XX веков. На них видно, что на территории завода, близ «горячих» цехов, размещались «рабочие» бани, где сормовские мастеровые могли помыться после трудовой смены. Правда, было их немного, от силы две-три… По всей видимости, в одну из этих бань – («за углом, только рабочую, без особого комфорта»), и собирался М.Д. Трофимов отвести своих гостей.

А пройти в те времена на территорию завода было не в пример проще, чем сегодня. Ребятишки носили обеды отцам, а торговки – свой товар: пирожки, лапшу. Вспомните Ниловну из горьковской «Матери», которая в корзинке со снедью проносила на завод прокламации. А ветеран сормовского завода И.М. Боков в своих воспоминаниях рассказывал, что жители деревни Мышьяковка ходили по воскресным дням в Александро-Невскую церковь через заводскую территорию.

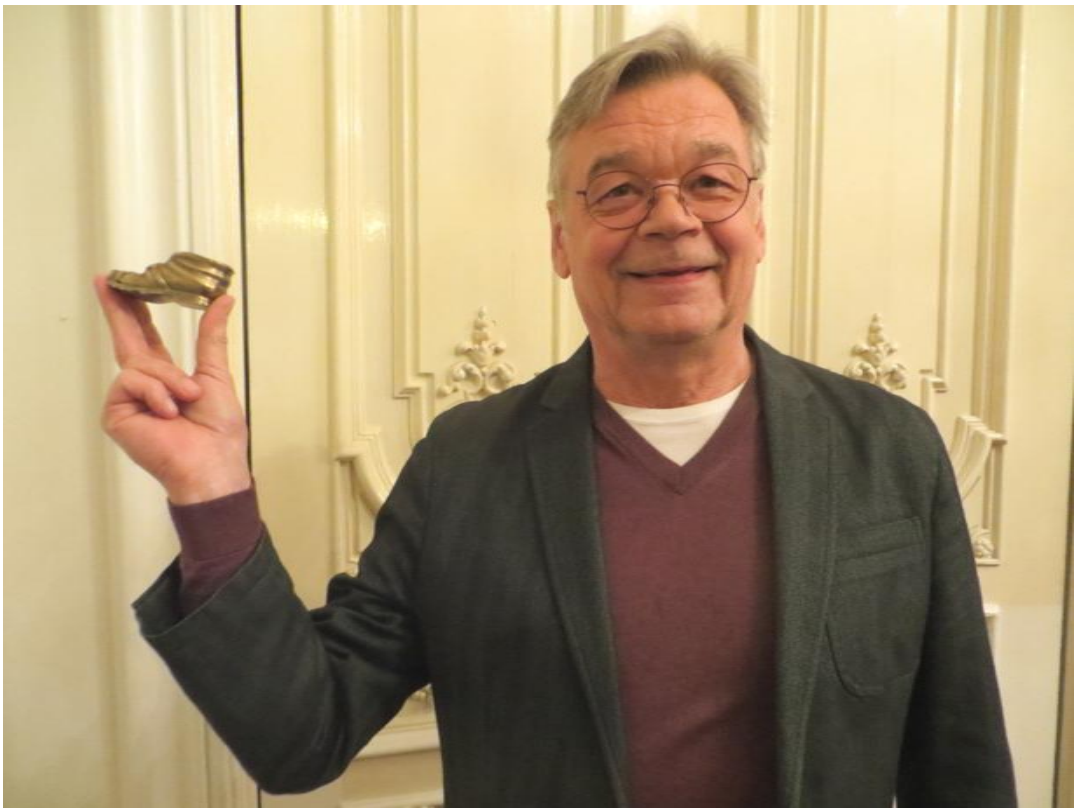
Остаётся только догадываться, почему В.А. Коллар в своей газетной публикации «переселил» Трофимовых с Узкозаводской улицы на Большую дорогу, откуда и до бани далеко, и заводской проходной не видно… Может быть, чтобы уместнее выглядело упоминание о частушке про «Сормовску Большу дорогу»?..

ДЕСЯТЬ ГОРЬКОВСКИХ БАШМАКОВ.
1902

Традиционно в конце декабря в нижегородском Государственном музее А. М. Горького проходит заседание ученого совета, на котором обсуждаются итоги работы в уходящем году и вручаются награды и премии, в том числе премия «Горьковский башмак».

Символическая премия «Горьковский башмак» учреждена в 2008 году, в память о ярком литературном дебюте М. Горького на рубеже XIX –XX веков. По решению ученого совета и работников Государственного музея А.М.Горького премия присуждается деятелям науки, культуры, искусства, литературы – энергичным, талантливым, с чувством юмора, иронии и самоиронии, по выражению самого Горького, «живым духом, бодро настроенным людям», с «солнцем в крови».

Горьковский башмак – копия бронзового башмака, который стоял на письменном столе Алексея Максимовича, а сегодня находится в экспозиции Музея А.М.Горького.



«Горьковский башмак» в руках Заслуженного артиста России Анатолия Фирстова, исполнителя роли Луки в пьесе Горького «На дне». 2017.

Этот экспонат напоминает об интересном факте в биографии Алексея Максимовича. Первая памятная дата – 10-летний юбилей его литературной деятельности (1902) – осталась бы не замеченной писателем, если бы о ней не вспомнили его друзья и читатели. В это время Горький находился в административной ссылке, в Арзамасе, и работал над пьесой «На дне», вскоре принесшей ему всемирную славу… Известно, что в гости к Горькому приехала группа нижегородцев, желающих выразить своё уважение любимому писателю. Они привезли в подарок десять «горьковских башмаков» – медных пепельниц в виде стоптанного рваного башмака. Количество «башмаков» соответствовало юбилейной дате.

…А Сормово здесь причём? Дело в том, что, как утверждается в юбилейном альбоме, изданном МБУК «Государственный ордена Почёта музей А.М. Горького» в 2016 году, к 45-летнему юбилею

Музея-квартиры А.М. Горького, те самые десять медных пепельниц в виде старого башмака, преподнесённые писателю в качестве подарка в 1902 году, были изготовлены на Сормовском заводе!

Как рассказала старший научный сотрудник Арзамасского мемориального музея А.М. Горького Татьяна Венедиктовна Казнина, во время арзамасской ссылки Алексея Максимовича нередко навещали его нижегородские друзья – Штюрмеры, Малиновские… Они-то и привезли писателю десять медных пепельниц-башмаков, отлитых на Сормовском заводе. Об этом эпизоде поведал арзамасский учитель Дмитрий Михайлович Корнилов, которому Горький подарил один из «башмаков». Впоследствии Корнилов, в свою очередь, подарил его своему ученику – журналисту и преподавателю Казимиру Чайковскому. В 1930-е годы Чайковский был репрессирован, но его семья бережно хранила «горьковский башмак», как память об отце и о великом писателе. В декабре 1982 года, на торжествах по поводу открытия музея Горького в Арзамасе сын Чайковского – Евгений Казимирович – передал пепельницу в дар музею.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ – ЧЛЕН ЗАВКОМА. 1928

1921 год – год отъезда М. Горького за границу. Причинами отъезда были не только возобновление его болезни (туберкулёз) и необходимость, по настоянию Ленина, лечиться за границей. Писатель был вынужден уехать из-за обострения идеологических разногласий с установившейся властью.

Горький жил в эмиграции с 1921 по 1932 год – в Чехии, Германии, Финляндии, Италии – продолжая активно заниматься литературным трудом. Из-под его пера выходят рассказы, очерки и такие масштабные произведения как «Дело Артамоновых», «Мои университеты», «Жизнь Клима Самгина».

В 1928 году по приглашению Советского правительства и лично Сталина Горький совершает пятинедельную поездку по стране, во время которой ему показывают достижения СССР, нашедшие своё отражение в цикле очерков «По Советскому Союзу». В Нижнем Новгороде, на родине, писатель провёл три дня…

***

Заслуживает внимания публикация А.А. Гороховского «Встреча с Человеком» – воспоминания И.И. Семёнова, шофёра, который возил Горького на «Бьюике» по городу и по Сормову в его приезд 1928 года («КС», 1968, 28 марта, 30 марта).

«Иван Иванович Семёнов – пенсионер. Его специальность – шофёр. Собственно, профессия и привела его к встрече с Горьким… Август 1928 года. В то время шофёр Семёнов работал на строительстве НИГРЭСа, возил на своём новеньком «Бьюике» руководство стройки. … В гражданскую войну водил броневик, потом работал в крайкоме, Сормовском райкоме, в ЧК. Так что в городе его знали. И хоть звали тогда не Иваном Ивановичем, а просто Ваней, он считался одним из «старейших» шофёров, потому что сел за баранку ещё до революции.

«Но когда меня вызвали и сказали, что я буду возить Алексея Максимовича Горького во время его пребывания в Нижнем, здорово волновался, – рассказывает Иван Иванович. – Было известно, что пароход «Плёс», на котором ехал Горький, должен подойти ночью 6 августа… Были слухи, что областное руководство просило капитана «Плёса» задержать пароход, чтобы нижегородцы могли встретить своего земляка днём, с большей торжественностью. А Горький, якобы, со своей стороны просил капитана поторопиться, чтобы подойти к городу… в вечернее время. Не любил он, говорят, когда по поводу его шумели много…

Но 7-го, в 8 или 9 часов утра (точно не помню), мы уже ждали его на Путейской пристани (это где-то в районе нынешнего речного вокзала). Я, конечно, сидел в своей машине. Волновался здорово. И вот показался «Плёс». Тут же весь город наполнился гудками. Это фабрики, заводы, пароходы приветствовали Алексея Максимовича. Как его встречали на пристани, я не видел – уж больно много народу было. А пока шёл митинг, смотрю – к моей машине подошёл какой-то высокий человек, без фуражки, бритый. Посмотрел мою машину, другие. Только уж когда все расселись по машинам и Горький, вежливо поздоровавшись, сел на заднее сиденье, сказав мне: «Вы уж не лишайте Максима удовольствия, он ведь заядлый автомобилист. Пусть рядом с вами сядет», – я понял, что этот незнакомец был сыном Алексея Максимовича.

Сормовские рабочие приветствуют своего любимого пролетарского писателя. Сын Максим – четвертый слева, в светлой кепке.

Ехать пришлось медленно, потому что улицы были буквально запружены народом. Все кричали, тянулись к машинам, поднимали вверх приветственные лозунги. Горький отвечал на приветствия и как-то растерянно, смущённо улыбался. Но было видно, что он до глубины души тронут встречей со своими земляками, родными местами…

На другой день, утром, когда все расселись по машинам, Горький сказал:

– Давай Ваня, вези нас по старым улицам, а уж потом в Сормово.

Когда мы проезжали по улицам, Алексей Максимович был очень оживлённым. Иногда просил остановить машину, выходил из неё, смотрел с откоса на Волгу, а потом – «Налюбовался… поедемте дальше»…

Горький рассказывал своим спутникам и сыну различные истории, связанные с местами, мимо которых мы проезжали, называл улицы старыми названиями, много расспрашивал. Часто в разговоре вспоминал Фёдора Ивановича Шаляпина, рассказывал о днях

молодости, проведённых с ним, различные смешные случаи. Когда проезжали по Ковалихе, Горький обратился ко мне: «А вот тут, Ваня, поедем потише, ведь здесь я родился…» Останавливались у бывшего острога, у Народного дома (ныне там оперный театр). А когда Алексей Максимович стал рассказывать, как он с врачом Золотницким устраивал благотворительные утренники для детей бедноты, я не выдержал и сказал: «Алексей Максимович, а ведь однажды вы мне на одной ёлке в манеже валенки подарили». Мне тогда было лет пять или шесть, но я хорошо запомнил тот день и человека, подарившего мне первую в жизни новую обувку. А Горький в ответ мне только сказал: «Вот и хорошо». А потом вдруг весело добавил: «А валенки-то уж, чай, износились? А?» Все засмеялись. Потом Горький заторопил нас в Сормово.

Там Алексея Максимовича уже ждали. У главных заводских ворот все вышли из машины и, сопровождаемые сормовичами, вошли на территорию завода. А мне пришлось остаться с машиной. Но я слышал, как восторженно встречали сормовские рабочие своего любимого писателя…»

***

31 июля 1928 года рабочая многотиражка «Красный сормович», совсем «молоденькая», ещё не отметившая первую годовщину своего существования, передавала «Привет сормовичам от Максима Горького» и извещала, что «Максим Горький будет в Сормове в середине августа». И – подробности: «16 июля в дом отдыха ЦИК Суук-Су (Крым) приехал погостить на несколько дней М.Горький. Редактор «Красного сормовича» С. Белоусов провёл с ним небольшую беседу. Максим Горький в беседе передал привет сормовским рабочим. В Сормове предполагаю быть, – сказал Горький, – в первой половине августа».

Писатель оказался верен слову: 8 августа он прибыл в Сормово. О его пребывании на заводе книга «История «Красного Сормова» (М., 1969) рассказывает так.

Писатель «посетил родной город и с детства близкий ему Сормовский завод. Смотрел на зелёные садики около новых заводских домов, на прекрасно оборудованную детскую спортивную

Привет сормовичам от Максима Горького.

Максим Горький будет в Сормове в середине августа.

Редактор „Красного Сормовича“ беседовал с Максимом Горьким.

16 июля в дом отдыха ЦИК Суук-Су (Крым) приехал погостить на несколько дней М. Горький. Редактор «Красного Сормовича» С. Белоусов провел с ним небольшую беседу.

Максим Горький в беседе передал привет Сормовским рабочим. В Сормове предполагаю быть — сказал М. Горький в половине августа. Из Суук-Су М. Горький выехал в Баку.

«Красный сормович» от 31 июля 1928 года извещает о приезде А.М. Горького в Сормово.

площадку. Проходя через неузнаваемо изменившийся заводской двор, заинтересовался открывшимся в том же 1928 году деревообделочным цехом.

Зоркие, проницательные глаза художника стремились увидеть новые вещи и явления, и не только типичные, но и перспективные. Горький интересовался производственным процессом, новой техникой, спрашивал, насколько рационально используются железная стружка и обрезки, в каком количестве они поступают в переплавку в мартеновские печи… Во всех вопросах, больших и малых делах было видно, что Алексей Максимович так же, как и сами сормовичи, любовно относился к заводу, интересовался его прогрессом.

Той весной паровозостроительный цех завода «Красное Сормово» как раз отметил свой знаменательный праздник – выпуск 2500-го паровоза. В том цехе внимание Горького привлекла работа клепальщиков: отовсюду слышались оглушительные дробные звуки. Железное чрево котла отзывалось громким эхом.

– Хоть и механизировали, а труд ещё тяжёлый, – заметил Горький сопровождающим его людям.

Весть о том, что Горький приехал, молниеносно разлетелась по цехам. Не останавливая работы, все рабочие поднимали головы

2500-й паровоз, построенный сормовичами.

от станков и приветствовали Алексея Максимовича, когда он проходил мимо них. А знаменитый писатель то и дело снимал белую кепку, раскланивался с каким-нибудь рабочим, старым знакомым.

– А помнишь, Алексей Максимович, как мы тебя в девятьсот первом провожали, когда тебя из родного города изгнали?

– Мы их пережили, – усмехнулся Алексей Максимович.

Особенно интересовало Горького всё новое в производстве, в технологии, в организации труда и экономии рабочей силы. Подолгу простаивал он около заграничных станков, задумчиво слушал объяснения директора завода (Петра Фёдоровича Лаврентьева – *прим. авт.*) о том или ином достижении в области производства.

Осмотрев паровозный, котельный, механический цехи, Алексей Максимович зашёл в дизельный. Опять ряд станков. Лес уходящих вверх приводных ремней. Внимательно осматривал Алексей Максимович мощные двигатели для нефтеналивных шхун Каспийского пароходства (морских танкеров-теплоходов «Ленин» и «Профинтерн» грузоподъёмностью 7600 тонн и мощностью 2560 л.с. – *прим. авт.*).

В то время дизельный цех расширялся, увеличивался почти вдвое. Уже заканчивалась постройка нового корпуса, почти целиком из железа и стекла. Масса света. Высокие потолки. Просторно. Горький прошёл по узким настилам, проложенным по взрытой зем-

ле: в цехе рыли котлован для фундамента гиганта-станка, крупнейшего в мире. Станок предназначался для обработки крупных частей двигателя без переноса их с места на место.

– Хорошо, сильно, здорово, – заметил Горький…

После короткого отдыха в помещении заводоуправления Горький появился на балконе, выходящем на заводской двор. Гудок как раз перед тем оповестил конец дневной смены. За несколько минут весь большой двор завода был буквально запружен тысячами рабочих, пришедших приветствовать своего знаменитого земляка.

Танкеры «Ленин» и «Профинтерн» сормовской постройки. 1928.

Появление Горького было встречено дружным всплеском аплодисментов. Несколько горячих слов сказал представитель от рабочих, поблагодарив любимого писателя за его визит. Потом заговорил Алексей Максимович. Его негромкая, басовитая 15-минутная речь была выслушана огромной людской массой с напряжённым вниманием. Проникновенные, искренние слова Алексея Максимовича доходили до каждого. Нижегородские журналисты записывали, стараясь не пропустить ни одного слова. А Горький говорил:

– Вами так же, как на Дону, в Баку, да и по всему Советскому Союзу, сделано очень много. Вы, однако, до сих пор имеете слишком много недостатков и недоосознали всю грандиозность того дела, которое вы делаете. Вам, сормовичам, больше, чем кому-нибудь, надо сильно верить в свои силы. Помните, что вы, несмотря на техническую отсталость, ведёте за собой рабочий класс Европы. И если заграничный рабочий, приезжая сюда, бывает чище

одет, чем вы, знайте, что он несчастливее вас во сто крат, ибо на его спине сидит такой хозяин, какого у нас, пожалуй, ещё не было. Перед вами теперь прямой путь к твёрдой цели. Не сворачивайте с него. Работайте, не забывая культурно развиваться. Делайте свою рабочую высококвалифицированную интеллигенцию. В вашей победе, сормовичи, я уверен.

Гром рукоплесканий и тысячеголосое «ура» покрыли последние слова оратора.

На том многочисленном собрании рабочие единогласно избрали Горького почётным членом заводского комитета.

– Ну, хорошо, хорошо, спасибо за доверие, – растроганно благодарил Алексей Максимович».

***

В следующем же номере «Красного сормовича» от 12 августа 1928 года (газета тогда выходила три раза в месяц) появилось графическое изображение писателя и броский заголовок – «МАКСИМ ГОРЬКИЙ – почётный член завкома завода «КРАСНОЕ СОРМОВО». Газета писала: «Снова Максим Горький в родных местах у земляков. 8 августа Алексей Максимович посетил близкое и родное ему Сормово.

Горячо встретили и приветствовали Сормовские рабочие своего
Максима Горького
МАКСИМ ГОРЬКИЙ---почетный член завкома завода „КРАСНОЕ СОРМОВО“.

«Красный сормович» от 12 августа 1928 года.

Около десяти часов потратил А.М. на осмотр гиганта завода Кр. Сормово, а также провёл в беседах среди старых своих друзей, которых оказалось немало. Он познакомился с условиями и бытом сормовских рабочих и поделился своими впечатлениями.

А.М. Горький на заводе «Красное Сормово» 8 августа 1928 года.

Горячо приветствовали своего любимого пролетарского писателя рабочие сормовского завода, собравшиеся после дневной смены на летучем митинге, на котором присутствовало до 8 000 чел., пришедших взглянуть и выслушать несколько слов буревестника революции – Максима Горького.

В ответ на приветствия от рабочих Сормовского завода Алексей Максимович произнёс собравшимся рабочим речь, в которой указал на гигантские задачи, выпавшие на долю нашего рабочего класса и разрешаемые им».

В Полном собрании сочинений А.М. Горького в 30 томах (Москва, «Художественная литература», 1949-1955) опубликовано выступление писателя перед сормовскими рабочими (т. 24. с 400-401). Приведём его практически полностью: «Товарищи, каждый раз, когда я вижу эти ваши тысячи голов, мне представляется одна голова – голова рабочего класса. Я знаю, товарищи, что между вами ещё «всяк молодец на свой образец». Но – что ж поделаешь? Это, товарищи, ваш большой недостаток. Недостаток потому, что

различаетесь и дробитесь вы между собой из-за каких-нибудь пустяков, а на самом-то деле живёте вы не пустяками, а величайшей работой, которая в мире никогда ещё не была делаема. Это работа не только та, которую вы делаете в Сормове, её делают в Баку и в Донбассе, и всюду в Союзе. Тут и сказывается ваша единая голова, единая мысль рабочего класса. Вот что усвоить следует вам.

Огромнейшее дело, которое творится сейчас в Союзе Советов, – ваше дело, вы уже не пролетарии, вы хозяева страны, и полные её хозяева. Вы творцы нового государства, и это следовало бы вам крепко помнить.

Товарищи, многие из вас начинают увлекаться построением индивидуального своего житьишка. Если каждый будет заботиться только о себе, тогда мы придём опять к тому, от чего ушли, придём к той старой рабской жизни, которую мы покинули. Мы опять наживём себе хозяев. Вот чего надо бояться! Скажу просто: мещанства много у нас, товарищи, много ещё из старого мира осталось в нас такого, с чем мы должны усиленно бороться. Жизнь требует от нас больших знаний и большой грамотности…

Алексей Максимович выступает перед сормовичами с балкона заводоуправления.

Товарищи, может быть, неясно вам то, что я говорю, но ясней я не умею. Мне всё кажется, повторяю, что вы недостаточно внимательно и недостаточно доверчиво относитесь к тем людям, которые научили рабочий класс лучшему, чему следовало научить его, – взять в свои руки политическую власть в стране. Я говорю о партии. Я не партийный человек, не коммунист, но я не могу, по совести, не сказать вам, что партия – это действительно ваш мозг, ваша сила, действительно ваш вождь, такой вождь, которого у западного пролетариата – к сожалению и к его горю – ещё нет. Многому хорошему они научили, многому учат, увеличивают влияние на пролетариат Западной Европы, который живёт в гораздо худших условиях, чем вы. Если вы видели, что из-за границы приезжают рабочие, одетые чище вас, и если они не говорят, что им живётся хуже, чем вам, это не говорится из-за страха. А не из-за нежелания сказать правду. Но им хуже, чем вам. У них хозяин такой, какого, пожалуй, не было у вас, – построже, посильней и пожёстче. И вы понимаете, какое огромное значение имеет ваша работа для всего пролетариата Европы? Вам это следовало бы знать. К вам прислушиваются, и несомненно, что вашим путём пойдёт весь европейский пролетариат, весь рабочий класс всего мира.

Вот всё, что я хотел сказать».

В том же томе ПСС А.М. Горького в 30 томах, на странице 402 приводится «Ответное слово на митинге у сормовичей»: «Спасибо за честь, товарищи, спасибо! Тут все говорили о том, чтобы я что-то написал, чтобы я работал с вами, – об этом меня просить не надо! Это моё дело, моя профессия, моя специальность. Я вот уже около двадцати пяти лет, а может быть, и больше, живу с русским трудящимся народом, а главным образом и больше всего – с русским рабочим классом, родным мне по духу. Я имею дерзость считать себя революционером вместе с рабочим классом, который является наиболее революционным и на который история человечества возложила великую честь, великую задачу – преобразовать мир. Вы, товарищи, начинаете это делать. То, что говорили предыдущие ораторы о работе «Красного Сормова», также могут сказать бакинские рабочие, могут сказать рабочие Донбасса и всех заводов и фабрик Союза Советов, которые все будут расти и расти для того, чтобы обогатить нашу страну знанием, культурой, деятельными людьми, которые поведут за собой весь европейский рабочий на-

род. Вот, товарищи, задача, которую вам «внушила история». На этом пути я до конца своих дней с вами, товарищи!

(*Реплика из массы*: «Так ли бы сказал Лука сейчас: Если веришь, бог есть, не веришь – нет?»)

Наверное, так, потому что он – жулик.

Все люди, которые пытаются утешить и примирить непримиримое, – жулики, не верьте им, не верьте!»

ХОДИЛ, ПОХВАЛИВАЛ И ДУМАЛ… 1928.

В своём очерке «По Союзу Советов» писатель высказался о своих впечатлениях более резко, чем на заводском митинге: «А что видел я в несколько часов прогулки по Сормовскому заводу? Мне показалось, что на нём, в цехах, стало ещё теснее, чем было в 96 году. Станки стоят вплоть один к другому, рабочие почти трутся друг о друга. В горячих цехах, на мой взгляд неопытного человека, не хватает каких-то механических приспособлений, которые облегчали бы адски тяжёлый труд рабочих. Когда я смотрел, как раскалённый едва не добела коленчатый вал весом, наверное, в несколько тонн, – вал для морских шхун вместимостью в 10 тысяч тонн, – когда я видел, как этот вал подводили из горна под паровой молот, перед моими глазами встала картина работы на заводе Балдвина в Филадельфии, на судостроительном под Нью-Йорком. Грустно и обидно было сравнить условия работы сормовских рабочих с картиной работы американцев, которую я видел 22 года тому назад.

Возможно, что я чего-то не понимаю, ошибаюсь и что лучше бы мне не говорить об этих делах. И, разумеется, я не забыл, что русские рабочие получили от бывших хозяев наследство технически плохонькое. Знаю я, что Сормовский завод – «ветеран труда», что горячие цеха уже выносят на новое место, что на заводе скоро будет просторней и удобней для 18 тысяч носителей творческой силы, – всё это так. Но у меня есть своё отношение к труду, к рабочим, и если я ошибаюсь, – мне на это укажут, а всё-таки я должен сказать то, что думаю. Я видел, вероятно, не один десяток дворцов культуры, огромных, отлично построенных зданий, которыми рабочий класс имеет законнейшее право гордиться как одним из своих культурных достижений. Превосходнейшие дворцы эти стоят, конечно, много миллионов. Мне кажется, что было бы социально

разумнее затратить эти миллионы на расширение своих заводов и фабрик, на улучшение условий труда, на охрану своего здоровья…

Каждый сознательный рабочий-революционер обязан понимать, что чем длиннее срок его жизни, тем более это полезно для его класса, тем продуктивнее должна быть его работа строителя «нового мира» и воспитателя молодёжи…

Я назвал труд рабочих героическим. Он – везде таков, но наиболее хорошо я видел это в Сормове, где теснота и примитивные условия труда не мешают работникам строить морские шхуны почти голыми руками, где нет для этой работы даже подъёмного крана и огромные тяжести рабочие «самосильно» передвигают с места на место под пение «Дубинушки». Дворцы культуры и «Дубинушка» – в этом, товарищи, есть что-то и смешное, и грустное.

Механизированные линии изготовления плоских секций

Именно это чувствовал я, когда ходил по железным палубам морских шхун, изумляясь терпению и талантливости рабочих людей Сормова. Ходил, похваливал и думал: «А надолго ли вас хватит при такой работе, товарищи?»…

А что бы сказал «пролетарский писатель», если бы увидел заводские цеха и производства сегодня, когда на «Красном Сормове» реализуется несколько инвестиционных программ, в рамках которых внедряются современные технологические разработки? Вне-

дрены механизированные линии изготовления плоских секций, которые позволяют значительно увеличить объем производства и сократить количество сборщиков и сварщиков. Введены в эксплуатацию плазменные резательные машины: это оборудование эффективно и многофункционально – в автоматическом режиме режет металл, делает фаски и разметку. С 2008 года работает линия по очистке металла и его грунтовке. Внедрение этого нового прогрессивного оборудования дает возможность получить замкнутую технологическую цепочку: поставка металла, его дробеструйная очистка, грунтовка, раскрой металла, сборка и сварка на механизированной линии. Это позволило значительно увеличить объемы производства, повысить качество продукции и избавить рабочих от тяжелого физического труда. Такой замкнутый комплекс стал первым в России.

Вот бы Алексей Максимович порадовался!..

А в 1932 году Горький окончательно вернулся в СССР.

ПО ВОЛГЕ – НА СОРМОВСКИХ СУДАХ

Исследователями установлено, что А.М. Горький плавал на волжских пароходах «Переворот», «Добрый» и «Пермь» (служил посудником), «Урицкий», «Карл Либкнехт», «Плёс», «Клара Цеткин» (бывшая «Екатерина»), «Максим Горький» и «Гаситель». Доподлинно известно, что три из них построены на Сормовском заводе: «Переворот» (1871), «Клара Цеткин» («Екатерина», 1900) и «Максим Горький» (1934). О его путешествии на пароходе «Переворот» из Астрахани в Нижний Новгород в 1871 году (тогда будущему писателю было всего три года) мы рассказали в первой главе.

О поездках А.М. Горького на сормовских пароходах «Клара Цеткин» и «Максим Горький» подробно и интересно рассказала преподаватель Горьковского педагогического института В.Н. Блохина в своей книге «А.М. Горький на Волге» (Горький, 1961), в книге, которая сегодня, к сожалению, мало кому известна и почти забыта…

«КЛАРА ЦЕТКИН», ОНА ЖЕ «ЕКАТЕРИНА»

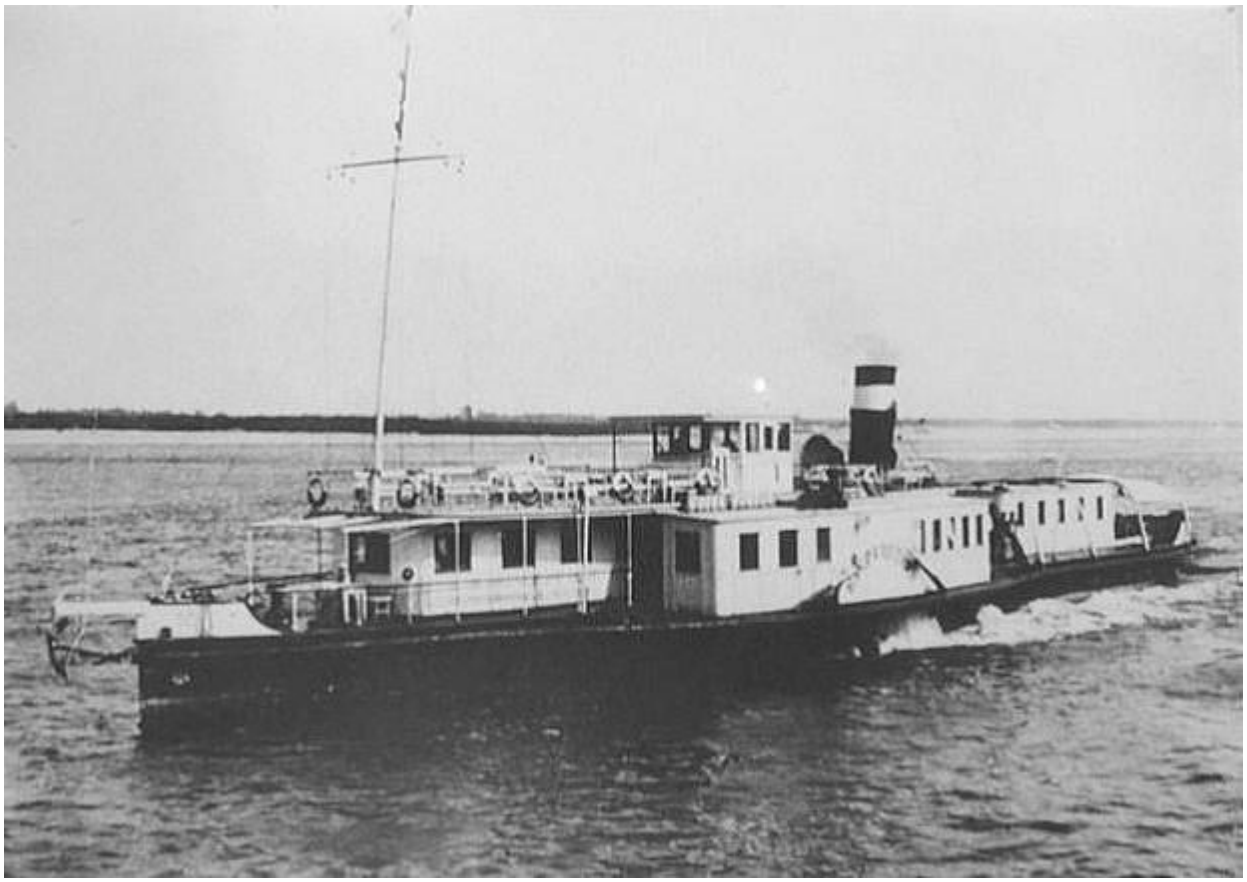
Итак, дважды – в 1928 и 1934 годах – Алексей Максимович путешествовал по Волге и её притокам на служебном (правительственном) пароходе «Клара Цеткин». Он был построен в 1910 году на Сормовском заводе как путейский пароход и первоначально носил имя «Екатерина».

Для начала поясним, какие пароходы до 1917 года называли «путейскими». Вот что пишет по этому поводу журнал «Нижегородский музей» (2010, №19): «Дистанции и участки пути объединялись в округа во главе с очень большими начальниками. Два раза в год они покидали натертые паркеты «коридоров власти», чтобы лично удостовериться в готовности флота к навигации и зимовке.

Для этих поездок существовали специальные путейские суда с повышенным уровнем комфорта.

В 1885 году по заказу Министерства путей сообщения Сормовский завод построил два парохода «для служебных поездок». По меркам путейского флота суда были довольно крупными. Их наибольшая длина – 64 м, мощность работавших на угле паровых машин типа «Компаунд» – 540 л.с. Один пароход назвали «Межень», а второй – «Стрежень». Этими словами путейцы называют самый низкий и соответственно наиболее высокий уровень воды в реке…

Внутренние помещения этих красивых яхт, отделанные драгоценными породами дерева, декорировали мебелью и гобеленами в стиле Людовика XIV. Любопытно, что в справочнике судов Речного регистра они скромно именовались «буксирами с железными корпусами».



Служебный пароход «Клара Цеткин» (бывшая «Екатерина», 1900).

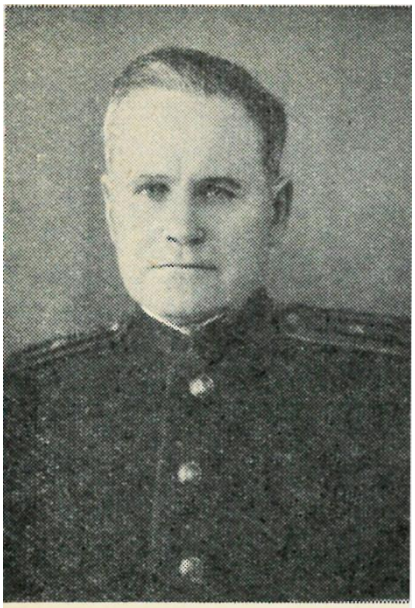
Любопытно также, что «Межень» дебютировала лишь в 1899 году, когда великий князь Владимир Александрович изволил предпринять трехдневный вояж из Ярославля в Рыбинск. Когда это стало известно высокому путейскому начальству, «Межень» срочно было решено заново отделать, поменяв стиль парадных помещений с «а-ля Людовик XIV» на «а-ля рус». Пароход отправился на Сормовский завод, где полностью переделанные салоны украсили картины «из волжской жизни», написанные французскими художниками…

Свой самым знаменитый рейс «Межень» совершила в мае 1913 года, во время празднования 300-летия дома Романовых, когда государь император с венценосной супругой изволили проследовать из Нижнего до Ярославля с остановкой в Костроме, где венчался на царство первый представитель дома Романовых.

Для этого сформировали специальную эскадру путейских судов, в которую, кроме «Межени» и «Стрежня», вошли «Нижний Новгород», «Екатерина» (1900, Сормово), «Орел», а также большие пассажирские пароходы «Император Александр Благословенный» и «Царь Михаил Федорович».

Так путейский пароход «Екатерина» впервые выходит на большую сцену…

***



Иван Иванович Очелков.

Иван Иванович Очелков плавал на правительственном пароходе «Клара Цеткин» пять лет – с 1929 по 1934 год – сначала помощником капитана, затем капитаном.

Очелковы – жители старейшего в Нижегородской губернии поволжского города – Городца. И.И. Очелков – потомственный волгарь. Его отец плавал по Волге капитаном парохода. Иван Иванович родился на пароходе, рос на пароходе и все его детские годы прошли на пароходе, капитаном которого был его отец. Мальчик был шустрый и чтобы он, бегая по палубе, не упал в воду,

мать привязывала его веревкой. С четырнадцатилетнего возраста Иван Очелков работал матросом, рулевым, затем учился и – снова Волга. Большой и трудный путь прошел И.И. Очелков. Ему довелось ездить с Калининым, Ворошиловым, Сталиным. Не трудно представить, какая это была ответственная работа, связанная с огромным риском для жизни, особенно в 30-е – 40-е годы.

Вот что рассказывал капитан Очелков о своём пароходе: «Небольшой дореволюционный путейский пароходик, в прошлом «Екатерина», был в первые годы Советской власти переименован в «Клару Цеткин». В 1925 году на пароходе своего имени совершила поездку Клара Цеткин.

Очень интересен был на пароходе гудок. Его отливал механик парохода Кувшинов в 1910 году в Паратском затоне близ Казани. Как путейский, пароход имел богатую сервировку, и вот когда стали отливать гудок, то собрали всё поломанное серебро – ложки, подстаканники и прочее – и бросили всё это в тигель. В это время в Паратский затон (с 1928 года – рабочий посёлок Зелёный дол) приехала из Казани с какой-то ревизией путейская комиссия. Увидев, что для парохода «Екатерина» торжественно отливают гудок, члены комиссии бросили в котёл по серебряному рублю, вслед за ними и работники завода стали бросать в котёл серебряные монеты. Гудок вышел действительно на славу…

Вся Волга знала «серебряный бас» «Клары Цеткин». Когда проходил какой-нибудь праздник, то первой салютовала «Клара Цеткин» и её «серебряному басу» вторила вся Волга…

Зимой 1933-1934 года пароход был поставлен в затон на капитальный ремонт. Он был совершенно переделан, каюты и салоны были отделаны красным деревом, венгерским кленом, вдоль всей палубы поставлены медные поручни, таких поручней не было ни на одном другом пароходе.

Особенной была на пароходе палубная корешковая мебель. Эту мебель специально заказывали в Хвалынске, она сделана из корней деревьев, исключительно легка, прочна и красива».

В 1934 году молодой, но уже известный на Волге капитан Очелков был назначен на новый теплоход «Максим Горький», который был построен на Сормовском заводе. Но не будем забегать вперёд…

Вернёмся к пароходу «Клара Цеткин», его команде и его капитанам периода 1928-1934 годов. Когда на пароходе отмечали какое-нибудь торжество и собирались в кают-компании, первый тост поднимали за одиннадцать Иванов и семь Иванов Ивановичей – членов команды во главе с капитаном Очелковым. С 1918-го года бессменным лоцманом служебного (правительственного) парохода «Клара Цеткин» был Иван Иванович Лазарев. Ему довелось ездить с И.В. Сталиным, К.Е. Ворошиловым, М.И. Калининым и дважды с А.М. Горьким – в 1928 и 1934 годах.

Он вспоминал: «Первый раз увидел я Алексея Максимовича в 1928 году. Вечером в один из августовских дней наш пароход получил распоряжение принять утром на борт А.М. Горького. Почти всю ночь команда не ложилась спать, несмотря на то, что пароход весь сверкал и блестел, всё казалось, что что-то ещё недоделано, всем хотелось, чтобы Алексею Максимовичу понравилось на нашем пароходе. На палубе, в каютах и в салонах было много цветов. Капитан парохода М.М. Чалбышев приказал поднять флаги. Члены команды оделись в парадную форму и ждали приезда А.М. Горького… Вскоре приехал Горький вместе с сыном Максимом, Андреем Александровичем Ждановым, представителями горьковских организаций и корреспондентами газет…

Алексей Максимович осмотрел весь пароход, зашёл в машинное отделение, в каюты команды, похвалил порядок и чистоту на пароходе…

Ещё раз я встретился с А.М. Горьким в 1934 году. Он отдыхал на нашем пароходе около десяти дней. В этот раз мне пришлось не только видеть, но и разговаривать с ним. В хорошую погоду Алексей Максимович с самого утра находился на капитанском мостике, где ему ставили специальное кресло-качалку. Он много читал, был почти всё время с книгой. Алексей Максимович был очень любознательным, он всё время расспрашивал, как мы работали до революции и как работаем теперь, какую зарплату я получал раньше и сколько получаю теперь, как питаемся, как живут наши семьи в колхозах… какая жизнь нам больше по вкусу… Я рассказал ему один эпизод. Незадолго до этой поездки мне пришлось плыть с И.В. Сталиным и К.Е. Ворошиловым. Иосиф Виссарионович и Климент Ефремович часто приходили ко мне на вахту и всегда

здоровались со мной за руку. Вот и теперь я сижу с вами, как равный. Мне, русскому мужику, малограмотному волгарю-лоцману, руководители нашего правительства почтение оказывают. А в 1913 году я в составе тринадцати судов сопровождал «царский поезд». Ехал я на пароходе «Казань», тоже лоцманом. С нами ехали министры. Они тоже поднимались на мостик, но никто из них ни разу не подал мне руки. Они просто не замечали меня, потому что я мужик».

… Когда в 1934 году закончился рейс, А.М. Горький передал через капитана всей команде денежные премии. И.И. Лазарев купил на них хороший буфет и называл его «подарок Горького». А самого его прозвали «лоцман с комодом»…

А вот воспоминания других членов команды о поездке писателя на пароходе «Клара Цеткин» в 1934 году.

Весной 1934 года в Сопчинском затоне (ныне затон 40 лет Октября) был закончен капитальный ремонт и декоративная отделка «Клары Цеткин». Бригадой ленинградского завода «Красная заря» на пароходе была смонтирована автоматическая телефонная станция: такой станции в то время не имело ни одно речное судно в Союзе.

В июне пароход вышел в трёхдневный пробный рейс до Работок. Через несколько дней пошли в Горький, где капитан И.И. Очелков передал пароход вновь назначенному капитану П.В. Наумову. В Горьком пароход пришвартовался к специальному дебаркадеру, где стоял до начала июля. В июле пароход был вновь весь окрашен.

9 или 10 июля «Клара Цеткин» направилась в Ярославль, где на судно должен был сесть Алексей Максимович Горький. В этой поездке его сопровождали две девочки – внучки Дарья и Марфа. Опираясь на палку, Алексей Максимович вошёл на палубу и с улыбкой сказал: «Хочу ещё раз проехать по Волге». Капитан представил ему членов команды. Алексей Максимович прошёл мимо всего строя и с каждым поздоровался за руку. Здесь произошёл один инцидент: на пароходе работали два старых повара Пётр Иванович Чугунов и Александр Максимович Шилов, оба знали Алексея Максимовича ещё до революции, Шилов был примерно ровесником писателя, знал его с юных лет. Алексей Максимович их тоже

узнал, на глазах у него навернулись слёзы, а Шилов невольно сказал: «Алексей Максимович, какое у тебя несчастье-то…» (имея в виду смерть сына). Алексей Максимович обнял Шилова и разрыдался…

Пароход без гудков отошёл вниз по Волге. Маршрут был следующий: Ярославль – Горький – Камское Устье, по Каме поднялись до Дербешки, затем снова спустились на Волгу, дошли до Жигулей… и пошли обратно в Горький и Ярославль.

Алексей Максимович Горький с членами команды парохода «Клара Цеткин». 1928.

… С первых же дней на пароходе был установлен строгий режим. По воспоминаниям членов команды, Алексей Максимович вставал очень рано, в 7 часов, пока все ещё спали, выходил и гулял на палубе. Ровно в 9 часов в салоне был утренний чай, куда собирались все вместе. Если погода была хорошая, Алексей Максимович снова шёл на палубу, там ему поставили специальный столик, где он работал: он почти всегда что-то писал или читал. А в плохую

погоду он уходил в каюту или в салон и работал там. В час дня был второй завтрак, в 5 часов – обед, в 6 часов – чай и в 10 часов вечера – ужин. После ужина Алексей Максимович тотчас уходил спать…

Появляясь ранним утром на капитанском мостике, Горький здоровается с вахтой, подаёт каждому руку и говорит: «Эх, сынки милые, как хорошо мне на Волге, среди нашего простого народа…»

Алексей Максимович живо интересовался жизнью парохода, несколько раз заходил в машинное отделение, расспрашивал о работе машин, условиях работы, знакомился с бытом водников. Капитан парохода П.В. Наумов вспоминал, что большую часть времени писатель проводил в рубке, любовался волжскими видами, историей и сегодняшним днём поволжских поселений…

Но иногда он часами сидел на палубе, отложив книгу в сторону, и смотрел на Волгу. В это время его никто не беспокоил, так как знали, что он тоскует о сыне. В эти часы на пароходе становилось тихо-тихо, словно не только команда, но и пароход скорбел вместе с писателем, отцом… (Максим Алексеевич Пешков умер 11 мая 1934 года, в возрасте 36 лет).

В хорошую погоду Алексей Максимович очень любил кормить чаек, прибегали внучки и кормили чаек вместе с ним. Трудно сказать, кого больше привлекало это занятие…

По вечерам на нижней палубе матросы пели песни под гармошку, Алексей Максимович сидел наверху, смотрел на волжский закат и слушал песни… Иногда устраивали рыбную ловлю в какой-нибудь небольшой заводи, а потом под руководством Алексея Максимовича варили на костре уху…

Большая остановка была в Горьком. Представители горьковских организаций выехали навстречу пароходу в район Балахны. Когда пароход проходил под новым волжским мостом, Алексей Максимович очень им заинтересовался и попросил рассказать историю его строительства, когда же поравнялись с окским мостом, Алексей Максимович сказал, что отцы города и купцы не раз пытались заменить старый плашкоутный мост постоянным, но под силу это оказалось только стране Советов.

На берег Алексей Максимович не сходил, так как был нездоров, и врач ему не разрешил. Во время стоянки Алексей Максимович рассказывал о Нижегородской ярмарке, о нравах нижегород-

ских купцов… Больше всего он расспрашивал об изменениях в городе и в Сормове, об Автозаводе, о строительстве Горьковского порта, о механизации погрузо-разгрузочных работ, вспоминая адский труд грузчиков до революции…

Пароход долго курсировал вдоль берега. Алексей Максимович с парохода осматривал город…

Перед Казанью Алексею Максимовичу стало плохо. Как потом выяснилось, кто-то из команды сказал ему, что помнит его первый рейс на «Кларе Цеткин» в 1928 году, когда он ездил с сыном в Балахну. Напоминание о сыне и расстроило писателя…

У Жигулёвских ворот пароход сделал круг и тихим ходом пошёл обратно. Весь следующий день пароход простоял в Жигулях: гуляли, купались, рыбачили, катались на шлюпке, фотографировались, вечером жгли костёр. Алексей Максимович наблюдал за всем этим с палубы парохода. На одном из больших камней команда написала краской: «Здесь был А.М. Горький, июль 1934 года».

Из Горького пароход пошёл вверх по Оке и затем должен был пойти по Москва-реке до Москвы. Но немного не дошли до Павлова из-за мелководья на перекатах и вернулись в Горький, а потом – в Ярославль…

Так Алексей Максимович Горький после трагической смерти сына, желая набраться сил перед необычайно ответственным событием – I съездом советских писателей, – как Антей к земле, обратился к своей родной Волге.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ТЕПЛОХОД «МАКСИМ ГОРЬКИЙ»

«11 августа 1935 года он приехал в город, который теперь носил его имя, Горький, и, в сопровождении своей снохи и двух своих внучек, сел на новенький пароход, чтобы отправиться вниз по Волге, – пишет Анри Труайя в своем биографическом исследовании «Горький» (1986. Глава 18). – Пароход этот, словно по совпадению, тоже назывался «Максим Горький». Путешествие было тяжелым. Стояла невыносимая жара. Вибрация машин действовала Горькому на нервы. Он плохо спал и с трудом дышал. Однако на каждой пристани он встречался с членами местных Советов, делегатами от ра-

бочих и расхваливал перед ними, не зная усталости, культурные и промышленные успехи, свидетелем которых стал».

Служебный теплоход «Максим Горький», построенный на заводе «Красное Сормово» в 1934 году.

Состояние здоровья Алексея Максимовича не позволило ему встретиться с сормовскими рабочими, пообщаться с ними, он осмотрел город и рабочие районы обзорно. Вот что сообщала о визите писателя газета «Красный сормович» (1935, 15 мая), в заметке «Алексей Максимович в городе Горьком»: «Семь лет тому назад Алексей Максимович **Горький** был в Нижнем Новгороде. 13 августа Алексей Максимович вновь посетил свой родной город. Он осмотрел Сормово, завод «Новое Сормово», Автозавод, центральную часть города и другие памятные ему места. Алексей Максимович поделился своими впечатлениями о виденном.

Когда секретарь Крайкома партии тов**. Прамнэк** рассказал Алексею Максимовичу о том, как строилась асфальтовая дорога к Сормову, Алексей Максимович подал реплику: «По колено в грязи утопали здесь. Да что и говорить, ещё в 1928 г. ничего похожего на нынешнее благоустройство не было».

Большое впечатление на Алексея Максимовича произвели цветники в Сормове, которые вьются пёстрой лентой вдоль тротуара, асфальтированное сормовское шоссе, величественные корпуса завода «Новое Сормово», чистота и порядок на заводе.

Алексей Максимович интересовался планом реконструкции города. Тов. Прамнэк сообщил, что наметка такого плана имеется.

Алексей Максимович согласился принять участие в обсуждении плана реконструкции города, который, по его словам, находясь на стыке двух больших рек, будучи живописно расположен, окружённый гигантами индустрии, должен быть превращён в один из красивейших и благоустроенных городов нашего Союза.

Алексей Максимович обещал в конце августа участвовать в совещании горьковцев, посвящённом обсуждению конкретных задач по реконструкции города».

Но – опять же – болезнь не позволила Горькому выполнить это обещание…

***

Теплоход – тёзка писателя – да и сама его поездка по Волге летом 1935 года, ставшая последним свиданием писателя с родной рекой, заслуживают более детального рассказа.

В 1934 году сормовичи спустили на воду уникальный служебный теплоход «Максим Горький», намного опередивший время своими техническо-эксплуатационными качествами и отделкой.

Строительство теплохода «Максим Горький» на Сормовском заводе. 1934.

Он был заложен в 1933 году и предназначался для отдыха членов правительства, видных государственных и общественных деятелей и их семей. Как отмечает книга «Красное Сормово»: Завод и люди» (Нижний Новгород, 2006), «над строительством теплохода осуществлялось специальное наблюдение со стороны служб НКВД».

Судно длиной 68 метров и шириной 13 метров развивало невиданную по тем временам скорость – до 35 км/час. Корпус был полусварной, изготовленный на высочайшем качественном уровне.

Проектировали теплоход лучшие инженеры и архитекторы, консультировал академик А.Н. Крылов, а испытания проводил сормовский инженер В.А. Зевеке. На теплоходе были установлены две машины Коломенского завода по 1500 л.с. каждая. Средняя скорость его составляла 33 км/час. Вниз по течению он мог развить скорость до 40 километров. Осадка теплохода 2 метра. На теплоходе имелся быстроходный катер на 400 лошадиных сил, который развивал скорость до 70 километров в час, парусная яхта, шлюпки, были устроены специальные трапы для въезда автомашин и сделан гараж для стоянки двух автомобилей.

Каюты, салоны и помещения, отделанные шпоном из дерева ценных пород, выглядели великолепно. Салоны и каюты были красиво отделаны чинарой, явором, карагачем. Созданы были все условия для хорошего отдыха: имелись разнообразные рыболовные

принадлежности, ружья, фотоаппараты. На теплоходе находились две рации (их обслуживали радист и шифровальщик), радиола, автоматическая телефонная станция на 24 номера; во всех каютах, в рубке, машинном отделении имелись телефонные аппараты; кроме того, был проведён городской телефон, который при стоянках в городах подключался к городской телефонной сети…

Побывавшая на теплоходе в начале 1960-х годов Вера Николаевна Блохина, обратила внимание на резные пилястры в салоне. Поначалу они были выкрашены бронзой. В первый же день поездки Алексей Максимович сказал, что бронза не гармонирует с общим тоном теплохода и пилястры выглядели бы красивее и скромнее, если бы они были покрашены эмалью под слоновую кость…

В Астрахани была приобретена эмаль, и за одну ночь пилястры были перекрашены – действительно, стало значительно красивее…

С 1934 года в салоне теплохода висел портрет А.М. Горького, выполненный художником-любителем А.Ф. Ермаковым. Ермаков был архитектором, по его эскизам Сормовский завод отделывал каюты и салоны теплохода. Узнав, что первым рейсом на теплоходе поедет А.М. Горький, Ермаков захотел сделать ему подарок. Много ночей провёл старый архитектор над портретом. Когда работа была закончена, сделали скромную рамку и повесили портрет в салоне. Алексею Максимовичу портрет понравился, он сказал, что он выполнен нестандартно. Этот портрет, который был написан при жизни писателя и который ему понравился, по словам В.Н. Блохиной, был передан в музей истории судоходства Горьковского института инженеров водного транспорта (ныне – Волжский университет водного транспорта).

В.Н. Блохиной довелось осмотреть каюту, в которой ехал Алексей Максимович, кабинет, письменный стол, за которым работал писатель, спальню, террасу, ванную комнату. И.И. Очелков рассказывал, что первоначально столовая была внизу, а вверху была комната отдыха, но по просьбе Горького их переменили местами, так как Алексею Максимовичу было удобнее иметь около своей каюты комнату отдыха. Каюта Горького была расположена внизу: ему по состоянию здоровья было очень трудно подниматься на верхнюю палубу. К следующей навигации для Горького решено

было сделать ещё одну каюту, чтобы ему не спускаться: из библиотеки был сделан кабинет, а из рабочего кабинета спальня Алексея Максимовича. На палубе стоял столик, который защищали от ветра несколько больших ветровых стёкол-щитов.

Горького радовало, когда он видел, что матросы и другие члены команды читают книги. Прощаясь с командой, он сказал: «Читайте мои книги, вспоминайте Максима Горького». Вскоре он прислал в подарок команде библиотеку, в которой было около четырёхсот томов. В том числе собрания сочинений русских классиков в издании Academia, из зарубежных писателей – Ромен Роллан, Гейне…

***

На страницах уже упомянутой нами книги В.Н. Блохиной «А.М. Горький на Волге» воспоминаниями делится старый волжский лоцман Пётр Тарасович Тащев: «Я проплавал на Волге пятьдесят три года, из них около сорока лоцманом. Много интересных встреч было у меня, особенно запомнился 1935 год. В этом году на нашем теплоходе отдыхал Алексей Максимович Горький…

Летом 1934 года меня перевели с теплохода «25-е Октября» на новый, который в то время ещё достраивался на Сормовском заводе. Командиром на новый теплоход был назначен молодой, но уже известный на Волге капитан с парохода «Клара Цеткин» – Иван Иванович Очелков… Новый теплоход вначале собирались назвать «Красный сормовец», но стало известно, что в один из первых рейсов на нём будет отдыхать Алексей Максимович Горький, и теплоход был назван «Максим Горький»…

От капитана И.И. Очелкова стала известна предыстория постройки нового теплохода. В 1933 году Иван Иванович плавал капитаном на служебном пароходе «Клара Цеткин». Однажды, когда на пароходе ехала правительственная делегация, на одном из перекатов около Работок «Клару Цеткин» начал обгонять пароход «Крупская». Опасаясь аварии, с «Клары Цеткин» дали сигнал, чтобы на «Крупской» сбавили ход, но там, очевидно, не поняли сигнала и продолжали теснить «Клару Цеткин». После этого случая и было принято решение построить вместо «Клары Цеткин» новый быстроходный теплоход.

Интерьеры теплохода «Максим Горький». Большой зал.

Летом на теплоходе были установлены машины, привезённые из Коломны, и «Максим Горький» вышел в первый пробный рейс до Астрахани. А.М. Горький ещё летом 1934 года собирался отдыхать на нашем теплоходе, но теплоход не был готов, и поездку перенесли на 1935 год. Зиму и весну 1935 года мы снова стояли в Сормове, где велись отделочные работы…

К лету 1935 года всё было готово. 12 августа мы встречали Алексея Максимовича. Он приехал из Москвы поездом около девяти часов утра. Горький был не совсем здоров, поэтому торжественной встречи не было. Прямо с вокзала поехали на автозавод. Миновали Канавино, посетили Соцгород, проехали по всей территории автозавода…

Затем поехали в Сормово, где осмотрели новые районы. Большое впечатление произвели на писателя цветы и асфальт на улицах Сормова. Вернулись в город. Утомлённый поездкой писатель поднялся на теплоход. А Надежда Алексеевна Пешкова и внучки Алексея Максимовича отправились осматривать Домик Каширина.

Вся наша команда в парадных костюмах выстроилась на палубе. Вот поднимается по сходням Алексей Максимович, за ним Надежда Алексеевна Пешкова, внучки Алексея Максимовича Марфуша и Дашенька… Алексей Максимович без шляпы, на нём светло-серый костюм, он весело шутит с окружающими. Командир теплохода И.И. Очелков отдал ему рапорт, Горький поздоровался с командой, и теплоход без свистков отошёл…

***

В первые же дни поездки Алексей Максимович прошёл по всем помещениям теплохода, побывал в каютах команды, расспрашивал о работе, о жизни. «Хорошие теперь каюты у команды, – говорил он, – но надо, чтобы они были ещё лучше, ведь пароход для матроса – не только место работы, но и домашний очаг». Маршрут у нас был большой, мы проехали от Горького до Астрахани и обратно. В Горьком Алексей Максимович сфотографировался на дебаркадере с командой теплохода…

Алексей Максимович Горький с командой теплохода «Максим Горький» . 1935.

В 1935 году завод «Красное Сормово» передал капитану Очелкову несколько специально изготовленных альбомов с видами теплохода «Максим Горький»: в чёрном кожаном переплёте восемнадцать снимков теплохода и внутренних помещений, среди них каюта и рабочий кабинет А.М. Горького.

В конце путешествия один из таких альбомов с автографом командира Очелкова был вручён как памятный подарок А.М. Горькому…

Рассказывает капитан теплохода И.И. Очелков: «Поездка с А.М. Горьким в 1935 году на всю жизнь сохранилась в памяти. Теплоход не приставал ни в одном городе, так как Алексей Максимович был болен и нуждался в отдыхе. На теплоходе был установлен кислородный баллон, и часто по вечерам врач носил в каюту Алексея Максимовича кислородные подушки. В крупных городах навстречу теплоходу выходили моторные катера с продуктами и свежими газетами. Московские газеты и письма доставлялись обычно самолётом. Самолёт летел над Волгой, и когда обнаруживал теплоход «Максим Горький» то делал над ним круг, качал крыльями и улетал на ближайший аэродром. Теплоход замедлял ход и принимал катер с почтой. Иногда теплоход бросал якорь в плёсе, пассажиры высаживались на берег, любовались волжскими далями, купались…»

Теплоход всё время шёл с переменной скоростью с таким расчётом, чтобы все крупные города и достопримечательные места проходить днём. Иван Иванович Очелков вспоминает, как 16 августа днём пароход шёл на небольшой скорости, и недалеко от Камышина «Максим Горький» нагнал, а затем и обошёл пассажирский теплоход «Урицкий». Подошёл Алексей Максимович и говорит: «Что же, ваше судно самое быстроходное, а его обгоняют другие суда?». Очелков объяснил, почему теплоход идёт тихим ходом, и, видя, что Алексей Максимович не удовлетворён объяснением, предложил показать действительную скорость. Теплоход «Урицкий» к этому времени уже почти скрылся из виду. «Максим Горький» дал полный ход, догнал «Урицкого», а потом на полном ходу дважды его обошёл. Пассажиры на «Урицком» узнали Алексея Максимовича и шумно его приветствовали. Алексей Максимович весело отвечал им…»

Сормович С.Д. Гадяев, много лет проработавший на теплоходе «Максим Горький» электриком, вспоминал: «Дня за три до поездки команде было запрещено увольнение на берег, и нам было объявлено, что предстоит ответственный рейс, но с кем – мы не знали. Напряжённые дни ожидания,… споры и догадки: кто поедет? И какова же была наша радость, когда 12 августа утром нам объявили, что поедет с нами наш земляк, А.М. Горький. Последняя получасовая проверка состояния теплохода. Я обхожу каюты, проверяю освещение, вентиляцию, телефонную, звонковую и авральную связь, прибывает кухонная и обслуживающая «команда», последняя машина с продуктами. И вот долгожданная минута настала… по трапу на наш теплоход поднимается человек в сером костюме, со шляпой в одной руке и с тросточкой в другой, с опущенными с проседью усами. «Вот какой наш землячок-то», – пробежал приветливый шепот по рядам команды. Командир теплохода Очелков отдаёт рапорт, и Алексей Максимович вступает на палубу теплохода. А через несколько минут члены команды наперебой делились своими впечатлениями об Алексее Максимовиче, ведь видели-то мы его в первый раз…

**Когда эта книга готовилась к изданию,
теплоход «Максим Горький» стоял в гавани завода «Красное Сормово»
и ждал решения своей судьбы.**

Через несколько часов Алексей Максимович одет был уже по-домашнему: в халате, пёстрой тюбетейке, в тапочках, с неизменной трубкой во рту. Чувствовалось – он доволен, что вновь попал на родную реку… Во время рейса Алексей Максимович несколько раз спускался в машинное отделение, интересовался работой машин. Однажды я стоял на вахте у главного распределительного щита. Спускается к нам Алексей Максимович, поздоровался и спрашивает, как моё самочувствие, я отвечаю, что хорошо. «А как работают ваши машины?». Отвечаю: «Отлично». – «Это почему же вы – хорошо, а машины отлично?» – говорит Алексей Максимович. Я говорю, что машины работают через 12 часов, потому что их три, а мы работаем через 8, потому что нас двое и ещё потому, что мы обращаемся за ремонтом, когда заболеем, а за машинами – постоянно наблюдают и проводят профилактические осмотры. Алексей Максимович засмеялся и шутя сказал, что это верно…»

Эстафету воспоминаний подхватывает лоцман Николай Иванович Гнидин. Сорок пять лет проплавал он на Волге. Летом 1934 года был назначен на теплоход «Максим Горький», который в то время ещё достраивался на Сормовском заводе, и проработал на нём до 1952 года. Поездка с А.М. Горьким хорошо сохранилась в его памяти: «В первые же дни поездки Алексей Максимович уделял большое внимание членам команды, спрашивал о работе, об условиях быта. Особенно при посещении штурвальной рубки он очень интересовался устройством вновь введённой в то время аппаратуры. Большое внимание уделил условиям плавания, интересовался осадкой теплохода, глубиной на перекатах и т.д. Для нас, работников водного транспорта, было очень дорого заботливое внимание А.М. Горького. Это воспоминание останется памятным на всю жизнь».

***

24 февраля 2018 года на ленте российского информационного агентства (ИА) и интернет-издания REGNUM появился материал Николая Чеканова «Посол советского Ар-Деко. Стиль правительственного теплохода «Максим Горький» постройки 1934 года». «Чем дальше мы уходим от «интербеллума» – эпохи между двумя мировыми войнами, чем больше её атрибутов подвергаются культурной

амнезии – тем существеннее впечатление от столкновения с ними сейчас. Особенно если атрибут выражен продуктом индустрии и дошёл до нас в целости, – пишет автор. На 24 фарфоровых медальонах Северного Речного Вокзала – детища отечественного «интербеллума» периода второй пятилетки. Утончённые, как и сам Вокзал. Знаменитое здание, строительство которого было завершено в 1937-м, сейчас поражено язвами вопиющей бесхозяйственности, но стоит и даже имеет перспективы быть так или иначе реанимированным. А вот изображённые на растрескавшихся тарелках объекты – «канальские» пароходы, дирижабль В-6, гофрированные самолёты-гиганты «АНТ», паровоз «ИС», черноморский лайнер и учебный барк – не только не существуют, но даже сама память о них – удел энтузиастов.

Однако благодаря чьей-то ответственности и случаю кое-что из того довоенного мира, кажущегося нам особенно далёким из-под толщи Великой Отечественной, в виде исключения всё-таки дошло до современности.

Парадный внутренний трап теплохода «Максим Горький».

Сегодня послом 1934 года выступает судно, чьи водно-транспортные современники давно «сданы на иголки» и забыты... Герой статьи был сработан за год и отпечатал в себе не только сормовские судостроительные традиции, но и самый модный стиль в индустриально развитых странах середины 1920-х – начала 1930-х, Ар-Деко. На этапе строительства проект носил название «Красный богатырь», но к спуску на воду был назван в честь главного пролетарского писателя и общественного деятеля – Максима Горького. Кстати, писатель даже успел сделать небольшой рейс и совместное фото с первой командой судна в 1935 году. Речной флагман, который в отличие от своего воздушного коллеги и тёзки (самолёта АНТ-20 «Максим Горький») строился отнюдь не самым большим во флоте, но наиболее представительным. 605,5 тонн водоизмещения, 69 метров длины, 3 палубы и всего две пассажирских каюты (остальные – для команды и персонала).

Технические данные – не первое, что здесь интересно, хотя факт про энергетическую установку подлодки (2 сверхдлинных дизеля) и её же корпус ниже ватерлинии – крайне занимателен. 33 километра в час на ходу – динамика, которая быстро выявила недостаточность руля и впоследствии привела к установке подруливающего устройства в носовой части. Размещение заказа на постройку военно-промышленной комиссией ОГПУ НКВД, уникальный проект и представительское назначение заставляют вспомнить то, чем, как ни странно, начинается юбилейная книга нынешнего «Гаража Особого Назначения» – императорские паровые яхты. Верх мощи и изящества, настолько синтезирующий, вероятно, лишь в судах...

Ар-Деко оказался более чем созвучен процессам в новорожденном СССР. Он задал форму экстремистским поискам авангарда, добавил им техницизма и цельно манифестировался в советском павильоне Константина Мельникова на парижской выставке 1925 года...

Итак, в то время как шествие авангарда по Отечеству в основном затрагивало умозрительные стороны жизни, в реальной экономике всё было куда консервативнее… Судостроение же эволюционно развивало традиции царского задела. «Максим Горький», создаваемый по уникальному проекту, оказался и в меру «императорским», и слегка «неоклассическим» (сообразно новому курсу оте-

чественной архитектуры, заданному в 1931 году), но главным образом облик судна подчинился ордеру Ар-Деко. Это выражено начиная от лёгкой трапециевидности в поперечине всего видимого над водой и до геометричности интерьеров, с деталировкой зиккуратами и зигзагами. Большинство ламп освещения, мелких деталей от крючков до полочек, решений лестничных решёток, стеновых панелей и много прочего сработано именно в Ар-Деко, который местами разбавляется неоклассическими колоннами квадратного сечения. Зеркала в интерьерах, остекление теплохода со сдвижными перегородками на манер японских дверей «фусума» только усиливают впечатление благородного шика. Наконец, парадный трап судна (главная лестница) выложен из плит натурального мрамора, а до реконструкции начала 2000-х пространство над трапом венчал стеклянный купол.

…Доводилось ли И.В. Сталину использовать данное судно – пока остаётся загадкой. Во всяком случае, в кадрах с открытия канала Москва-Волга (сейчас «Канал имени Москвы») судна всё-таки нет.

Светильник с теплохода «Максим Горький» в стиле Ар-Деко.

…Подводя итог краткого стилевого экскурса и обращения внимания на стилистику теплохода, хочется отметить, что созданный как разъездное быстроходное судно для народных комиссаров СССР, обладающий ценностью связи с самыми разными историческими фигурами, «Максим Горький» в не меньшей степени ценен фактором «капсулы времени» вообще, даже без привязки к чьим-то биографиям. Утончённый речной флагман одновременно транслирует высокую и тщательную культуру, тенденции в искусстве и что-то такое, что явно осталось в том, оптимистическом духе первой половины 30-х, нечто, доведённое до экстатичности в фильме «Весёлые ребята» Григория Александрова и его команды. Кстати, выпуска того же, 1934 года, что и судно».

Заметим, что в музее истории завода «Красное Сормово» хранится потолочный светильник с теплохода «Максим Горький», переданный музею ветераном завода А.Г. Волковым…

Теплоход «Максим Горький» снялся в фильмах «За витриной универмага» (1955), «Пена» (2000) и «Шизофрения» (2000).

***

В 1950-е годы теплоход уже потерял своё ВИП-назначение и обслуживал делегации министерств и ведомств, рабочих и творческих коллективов, возил пассажиров на пляжи в Подмосковье.

В начале XXI века «Максим Горький» получил вторую жизнь: судно, к тому времени утратившее былую красоту и величие, было выкуплено коммерческими структурами, отреставрировано на судостроительном заводе в городе Чкаловске (прошла реставрация внутренних помещений, обшивки, заменены двигатель и системы навигации). После этого «Максим Горький» использовался как банкетное и прогулочное судно в Химкинском водохранилище (130 пассажиров, 19 членов экипажа).

В начале 2018 года российская ежедневная общественно-политическая газета «КоммерсантЪ» объявила, что Московское речное пароходство, входящее в AEON Романа Троценко, продает круизный теплоход «Максим Горький». Судно, которому в этом году «стукнет» 84 года, из-за высокой стоимости эксплуатации с 2014 года используется только как ресторан. «Среди потенциальных покупателей, – отмечает газета, – называют Азербайджанское каспийское морское пароходство и администрацию Нижнего Новгорода. Для азербайджанцев судно интересно, в том числе как экспонат, на котором может быть создан музей морского флота – пароходство в 2018 году отмечает 160-летие... Для Нижнего Новгорода «Максим Горький» – «знаковое судно»… поскольку оно построено на местных верфях, а в 2018 году отмечается 150 лет со дня рождения писателя».

Однако администрацией Нижнего Новгорода теплоход рассматривался только как одна из точек музейно-туристического проекта «По Руси с Максимом Горьким». В частности, обсуждалась возможность переместить судно на набережную Нижнего Новгоро-

да и устроить там музей под открытым небом, проект не предполагал перехода теплохода в муниципальную собственность.

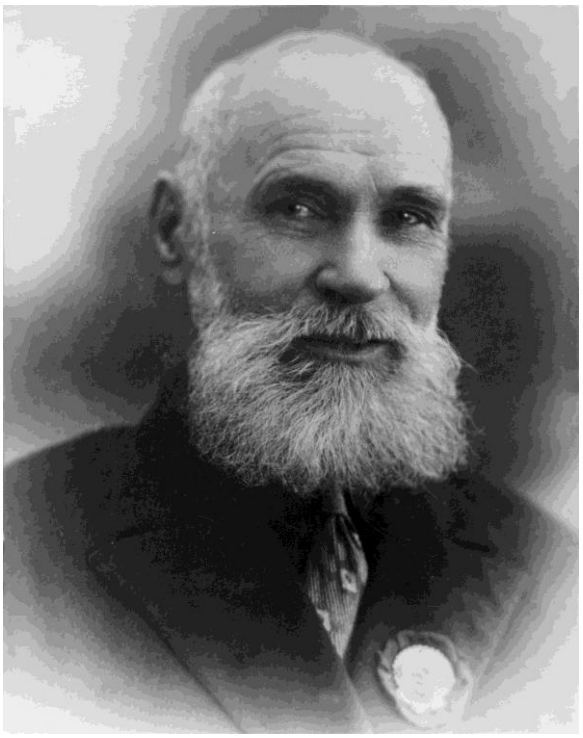
Вопрос о судьбе плавучего дворца под именем «Максим Горький» на сегодняшний день остаётся открытым…

ГОРЬКИЙ И СОРМОВИЧИ

У А.М. Горького было немало знакомых среди рабочих сормовского завода. Всю свою жизнь Алексей Максимович не терял связи с лучшими представителями сормовского пролетариата – Петром Заломовым, Дмитрием Павловым, Леонидом Барановым, Михаилом Самылкиным, Григорием Козиным. Точное количество сормовичей, знавших Горького, встречавшихся с ним, разумеется, не установить, но некоторые из них оставили свои воспоминания о встречах с писателем.

«МЫ С НИМ НА СТРЕЛКЕ БАРЖИ РАЗГРУЖАЛИ…»

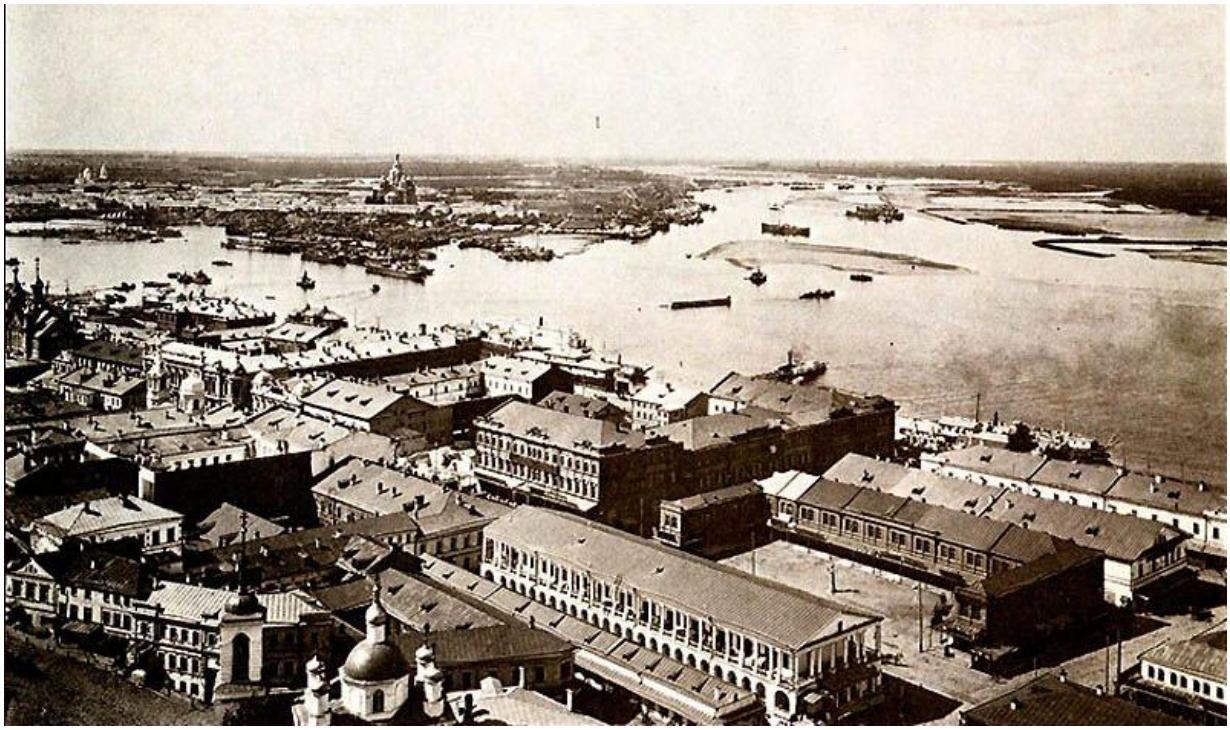
Тихон Третьяков. 1880-е.



Одним из самых уважаемых и известных сормовских рабочих в 1930-1950-е годы, «патриархом» среди старых производственников был Тихон Григорьевич Третьяков, новатор производства, старший мастер железопрокатного цеха. Он прожил по-библейски долгий век – 100 лет, на заводе проработал 57 лет. Ему, одному из первых сормовичей, Президиумом ВЦИК СССР 29 апреля 1929 года было присвоено звание Героя Труда – за долголетнюю производственную работу, техническое усовершенствование и рационализацию. В 1957 году сухогрузный теплоход, построенный сормовичами, получил славное имя «Тихон Третьяков». Такой подарок был сделан старому производственнику

в год его 90-летия…Общий трудовой стаж династии Третьяковых – 1000 лет!

«Мой прапрадед и прадед родились и померли в Соромове, – рассказывал Тихон Григорьевич. – Говорили, что это были молчаливые, злые на работу люди, с косой саженью в плечах. Много ихнего пота впитала тощая сормовская земля». Его дед, Иван Яковлевич, летом бурлаком таскал баржи по Волге, зимой работал столяром. Строил самый первый в Сормове пароход – кабестан «Астрахань». Он был последним столяром и плотником в роду. Сын его, Григорий Иванович, пошёл по металлической части. Работал по четырнадцать-пятнадцать часов и у пароходчика Зевеке, и в мастерских Годяева, и на заводе Бенардаки в сталь-проковочном цехе. Надо думать, есть труд рабочей династии Третьяковых и в первом на Волге двухпалубном пароходе «Переворот»…



Знаменитая нижегородская Стрелка.

В 1960-х годах Горьковскую область посетил художник Илья Сергеевич Глазунов (1930-2007). Об этом он рассказывает в своей книге «Россия распятая», опубликованной в «Роман-газете» (1996, №22-24). Есть там глава, посвящённая Сормову, где он познакомился и беседовал с «интереснейшим человеком-эпохой» Тихоном Третьяковым. Художник спросил, помнит ли тот Горького.

«Как не помнить, я даже Бугрова, купца, хорошо помню, – живо отвечает Тихон Григорьевич, – я на год старше Алексея Максимовича. Он тогда на горе жил. Вы домик-то Каширина видели? Мы с ним одно время на Стрелке работали, баржи разгружали, на него тогда многие обижались: он всё в сторонку отходил, в книжку что-то записывал, считали, что дурака он валяет – от работы отлынивает. А уж только потом он на всю Россию известен стал, хотя человек и не очень приятный был, – неожиданно добавил старик» (стр.154).

А летом 1936 года довелось Тихону Григорьевичу проводить великого пролетарского писателя в последний путь… Как свидетельствует газета «Красный сормович» (1936, 22 июня), в почётном карауле у гроба писателя в одной группе стояли рабочий модельного цеха Глазов, «старые производственники Тихон Григорьевич Третьяков, Василий Сергеевич Токарев и тов. Бухарин».

«ЧЕЛОВЕК С ФОРСУНКАМИ».
В.И. Калашников. Конец 1880-х

В Нижнем Новгороде жил, конструировал и создавал замечательные пароходные паровые машины, строил лучшие на Волге буксирные и пассажирские пароходы талантливый конструктор, механик, судостроитель и теплотехник Василий Иванович Калашников (1849–1908). Любопытное совпадение: Калашников родился в год основания Сормовского завода, на котором он работал с 1890 по 1894 год.

Фамилия Калашникова в своё время была широко известна по всей Волге, а в Нижнем Новгороде Василия Ивановича знали по прозвищу «Механик». Работая на Курбатовском заводе, Калашников изобрёл паровую машину с двумя последовательно работающими цилиндрами. За этот меха-

низм Курбатовский завод был удостоен Большой золотой медали на Всероссийской промышленной выставке 1882 года. Одним из важнейших изобретений механика явились «форсунки Калашникова» для распыления нефти в топке парового котла, которые получили распространение на пароходах по всей Волге. В 1885-м году за это изобретение он получил золотую медаль Русского технического общества. В 1890 году Василий Калашников переходит работать главным механиком на Сормовский завод. Здесь он осуществляет свою давнюю мечту – создаёт машину с четверным расширением пара, которую вместе с котлом высокого давления устанавливает на пароходе «Богатырь». Об инженерном чутье Калашникова ходили легенды. Так, утверждали, что по одному тому, как дрожат на корабле люстры, Василий Иванович мог определить, в каком механизме судна имеется неисправность…

Писатель В.Г. Короленко вскоре после приезда на жительство в Нижний Новгород, в 1885 году познакомился с Калашниковым. Прослышав о талантливом самоучке, Максим Горький просит Короленко познакомить его с Василием Ивановичем. Друзья едут на Курбатовский завод и обнаруживают механика... в машинном отделении, где тот возится у котла прямо во фраке! Оказывается, заподозрив в машине неполадку, инженера срочно вызвали с какого-то званого обеда. Горький был так впечатлён увиденным, что тут же дал Калашникову прозвище – «человек с форсунками».

О том, как Горький ценил и уважал Калашникова, говорят его публичные выступления. Так, в речи на совещании писателей-горьковчан 28 августа 1934 года в Москве, Алексей Максимович призывал: «Хорошенько осветите нижегородских людей, таких, как Кулибин, Калашников…». А ещё раньше, 12 июля 1928 года на заседании Центрального бюро краеведения, в Москве, где Горький был избран почётным краеведом СССР, поблагодарив за честь избрания, он сказал: «В нашем городе ходил по улице человек с рыжей лисьей бородкой и криво надетом картузе, все говорили, что он делает форсунки… Звали его Василий Иванович Калашников. И многое намекало мне, что возможны другие люди, и вот я начал присматриваться, искать, как их найти…» (В.А. Ухин. «Судостроение в Сормове». Очерки по краеведению. Н.Новгород, 2013. Серия «Сормово в воспоминаниях современников»).

«ОН НАМ БЫЛ КАК ОТЕЦ РОДНОЙ…».
Мастер И. Дегтярёв. 1896

Ремонтный мастер инструментального цеха И.Д. Дегтярёв писал в заметке «Умер наш душевный друг» (КС, 1936, 21 июня): «С Алексеем Максимовичем Горьким мне пришлось встретиться в первый раз в 1896 году, когда я работал учеником слесаря у частного хозяина Лебедева в мастерской по улице Ильинке, что недалеко от бывшей «Миллиошки».

Чайная «Столбы» на Миллиошке.

Часто нас, учеников, посылали за водкой и пивом в трактир. И вот в одном из них в «Столбах» на Миллионной я встретился с Алексеем Максимовичем. Он в то время работал крючником и выглядел очень здоровым, высоким, плечистым и сильным мужчиной.

Когда мы вошли в трактир, Алексей Максимович подозвал нас с товарищем к своему столу, надарил нас воблой и угостил чаем. За чаем расспрашивал, как мы живём, где работаем и, узнав, что

учимся на слесарей, советовал перетерпеть всё, но приобрести квалификацию.

Увидав, что мы с синяками, он расспросил, за что нас бьют, кто бьёт, и обещал помочь. После первой встречи мы, как только урвём минутку времени, бегали к нему в «Столбы», где он часто беседовал с грузчиками, с рабочими и с нами, ребятишками.

Он нам был как отец родной. Беседы с ним, таким большим и душевным другом всех трудящихся, навсегда остались в моей памяти».

В одном только ошибся рабкор газеты И.Д. Дегтярёв: в 1896 году Горький уже не работал крючником – он был корреспондентом газет «Одесские новости» и «Нижегородский листок» на Всероссийской промышленной и художественной выставке. В остальном, надеемся, мастеру инструментального цеха можно верить.

ЗОДЧИЙ НАРОДНОГО ДОМА.
П.П. Малиновский. 1902–1903

Практически в центре Сормова, в его исторической части, высятся три фундаментальных каменных здания, построенных в самом начале XX века. В своё время они выглядели весьма эффектно и внушительно среди деревянной одно- и двухэтажной застройки.

Здания эти отмечены несомненным талантом их создателя и до сего дня во многом определяют архитектурный облик центральной части района. Это Клуб служащих Сормовского завода в стиле «модерн» в паре с трехэтажным жилым домом служащих Сормовского завода (1904–1905), церковно-приходская школа им. императора Александра III в кирпичном стиле (1902–1904, в советское время – школа имени Баррикад 1905 года) и Спасо-Преображенский собор (1900–1904) в неовизантийском стиле. Эти здания возведены по проектам архитектора Павла Пет-

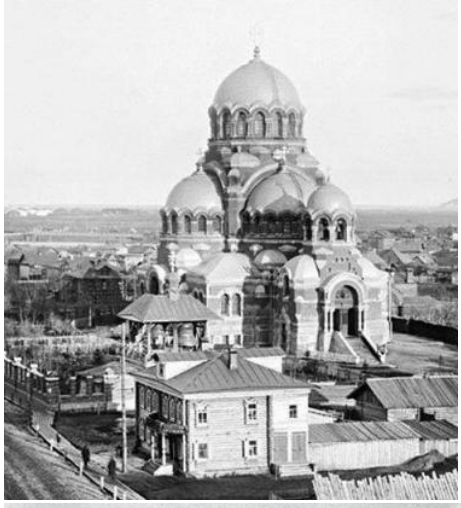
ровича Малиновского, в советское время – государственного деятеля, народного комиссара имуществ РСФСР.

Народный дом. Ныне – театр оперы и балета им. А.С. Пушкина.

Русский архитектор Павел Петрович Малиновский (1869-1943) – практически ровесник Алексея Максимовича Горького. Он родился в Нижнем Новгороде в многодетной семье отставного солдата-кантониста, работавшего корректором в типографии и регентом хора. С 1879 года учился в Нижегородском реальном училище, одновременно подрабатывал, помогая семье. В 1887 году поступил в Петербургский институт гражданских инженеров (ПИГИ), участвовал в студенческом политическом движении, увлёкся марксистским учением. Окончил ПИГИ в 1892 с золотой медалью…

В 1893 году вернулся в Нижний Новгород и устроился архитектором в городскую управу. Началом архитектурной практики Малиновского стало наблюдение за строительством в Нижнем Новгороде здания городского театра по проекту столичного архитектора В. А. Шрётера. Малиновский занимался работами по реконструкции Дмитровской башни Кремля, принимал участие в строи-

тельстве ряда сооружений на Всероссийской выставке 1896 года. Его первой крупной самостоятельной работой стало проектирование здания электростанции, которое одновременно использовалось как вестибюль Похвалинского фуникулера. К началу XX века относится его архитектурная деятельность в Сормове.



Эти здания и сегодня определяют архитектурный облик центральной части Сормова

В 1908 году Малиновский переехал в Москву. Работал помощником архитектора М. К. Геппенера, участвовал в строительстве сооружений московского трамвая. После октябрьской революции в 1917–1919 гг. возглавлял комиссию Моссовета по охране памятников искусства и старины, работал гражданским комиссаром Кремля. В 1918 году исполнял обязанности наркома государственных имуществ Республики.

Его знакомство и тесное общение с Алексеем Максимовичем Горьким и Фёдором Ивановичем Шаляпиным приходится на 1899–1903 годы, когда в городе строится здание Народного дома (с 1935 года – Нижегородский театр оперы и балета им. А.С. Пушкина).

Народный дом, или здание просвещения, труда и отдыха, строился по инициативе Общества распространения начального образования в Нижегородской губернии, при активной поддержке Ф.И. Шаляпина и А.М. Горького.

Народный дом был задуман как «очаг культуры» в губернском городе (клуб, библиотека, самодеятельный театр). Здание было построено по проекту П.П. Малиновского на частные пожертвования, большие из которых были сделаны графиней С.В. Паниной и Ф.И. Шаляпиным, давшим по просьбе Максима Горького концерт в пользу строительства.

**Организаторы строительства Народного дома.
Стоят слева: Ф.И. Шаляпин и архитектор П.П. Малиновский.
Стоят справа: А.М. Горький и учитель школы в д. Александровке
Н.Г. Степанов. Сидят в центре: И.И. Шаляпина и Е.П. Пешкова.
1903 год. Фото М.П. Дмитриева.**

**А.М. Горький и Е.П. Пешкова в кругу нижегородских друзей.
1904 год. Устроители и организаторы ёлки для детей бедняков
4 января 1904 года. Стоят Е.К. Малиновская, А.М. Горький.**

Из-за ограниченных материальных возможностей проект Народного дома был выполнен с предельной экономией площадей. Вместе с тем это здание можно было использовать в качестве театра, зала для собраний на 1200 человек и чайной-столовой.

Народный дом открылся 5 сентября 1903 года концертом Шаляпина.

ВСТРЕЧИ С МАКСИМЫЧЕМ.
Рассказы старых сормовичей

Любопытные свидетельства сормовичей о встречах с А.М. Горьким находим в замечательной, но незаслуженно забытой книге В.Н. Блохиной «Горький на Волге» (Горьковское книжное издательство, 1961, тираж 10 тысяч экземпляров). Другой её книге, написанной в соавторстве с Л. Либединской, – «Горький в родном городе» – повезло больше. Впервые она увидела свет в 1972 году, в московском издательстве «Детская литература», а затем была переиздана в Горьком тиражом 50 тысяч экземпляров…

***

С незначительными сокращениями приводим главу «Рассказы старых сормовичей» из книги «Горький на Волге». Вот отрывок из рассказа старого кадровика, одного из первых рабочих корреспондентов заводской многотиражки А.С. Новожилова: «С юношеских лет мы, сормовичи, воспитывались на книгах Горького, его произведения были нашими настольными книгами…. Но увидеть великого писателя мне довелось только в 1928 году. Помню хорошо, как Алексей Максимович Горький выходит из машины и, окружённый большой толпой, направляется по берегу к судоверфи. Алексей Максимович то и дело снимает с головы свою белую кепку, чтобы поздороваться с каким-нибудь старым рабочим, которого помнит ещё с 1903 года, дарит всех ласковой улыбкой, то и дело прикладывая к глазам платок. У судоверфи мне удалось протиснуться ближе к Горькому, и я впервые услышал его густой бас. Он говорил, что его удивило, что до сих пор он слышит «Дубинушку», видит, как рабочие волоком тянут тяжести, несут на плечах железные листы. «Как это неприятно видеть, надо и пора уже заменить такой труд

машинами», – гудел его недовольный голос, не обвиняя, а сочувствуя. Он ведь понимал, как неимоверно тяжело ставить на должную высоту заводское хозяйство, старые «хозяева» которого беспокоились только о наживе.

Осматривали строящиеся железные баржи, буксирные пароходы, мосты. Алексей Максимович интересовался временем закладки и сроками окончания объекта стройки, покачивая головой, и громко говорил: «Ой, долго, долго!» Он вглядывался в знакомое ему Заволжье и, вероятно, представлял себе огромное российское бездорожье, глубокие тележные колеи да истрёпанные мужицкие лапти, болел в эти минуты за мужика душой и в то же время восхищался грандиознейшей задачей перестройки старой России на новый лад.

Вторично я увидел Алексея Максимовича через два дня. 10 августа я был приглашён на встречу с А.М. Горьким в редакцию газеты «Нижегородская коммуна»... Я помню, как Алексей Максимович обнялся с поэтом Александром Белозёровым, с редактором Владимиром Николаевичем Золотницким и другими. Радостные возгласы приветствий сливались с гудящим, окающим говором писателя. Вдруг кто-то сказал: «Алексей Максимович, вас просит народ!» Мы расступились. Горький, сутулясь, вышел на балкон. Улица Свердлова была запружена людьми. Смельчаки забрались даже на крыши домов. Остановилось всё движение. Когда Алексей Максимович оказался на балконе, гул приветствий прокатился по всей улице. Алексей Максимович, возбуждённый, то взмахивал рукой, то утирал платком мокрые от слёз глаза».

А.С. Новожилов рассказал также, что 19 июня 1936 года участвовал в похоронах любимого писателя. У него сохранился пропуск за №136, который он получил, как делегат Сормова. «Мы, группа делегатов, взявшись за руки, пошли по запруженным улицам Москвы к Дому Союзов. В зале было море живых цветов, оркестр тихо исполнял траурные мелодии великих композиторов. В почётном карауле стояли товарищ Сталин, Микоян, Калинин. Мы подошли к группе молодёжи, окружившей плотным кольцом Немировича-Данченко. Он рассказывал, как они работали с Горьким над постановками пьес «На дне» и «Враги», с какой неутомимой энергией Алексей Максимович помогал театру и многим моло-

дым актёрам. Нам предложили взять венки и встать у входа в Дом Союзов. Построились у каждого венка по двое, и процессия медленно двинулась на Красную площадь».

***

Старый производственник Н.К. Кернер встретил А.М. Горького 8 августа 1928 года в паровозном цехе. В ту весну паровозостроительный цех праздновал свой юбилей – выпуск 2500-го паровоза. Алексей Максимович, окружённый большой группой людей, шёл по цеху. Знакомился с производством, беседовал с рабочими…

«Я смотрел на Алексея Максимовича, слышал его голос, и перед моими глазами вставал другой Горький, Горький девятисотых годов, – рассказывал Кернер. – В то время Алексей Максимович жил на Канатной улице в доме Лемке, а наша семья жила почти напротив – на Полевой улице. Алексей Максимович постоянно проходил мимо наших окон, и я очень хорошо его знал. Но каково же было моё удивление, когда, придя однажды домой, я застал в нашей квартире Горького, беседующего с моей матерью. Моя матушка стала петь песню «Громобой», которую она очень любила, а Алексей Максимович внимательно слушал и что-то записывал. Когда матушка кончила петь, Алексей Максимович её похвалил (а надо сказать, что у моей матери был удивительный голос, и пела она с большим чувством) и добавил: «Песня очень хороша, но, пожалуй, она была бы ещё лучше в мужском исполнении. Вот Фёдору бы её спеть».

Когда Горький ушёл, я спросил матушку, что означает его посещение. И она мне рассказала, что шила около окна и пела песню «Громобой», мимо проходил А.М. Горький. Услышав слова песни, он остановился, дослушал песню до конца, а потом попросил разрешения войти в квартиру и уговорил её спеть эту песню для него ещё раз – всю от начала до конца.

Помню ещё следующий эпизод. Как-то мою мать пригласили к Горькому помочь в уборке. Когда матушка убирала, А.М. Горький бросил в печку большую связку каких-то бумаг. Бумаги по краям обгорели и погасли. Когда матушка стала их мешать, то увидела среди бумаг обгорелую карточку: Горький и Шаляпин. Она вытащила её и говорит: «Алексей Максимович, зачем же вы таких мо-

лодых и красивых людей в печку бросили?» Он засмеялся и сказал, что карточка попала среди бумаг случайно. Матушка спросила, можно ли ей взять эту карточку. Горький разрешил. Я совсем забыл об этой карточке, а недавно нашёл её в комоде, правда, один край немного обгорел…

…Вспоминаю ещё, как Горький помогал молодым писателям. У меня был приятель Алексей Суслов, он работал конторщиком у нотариуса. В Н.Новгороде была издана небольшая книжечка стихов Алексея, несколько раз он печатал свои стихи в «Нижегородском листке». Помню, как он ходил к А.М. Горькому, и тот правил его стихи. Мне даже запомнилась одна строчка с поправкой Горького. У Суслова было: «И душе усталой стало больно, больно…» .

А Горький зачеркнул второе слово «больно».

***

Токарь С.И. Поляков встретился с А.М. Горьким в августе 1928 года, в дизельном цехе: «Я сверлил в то время буровую штангу для Азнефти. Эта деталь длиною в 23 метра, в ней сверлилось сквозное отверстие диаметром в 75 миллиметров на двух спаренных токарно-винторезных станках. Увидев такую длинную деталь, Алексей Максимович подошёл ко мне (я в то время стоял у переднего станка и ловил рукой стружку, выгоняемую напором воды из отверстия штанги), поздоровался и спросил: «Что вы ловите в воде?» Я ответил, что ловлю стружку и определяю, как режет верка. Алексей Максимович очень заинтересовался работой, задал много вопросов, показывая то на огромнейший станок, то на длинную штангу, стараясь, видимо, представить себе, как посредством этих буровых штанг из недр земли добывается «чёрное золото». Затем Алексей Максимович крепко пожал мне руку, и я понял, что это рукопожатие относится не только ко мне, но и ко всем, кто ежедневно делает полезное для народа дело…».

***

О своих встречах с А.М. Горьким в 1902 году рассказывает литейщик, старый коммунист Н.А. Мельников: «Рабочие во всех цехах встречали Алексея Максимовича очень тепло, да ведь это и понятно. Он был очень близок нам, старым рабочим. Я никогда не

забуду, как Алексей Максимович и Фёдор Иванович Шаляпин помогли нам в трудную минуту. Во время сормовской забастовки многие семьи рабочих голодали. Кто-то из рабочих предложил направить делегацию за помощью к Ф.И. Шаляпину. Выбрали восемь человек, в том числе и меня. Ф.И. Шаляпин жил в то время в гостинице около плашкоутного моста. Когда мы пришли в гостиницу и вызвали Шаляпина, Фёдор Иванович спросил: «В чём дело, ребята?». Мы сказали, что забастовка срывается, рабочие голодают. «Заходите, у меня Максим», – пригласил Шаляпин. Трое из нас вошли в гостиницу, остальные остались на улице. Я в гостиницу не ходил. Помню, что туда вошёл Василий Иванов, Яков Урыков и кто-то третий. Вскоре ребята вышли и рассказали, что в номере у Шаляпина А.М. Горький. Когда они вошли, Шаляпин быстро рассказал Горькому, в чём дело, и спросил: «Максим, у тебя есть что-нибудь, надо отдать!» Алексей Максимович ответил, что сколько-то есть. Оба они вынули бумажники, высыпали всё, что в них было, и отдали нам. Сормовичи очень любили Горького и Шаляпина. На книгах и статьях Горького многие из нас учились. Шаляпин же был нашим любимым певцом».

СКРИПКА – ПОДАРОК ГОРЬКОГО. 1905.

В начале 1960-х годов фонды Государственного музея А.М. Горького пополнил новый экспонат – скрипка, принадлежавшая нижегородской семье Хидекелей. История её такова. В 1905 году Алексей Максимович Горький подарил эту скрипку сыну учителя Хидекеля – Матвею. Семейную реликвию передал музею Горького брат Матвея Михайловича, Лев Михайлович Хидекель, бывший главный врач Сормовской больницы №12, внесший большой вклад в её развитие и становление в 1930-е годы. (Брошюра «Больница №12 Сормовского района». Горький. 1982)

В разные годы больницу возглавляли главные врачи: Л.М. Хидекель, Е.З. Рабинович, Н.А. Дивногорский, А.В. Архангельский, Л.П. Каравко, Е.Н. Рысев, В.А. Ардентов.

«ЕГО ВЗГЛЯД ПРОНИКАЛ МНЕ В ДУШУ». 1910. Максим Горький и сормовские борцы

М. Горький, высоко ценивший все виды искусства, с большой любовью относился и к цирку. Одно время он не на шутку увлёкся выступлениями силачей и французской борьбой.

Борцы, выступавшие на аренах российских цирков на рубеже XIX и XX веков.
Второй справа в верхнем ряду – Никита Турбас.

Впрочем, и сам Алексей Максимович, ещё будучи подростком, слыл богатырём. Но свою силу он показывал не на арене цирка и не в спортзале – у него были свои «университеты». Например, булочная Деренкова в Казани, где он в 16 лет работал помощником пекаря и таскал пятипудовые мешки с мукой. «20 пудов муки, смешанных с водою, дают около 30 пудов теста. Тесто нужно хорошо месить. А это делалось руками. Караваи печёного хлеба я нёс в лавку Деренкова рано утром, часов в 6-7. Затем накладывал большую корзину булками, розанами, сайками-подковками – два-два с половиной пуда и нёс её за город на Арское поле в Родионовский институт, в духовную академию», – так Горький описывал свою «программу тренировок» в повести «Мои университеты».

Помимо булочной в молодости у него были и другие возможности «подкачаться»: он работал на рыбном и соляном промыслах, в ремонтных мастерских, батрачил у богатых мужиков. Став известным писателем, не потерял хорошую физическую форму: мог, к примеру, десять раз не торопясь перекреститься пудовой гирей…

Об отношении А.М. Горького к цирку писала в своей статье «Люблю цирк и его артистов…» А. Лебедева («Советский цирк», 1968, №3): «В очерке «В театре и цирке» писатель вспоминает о своих первых впечатлениях: «Вскоре я увлёкся цирком; я бывал в нём и раньше, но теперь вдруг первое же представление приятно поразило меня. Всё, что я видел на арене, слилось в некое торжество, где ловкость и сила уверенно праздновали свою победу над опасностями для жизни».

Горький был лично знаком со многими цирковыми артистами. Его поражало не только их удивительное искусство, но и отношение друг к другу: они не походили на мелких людишек, которые «жадничали, завидовали, озлоблялись, дрались»... А артисты цирка жили дружно, были внимательными и хорошими товарищами. «У нас такая работа опасная, – рассказывал писателю акробат Красильников, – что нужно беречь друг друга».

В 90-е годы Горький – постоянный посетитель «Русского цирка братьев Никитиных», гастролировавшего в приволжских городах. В письме к Е.П. Волжиной Алексей Максимович звал свою будущую жену приехать в Нижний Новгород, обещая, что её ждёт много интересного: «...опера, театр феерии, роскошный цирк...»

Горький не только часто бывал на представлениях, но и встречался с Акимом Александровичем Никитиным… В артистической книге А.А. Никитина Горький записал: «Люблю цирк и его артистов...»

Одно время писатель увлекался французской борьбой. В апреле 1904 года он писал Е.П. Пешковой: «А я с К.П. (Пятницким) увлекся борьбой, да так, что просто беда! Каждый вечер бываем в цирке – страшно захватило. К.П. даже познакомился с одним из борцов – Поддубным».

«Не знаю, – писал Горький, – что именно дал мне цирк, кроме того, что в нём я увидел людей, которые красиво рискуют жизнью ради удовольствия ближних, – но я думаю, что и этого достаточно.

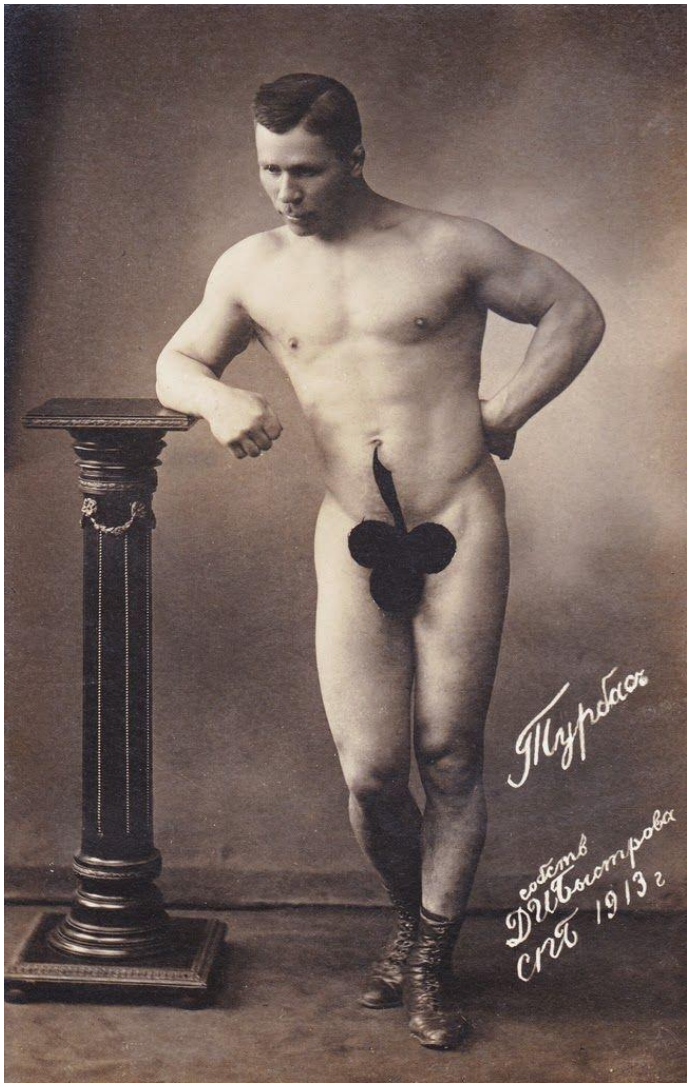
Я… чувствовал к ним почтительную зависть, ясно понимая, что эти люди нужнее меня на земле...»

***

О своих встречах с Шаляпиным и Горьким рассказал знаменитый нижегородский силач Николай Турбас в своей книге «На арене цирка: воспоминания старого борца» (Горький, 1958).

Турбас – это цирковой псевдоним борца, его настоящее имя – Николай Григорьевич Тулумбасов. Его слава гремела в начале XX века. Турбас не раз выступал в Сормове, его любили рабочие сормовского завода. А впоследствии он стал учителем другого любимца публики – прославленного борца, сормовского кузнеца Василия Мазёнкова…

Вот эпизод из книги «На арене цирка», где Н. Турбас рассказывает о своей третьей встрече с Фёдором Ивановичем Шаляпиным и первой встрече с Алексеем Максимовичем Горьким:



«1914 год. Петербург. Я выступал тогда в цирке «Модерн»…

Под любимый «Марш тореадора» … я выхожу на манеж. Показываю подкову и цепь, обхожу первый ряд с тайным желанием встретиться с великими гостями, посетившими наш цирк. Вот они! Шаляпин кивает мне, как знакомому, Горький теребит свой рыжеватый ус, всматривается в моё лицо. На нём длинное пальто, чёрная с большими полями шляпа, в руке он держит палку.

Я предложил ему осмотреть цепь и подкову.

– Верим, верим, – улыбаясь доброй улыбкой, сказал он.

Я взволнован. Ведь он мой великий земляк!

Шаляпин протянул руку, говоря:

– Разрешите.

Подавая подкову, я в то же время рассматривал его. Он изменился, хотя фигура его всё такая же богатырская. На нём русская чёрного сукна поддёвка, лакированные сапоги, расстёгнутая косоворотка.

Я знал о силе Шаляпина и с трепетом думал: «А что если сломает?»

Горький посматривал на меня. Его взгляд проникал мне в душу, – казалось, он читал мои мысли, видел моё волнение. Нервным движением больших рук Алексей Максимович хотел остановить своего разгорячённого друга: он дотрагивался до его колен, вопросительно поглядывал на меня.

Но увлечённый Шаляпин не обращал на него внимания, напрягал мускулы. Он в эту минуту не думал о том, что ожидает артиста, который провалится со своим номером.

Взоры всего цирка обращены на Шаляпина. Люди замерли. Все с нетерпением ждут, сломает ли подкову певец-силач…

Какие бешеные аплодисменты раздадутся, если Шаляпин сломает подкову! Что тогда остаётся делать мне? Уйти опозоренным, осмеянным?.. Вспомнились напутственные слова Вахтурова: «Смотри, земляк, не осрамись, Горький и Шаляпин в первом ряду».

Но вот руки Шаляпина опустились. Сдерживаемый вздох облегчения готов вырваться из груди.

– А если сломаю? – тяжело дыша, посматривая на меня, спросил Шаляпин.

– Испортите мой первый выход, – честно признался я.

– А-а… – протянул он. – Тогда не буду.

Поймав добрый, улыбающийся взгляд Алексея Максимовича, я почувствовал облегчение…

Поклонившись, я перешагнул барьер. И вдруг мне в голову приходит новая мысль: «А что, если я не сломаю подковы?» Пред-

ставившаяся картина заставила меня вздрогнуть… И это тогда, когда тысячи глаз следят, ждут!... Ждут Горький, Шаляпин!..

Надо перестать волноваться, иначе я провалюсь… Раньше я боялся, что сломает подкову Шаляпин, теперь боюсь, что не сломаю сам. Такие случаи бывали.

И я напрягаю все силы.

Невольно мой взгляд падает на бледные, сосредоточенные лица Горького и Шаляпина. Встретившись со мной взглядом, Алексей Максимович одобряюще улыбнулся. Я ожил, почувствовал, как прибывает сила. Волнение разом улеглось. Ещё одно усилие, напряжение всех мускулов – и подкова разлетается на две равные половины, а я падаю. Подбежавшие артисты подхватывают меня под руки, уводят за кулисы.

Ураган проносится по цирку. С криком «ура!» люди неистово отбивают ладони. Каждый мой выход сопровождается громовым «браво!», «бис!». Я смотрю на великих гостей, я счастлив, что Горький с Шаляпиным бешено аплодируют мне…»

***

А вот что рассказывает Никита Григорьевич Тулумбасов – Николай Турбас о своих гастролях в Нижнем Новгороде и встречах с сормовичами.

«…Я снова в родном Нижнем…

Выступления мои проходили в саду имени Гоголя (сегодня на этом месте – здание сормовского лицея № 82 и районной стоматологической поликлиники – *прим. автора*), который был абонирован для этой цели правлением Сормовского общества трезвости, пригласившим меня на гастроли.

Программа у меня была большая, все номера я выполнял с успехом, и земляки меня тепло принимали.

Я лёжа держал на своём корпусе оркестр из пятнадцати человек в течение всего времени, пока он исполнял марш. На мою грудь ставили пианино, около которого сидело шесть человек; тапёр играл различные пьесы. На одном мизинце вытянутой руки я держал трёх взрослых человек, связанных полотенцем. На моих плечах двадцать человек сгибали железные строительные балки, я гнул из железа «браслеты», свивал на своей шее галстуки, опоясы-

вался «поясом Самсона». Свою программу заканчивал номером с цепью и подковой.

Рабочие-сормовичи, заполнявшие до отказа зал, приносили железо с собой, часто приносили подковы.

Для того чтобы показать, что в исполнении моих номеров нет никакого жульничества, согнутые мной в «пояса», «браслеты» и «галстуки» железные полосы представляли после представления в саду. Около них всегда толпился народ: их брали в руки, разглядывали, недоверчиво качали головами…

Меня всегда удивляла страсть людей преувеличивать физическую мощь виденных ими силачей и борцов.

В том же саду Гоголя один рабочий-сормович в засаленной кепке с пеной у рта доказывал собравшейся толпе, что я остановил на пристани за канат «финляндчик», а другой уверял, что я остановил паровоз: упёрся плечом – только и всего.

– Сам видел, – уверял он людей, ударяя себя в грудь, – очевидец. У нас в Дарьине это было.

Заметив меня, он обрадовался:

– Господин Турбас! Помните, у нас в Дарьине вы остановили паровоз?..

– Не помню, – сказал я.

– Да помните, вы ещё в рабочей блузе были, – стараясь уверить меня, говорил он просительно.

Не желая его сконфузить, я ответил шуткой:

– Любой машинист паровоз остановит…»

Особенно памятным стало для борца выступление перед земляками в 1912 году. Чемпионат проходил в нижегородском цирке на Новобазарной площади. Правление Сормовского общества трезвости, как организатор чемпионата, пригласило весь состав принять участие в борьбе за Большую золотую медаль, которая громко именовалась «Медалью Всероссийского чемпиона». Борцы стали усиленно тренироваться. Каждому хотелось получить ценный приз. Драматично для Турбаса складывался его поединок с киргизским атлетом Бурханом. Он был угрюм, нелюдим, всегда мрачен. Публика его недолюбливала. Многие борцы боялись его и неохотно вступали с ним в борьбу.

В чемпионате без поражений шли только Бурхан и Турбас. Судьбу Большой золотой медали должна была решить схватка между ними.

Бурхан ведёт себя на поединке, говоря современным языком, неспортивно. «Это драка, а не борьба!» – кричали сормовичи. А когда киргизский борец забросил Турбаса в оркестр, где в результате его падения были поломаны пюпитры и инструменты, земляки нижегородского атлета подняли неимоверный рёв и свист: «Долой живодёра! Вон! Убрать толстопузого чёрта!..»

Турбас получил в тот день сильные ушибы и растяжение связок ноги. Сормовские парни пришли к нему в раздевалку, они были сильно возбуждены, предлагали отомстить Бурхану: «Нас много, да и Васька Мазёнков с нами… Целым он от нас не уйдёт!».

– Нет, друзья мои, я не хочу такой победы. Я привык получать её в честном бою. А ведь многие могут подумать, что это я подговорил вас... – ответил Турбас.

Опасаясь мести возмущённой публики, Бурхан сбежал, воспользовавшись чёрным ходом…

«Ко мне в гостиницу часто приходили сормовские рабочие, справлялись о моём здоровье… Я тщательно готовился к новой схватке, – вспоминает Н.Г. Турбас. – Вот я снова на сцене. Буйным восторгом встречает меня весь зал…Торжественно занимали за столом места судьи из рабочих и администрации Сормовского завода. Театр переполнен. Публика стоит в проходах. Арбитр громогласно объявляет: «Последний день чемпионата! Большую золотую медаль оспаривают не имеющие ни одного поражения два чемпиона: сильнейший борец киргиз Бурхан и Турбас (Нижний Новгород). Борьба бессрочная, до поражения!»

В этой решающей схватке Турбасу помогли одержать победу не только его сила, опыт и мастерство, но и безграничная вера в него земляков, сормовичей, их любовь и поддержка. «Публика неистовствует, – пишет Н.Турбас. – Все лезут на сцену, поздравляют меня… Потом подхватывают и начинают качать. Незабываемые, счастливые минуты… Много раз ещё я после этого выступал у себя на родине, но не было ничего для меня дороже этой, так трудно доставшейся мне медали…»

А вот что Н.Г. Турбас рассказывает о своей первой встрече с легендарным сормовским силачом Василием Мазёнковым. Неизвестно, был ли знаком Алексей Максимович Горький с этим рабочим-богатырём, присутствовал ли на его выступлениях, но невозможно удержаться, чтобы не посвятить этой легендарной личности пару страниц.

«… 1910 год. Вновь цирк залит огнями. Снова на арене. После моего выступления ко мне в артистическую уборную робко постучали. Вошли трое парней, в нерешительности потоптались у порога. Стали подталкивать переднего. Он был большого роста, даже рабочая блуза не скрывала его здоровенной груди.

… Парень, которого друзья называли Васей, произвёл на меня большое впечатление.

– Вы занимаетесь тяжёлой атлетикой, – рассматривая его могучий корпус с грудью колесом, спросил я.

– Немного с гирьками вожусь, – ответил стеснительно он и, подойдя к лежащим на полу гирям, взял легко двойник и выжал несколько раз. Выжал так, как будто это был пустой шар…

– А вы не знаете борьбы? – задал я вопрос.

– Только так, в обхват, по-русски, – ответил Василий и, подойдя ко мне вплотную, он обхватил меня своими длинными руками, крепко сжал, как тисками, поднял кверху. И я почувствовал в его обхвате что-то медвежье… Не без труда освободившись, я показал ему несколько приёмов.

Парень был настоящим самородком.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Мазёнков… Василий…

– Так вот что, Мазёнков, вы можете стать незаурядным борцом, для этого есть все данные…

– А как с гантелями заниматься? – спросил Мазёнков.

Я … показал ещё несколько упражнений, и мы расстались.

Как я и полагал, из Василия Мазёнкова вышел прекрасный борец.

Спустя несколько лет он боролся в Нижегородском цирке.

Рабочий-самородок вызвал на борьбу всех участников чемпионата и раскладывал всех приехавших чемпионов, как мешки с картофелем.

Он так и не освоил техники французской (классической) борьбы, но своими могучими «ошейниками» доводил противников до такого состояния, что они совсем не в силах были сопротивляться. Его «передний пояс» был неповторим.

Имя сормовского рабочего Василия Мазёнкова загремело далеко за пределами Нижнего.

Когда много позже, перед Великой Отечественной войной, в город приехал знаменитый Иван (Максимович) Поддубный, уже заканчивавший свою карьеру, земляки держали пари, что Мазёнков выстоит даже против него положенные двадцать минут.

И он оправдал их надежды. Отчаянно защищаясь, Мазёнков сумел устоять против Поддубного. Первая схватка закончилась вничью.

– Вот леший, – говорил мне после борьбы Максимыч. – И где ты только такого выкопал? У него, у чертяки, руки железные…

Мне также не раз приходилось бороться с этим самородком.

Большой любовью пользовался Мазёнков у своих земляков. И следует подчеркнуть, что он не был борцом-профессионалом, он до последних дней своей жизни не оставлял работы.

Стали борцами и два других его товарища, пришедшие ко мне в раздевалку в памятный 1910 год – Николай Гагарин и Михаил Христофоров.

… В 1916 году я дважды боролся с Мазёнковым (обе встречи окончились вничью). В 1923 году участвовал в чемпионатах, организованных нижегородским энтузиастом-спортсменом Россо-Ермоловым, и везде занимал первое место… В эти годы начинаются мои поездки по стране с лекциями «Как стать сильным» и демонстрацией номеров тяжёлой атлетики. Я был и во Владимире, и в Ессентуках, и в Коврове, и во многих других городах. Много времени я уделял своим молодым землякам – выступал на Горьковском автозаводе, на «Двигателе революции», в «Красном Сормове»…

Знатоки считают Василия Мазёнкова легендарной личностью, ему нигде и никогда не было равных. От природы он был наделен огромной силой. Сначала работал кузнецом, затем служил в военном флоте. В 1914 году приобщился к борьбе на атлетической арене Нижнего Новгорода. Там же, выступив в 1917 году под чёрной

маской, перешёл в профессионалы. А с 1934 года уже не разъезжал с чемпионатами, а вернулся домой, работал такелажником на Сормовском заводе.

Ростом был не выше 180 см и весом не более 100 кг, тем не менее, был действительно сильным борцом. И до самой войны не упускал случая сразиться с гастролирующими ежегодно чемпионатами. Очень сильно тянул публику и поднимал сборы Госцирка. Бешеный восторг публики вызывал даже один его колоритный выход на сцену. Во время торжественного парада борцов он босиком, в одних огромных «семейных» трусах перелезал через барьер и горланил: «Давай бороться!» В 1937 году в крупном Горьковском чемпионате занял второе место, уступив лишь колоссу Поволжья М. Борову. Одержал 17 побед при двух поражениях, а состав чемпионата был далеко не слабый...

ГОРЬКИЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ СОРМОВО

МИМЕОГРАФ ДЛЯ СОРМОВИЧЕЙ. 1901

К концу 1899 года известность Горького возросла необычайно. В столице в его честь устраивались литературные вечера, о нём читали лекции, писали брошюры. Когда на передвижной выставке появился портрет Горького работы Репина, этот портрет стал «гвоздем» выставки.

В Нижнем Горький развернул широкую культурно-просветительную и политическую деятельность. Его нижегородская квартира стала центром, к которому стягивались все нити общественной, культурной и художественной жизни города.

Горький организует сбор учебных пособий для детей бедняков, хлопочет об устройстве общежития для ночлежников-золоторотцев, ежегодно устраивает для нижегородских малышей грандиозные «ёлки», на которых тысячи детей получали одежду и другие подарки. Умело объединяя вокруг этих предприятий местные общественные силы, практически организует помощь беднейшему населению города. Но этим его деятельность не ограничивалась: Горький принимает близкое участие в делах нижегородско-сормовской организации социал-демократической рабочей партии, устанавливает тесные связи с революционной молодёжью Сормова и Нижнего.

Илья Александрович Груздев, биограф и исследователь творчества Горького, лично с ним знакомый и состоящий в переписке, пишет в своей книге «Горький» («ЖЗЛ». М., 1958): «Полицией и жандармами много стараний прилагалось для обнаружения связи его с революционной работой Нижнего и центра.

Немалое затруднение для хранителей империи состояло в том, что Горький открытую общественную деятельность, которую ему было невозможно запретить, совмещал с разнообразной и широкой помощью революционному движению…

В 1900 году Ленин, вернувшись из ссылки, стал организатором общерусской нелегальной марксистской газеты, которая получила название «Искра». В июне Ленин приезжал в Нижний Новгород договариваться с нижегородскими марксистами о поддержке ими «Искры». Горький выражал горячее сочувствие этому предприятию, хотя, по условиям конспирации, не мог видеться с Лениным. По словам В.А. Десницкого, на организацию «Искры» Горьким передано было через него пятьсот рублей.

В декабре 1900 года вышел за границей первый номер «Искры», и с тех пор член Нижегородского комитета Российской социал-демократической рабочей партии И.П. Ладыжников регулярно доставлял номера «Искры» Горькому.

В связи с революционными поручениями нижегородско-сормовского комитета (одним из поручений было приобретение мимеографа для печатания прокламаций сормовским рабочим) Горький приезжает в феврале в Петербург. (Мимеограф, или ротатор – машина трафаретной печати, предназначенная для оперативного размножения книг малыми и средними тиражами – *прим. авт.*).

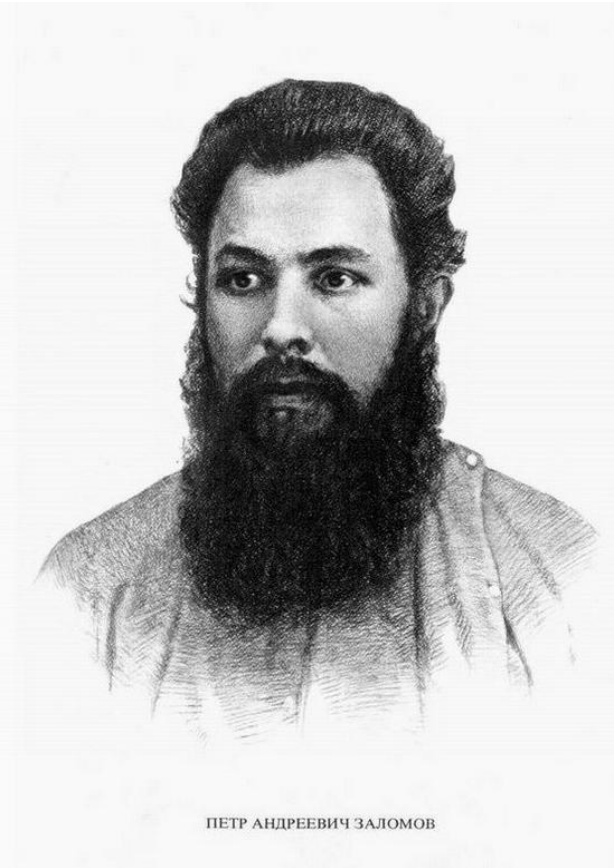
12 марта 1901 года нижегородским жандармам из Петербурга была послана департаментом полиции шифрованная телеграмма: «Известный вам Алексей Пешков, он же Горький, и нижегородский житель, сотрудник журнала «Жизнь», приятель Горького, некий Петров, приобрели здесь мимеограф для печатания воззваний к сормовским рабочим. Мимеограф отправили 10 марта через транспортную контору по адресу Печерка, аптека Кольберга... Благоволите установить за получением мимеографа тщательное секретное наблюдение и, отнюдь его не арестовывая, выяснить осторожно,

куда будет отвезён, и поставить то место под наблюдение». Дополнительно сообщались такие директивы: «…Выжидать для производства обыска и ареста удобного момента. Желательнее всего было бы взять мимеограф вместе с лицами в самый момент воспроизведения ими предположенных воззваний… надлежит произвести ликвидацию прикосновенной к этому делу группы тотчас же по появлении первого воззвания…».

Случилось, однако, так, что нижегородским агентам не удалось напасть на след мимеографа, и хотя Горький с группой товарищей был арестован, но «ничего явно преступного не обнаружено», сообщали нижегородские жандармы департаменту полиции».

ПЁТР ЗАЛОМОВ, ОН ЖЕ ПАВЕЛ ВЛАСОВ. 1902

В 1902 году в Сормове прошла политическая первомайская демонстрация с антимонархическими лозунгами. Во главе демонстрации шёл слесарь механического цеха Сормовского завода (он работал в Сормове с 1900 по 1902 год), член Нижегородского комитета Российской социал-демократической рабочей партии Пётр Заломов (1877–1955). В его руках было красное знамя с начертанными на нём словами «Долой самодержавие!». Впоследствии эти события легли в основу романа А.М. Горького «Мать».


ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ЗАЛОМОВ

В день демонстрации Алексей Максимович находился в Нижнем Новгороде – в гостинице «Россия», окружённый сыщиками и шпиками. Через несколько дней ему было предписано ехать в ссылку, в Арзамас. Но и в этой ситуации он находит возможность, чтобы передать

средства на приобретение типографского оборудования для нижегородского комитета РСДРП.

Организаторы сормовской первомайской демонстрации были арестованы. Началось следствие. Приближался день суда над сормовичами. В Арзамас к Алексею Максимовичу приезжает за советом Жозефина Эдуардовна Гашер. Впоследствии она стала женой Петра Заломова. Француженка по национальности, учительница, профессиональная революционерка, Жозефина Эдуардовна работала пропагандистом и агитатором в кружках сормовских рабочих. Она была активной участницей собраний, где обсуждался вопрос о первомайской демонстрации.

После ареста Петра Заломова и его товарищей Жозефина Эдуардовна перешла на нелегальное положение и продолжала работать под партийной кличкой «Мария Ивановна». Жозефина Эдуардовна приехала к Горькому, чтобы посоветоваться, как помочь арестованным сормовичам. Алексей Максимович принял её сердечно, обещал поддержку. 2 сентября 1902 года окончился срок его высылки, и он возвратился в Нижний Новгород. Сормовичи, участники демонстрации, ещё томились в тюрьме, ожидая суда.

Картина В.Ф. Холуёва «Первомайская демонстрация в Сормове».
Музей истории завода «Красное Сормово».

В первые же дни после возвращения Алексея Максимовича его навестила мать Петра Заломова – Анна Кирилловна.

Алексей Максимович и раньше много слышал о ней, но каково же было его удивление, когда Анна Кирилловна рассказала, что в молодости дружила с его матерью Варварой Васильевной Кашириной.

Мать Анны Кирилловны, так же как и бабушка Алексея Максимовича, родилась в Балахне, была коклюшница-кружевница, а дед – балахнинский плотник. Зимами плотничал, а весной уходил бурлачить. Несколько лет ходил он водоливом на расшиве, и в его бурлацкой артели бурлачил Василий Каширин, дед Алексея Максимовича. Василий Васильевич Каширин даже крестил мать Анны Кирилловны. А мать Анны Кирилловны в свою очередь крестила дочь Кашириных Варю – мать Алексея Максимовича.

Анна Кирилловна рассказывала, что в те давние времена часто бывала у Пешковых, хорошо помнит Алексея Максимовича мальчиком – шустрый был, весёлый, озорной...

Взволнованный, слушал Алексей Максимович её рассказы. Картины далекого детства всплывали в памяти...

С тех пор Горький держал тесную связь с Анной Кирилловной, как мог, утешал, ободрял, выписал из столицы лучших адвокатов. За делом сормовичей внимательно следила газета «Искра». На своих страницах она обличала тюремные власти, которые вели себя беззаконно по отношению к арестованным: обыскивали на свиданиях, лишали свиданий, сажали в одиночки и карцеры. В знак протеста все арестованные сормовичи объявили голодовку. Заломов отказался и от воды; через несколько дней в тяжёлом состоянии его положили в больницу.

Теперь Алексей Максимович каждый день посылал с Анной Кирилловной хороший обед для Петра, чтобы он поправился после голодовки.

Много позднее в своих воспоминаниях П.А. Заломов писал о том времени, когда он сидел в тюрьме: «В моём мозгу звучала «Песня о Соколе» – самая моя любимая песня из всех, какие я знал. Я хотел упасть с высокого неба и разбиться, как смелый Сокол. Я понимал, я чувствовал счастье битвы и наслаждался этим»… На квартире Алексея Максимовича – настоящий штаб. Горький должен был выехать в Москву, чтобы присутствовать на репетициях пьесы «На дне», но решил задержаться до конца процесса. Пётр

Заломов, Михаил Самылин и другие сормовичи решили отказаться от адвокатской защиты и защищать себя сами. Пётр Заломов пишет свою речь и пересылает её Горькому, Алексей Максимович редактирует её.

Диорама «Первомайская демонстрация в Сормове. 1902 год».
Музей сормовского Центра детского творчества.

«На суде сормовичи держались стойко. Во время судебного заседания особенно сильное впечатление произвела яркая страстная речь Заломова. Она была напечатана в ленинской газете «Искра» 1 декабря 1902 года и стала широко известна в революционных кругах России. По окончании сормовского процесса шесть человек во главе со знаменосцем Заломовым были осуждены на поселение.

В 1904 году была арестована и приговорена к ссылке и Жозефина Гашер. Местом ссылки она избрала село Маклаково Енисейской губернии, где в то время уже находился Пётр Заломов.

Каждый месяц Алексей Максимович посылал Петру Заломову деньги в Сибирь. А весной 1905 года передал триста рублей для

организации его побега. Побег прошёл удачно, и в 1905 году Заломов впервые встретился с Горьким на даче в Куоккале, в Финляндии.

До этих пор они не были лично знакомы. За те несколько дней, что им довелось пообщаться, они много гуляли, разговаривали, Алексей Максимович подробно расспрашивал о сормовских событиях, о товарищах-сормовичах. Впоследствии многие из этих рассказов вошли в роман «Мать».

Через некоторое время писатель и прототип его романа вновь встретились – в Москве, где Заломов принимал деятельное участие в подготовке декабрьского вооружённого восстания 1905 года.

Роман Горького увидел свет в 1906 году. В нём писатель «дал вторую, вечную жизнь» сормовскому рабочему Петру Андреевичу Заломову, изобразив его в образе Павла Власова (по книге В. Блохина, Л. Либединская «Горький в родном городе». – Горьки: ВВКИ, 1976).

П.А. Заломов приезжал в Сормово в 1939 году – на 90-летний юбилей завода, а когда в 1949 году «Красное Сормово» отмечало столетие со дня основания, на торжественном заседании в Сормовском дворце культуры Заломову был вручён орден Ленина за революционные заслуги…

В 1985 году в столичном издательстве «Правда» вышла книга П.А. Заломова «Запрещённые люди», в которую вошли автобиографическая повесть «Петька из вдовьего дома», воспоминания, речи и письма, стихотворения. По тексту воспоминаний «Моя жизнь» разбросаны упоминания об общении и отношениях с Алексеем Максимовичем Горьким. О том, как Заломову, ставшему в 1902 году узником нижегородской тюрьмы, «стали носить очень хороший обед от А.М. Горького». О том, что в дни голодовки в мозгу арестанта звучала горьковская «Песня о Соколе». О том, что на суд «из Москвы приехали присяжные поверенные…, приглашённые Алексеем Максимовичем Горьким». О том, что проект речи Заломова на суде «был передан А.М. Горькому, и он её одобрил». О том, что когда Петр Андреевич и Жозефина Эдуардовна находились в ссылке в Енисейской губернии, они «получали регулярно каждый месяц по 15 рублей из России, лично от А.М. Горького». О том, что от Горького было получено 300 рублей на побег Заломова…

В разделе «Речи и письма» приводится текст письма, которое П.А. Заломов адресовал А.М. Горькому 19 января 1936 года из города Суджи:

«Дорогой Алексей Максимович! По случаю 30-летней годовщины сормовского вооружённого восстания 1905 года меня вызвали в Красное Сормово, где возили на автомобиле выступать перед рабочими, перед военными курсантами, перед 490-м полком в кремле, перед пионерами, перед секретарями заводских комитетов комсомола, перед коллективом артистов, перед коллективом учителей, в Сормовском дворце культуры по докладу писателя Авдеенко о повести А.М. Горького «Мать», на Сормовском заводе в паровозо-механическом цехе, где я когда-то работал, на торжественном заседании 24 декабря 1935 года в Сормовском дворце культуры.

… Я не обманываю себя и прекрасно учитываю, что моя популярность зиждется не столько на моих заслугах перед пролетарской революцией, сколько на том, что я случайно попал в лучи твоей мировой славы, что меня отождествляют с твоим Павлом Власовым.

Твоя роль в пролетарской революции России, в пролетарской революции всего мира громадна. Мы, все рабочие, крепко тебя любим не только как гения, но и как своего близкого, родного, как товарища по борьбе за высшую человеческую культуру.

Не сердись, но я почему-то никак не могу писать тебе сегодня «вы». Да ты ведь и сам разрешил мне 19 июня 1934 года говорить тебе «ты».

Ведь ты говорил мне, что моя жизнь значительна и что я должен писать свои воспоминания. До тебя мне многие советовали то же, настаивали на том, чтобы я писал свои воспоминания, но я не придавал этому значения, так как не чувствовал и не чувствую значительности своей жизни.

Моя жизнь кажется мне обычной, нормальной для меня, и другой жизнью я жить бы не смог. Согласись сам, что жить интересно только тогда, когда можно драться за весь мир, как учили нас Маркс и Энгельс, как учил нас Ленин… Вот поэтому-то их имена и звучат для нас, как боевая труба.

Драться за медную пуговицу от штанов скучно и нудно, и нас привлекал и привлекает не твой ползучий шипящий Уж – мещанин, а твой смелый Сокол – пролетариат.

И как хорошо ты сказал: «Безумство храбрых – вот мудрость жизни!»

… Крепко тебя целую.

Твой *П. Заломов*».

«Я ВСТРЕТИЛСЯ С ГОРЬКИМ В ТЮРЬМЕ». 1901–1928.

В траурные дни июня 1936 года в газете «Красный сормович» были опубликованы воспоминания И. Сутягина, помощника инспектора НКПС завода «Красное Сормово». Он писал: «Летом 1901 года я за хранение нелегальной литературы был посажен в нижегородскую тюрьму. Там на прогулках я впервые встретился с Алексеем Максимовичем Горьким.

Он тоже в то время находился в тюрьме под особым надзором и сидел в нижнем этаже в самой мрачной, сырой и жуткой башне.

В этой башне на стене он нацарапал гвоздём слова песни «Солнце всходит и заходит» и подписал своё имя и фамилию.

Среди заключённых политических и уголовных Алексей Максимович пользовался огромным уважением. Когда он в своей широкополой шляпе, в длинной чёрной рубашке, подпоясанной поясом, высокий, сутуловатый, проходил по тюремному двору во время прогулок, мы все смотрели в окна.

Под его именем, написанным гвоздём на стене угловой башни, подписались все, побывавшие в той камере. Вскоре Алексея Максимовича и затем меня освободили, и мы не виделись до 1902 года.

Второй раз я встретился в 1902 году, когда мне было 19 лет и когда мы вместе с Петром Заломовым и ещё многими сормовичами сидели в той же тюрьме за участие в первомайской демонстрации.

Нас, политических, поставили в тюрьме в особо тяжёлые условия: лишили прогулок, ограничили свидания, не давали табаку и т.д.

В знак протеста мы объявили голодовку, надеясь этим добиться кое-чего, но больше всего мы надеялись на помощь со стороны Алексея Максимовича. Эти надежды наши целиком оправдались.

Алексей Максимович возвратился в это время из ссылки в Арзамас и деятельно взялся за организацию помощи политзаключённым сормовичам.

Так как в Нижнем во время нашего заключения был распространён тиф, Алексей Максимович приходил к тюрьме и кричал нам из-за стены, чтобы мы прекратили голодовку, ввиду опасности заболеть тифом. Мы видели его у тюрьмы несколько раз, и каждый из нас чувствовал, что Алексей Максимович заботится об нас, помогает нам всей силой своего огромного авторитета.

Когда в тюрьме распространился слух, что жёны политзаключённых во главе с матерью Петра Заломова Анной Кирилловной ходили демонстрацией к губернатору, все мы догадались, что это дело рук Алексея Максимовича.

Действительно, это он организовал демонстрацию наших жён, в результате которой вице-губернатор барон Фридерикс удовлетворил наши требования, выдвинутые перед голодовкой. Это он, наш дорогой Горький выхлопотал личных защитников Муравьёва, Тесленко и других, это он помогал материально нам и нашим семьям, он же принял горячее участие в распространении по городу листовки – «Из тюрьмы на волю», где было напечатано, чего хотят политзаключённые и за что они страдают.

После того, как закончился наш процесс и мы вышли из тюрьмы весной 1902 года, Алексей Максимович вынужден был по состоянию здоровья ехать в Крым, и нас, сормовичей, собралась провожать его порядочная толпа. Так закончилась моя вторая встреча с Максимом Горьким.

В третий раз я встретил нашего великого земляка Алексея Максимовича в 1928 году, когда он приезжал в Сормово. При проводах, на вокзале кто-то сказал: «Нижний наш растёт с каждым днём. Вон и ярмарка теперь какая богатая стала».

– Да, Нижний растёт, но не ярмарка нужна ему! – ответил Алексей Максимович, и эти слова мне особенно запомнились на этих проводах.

Алексей Максимович у нас, молодёжи девятисотых годов, был единственным любимым писателем, учителем и другом. В наше время мы до дыр зачитывали его пьесы «Мещане», «На дне», его рассказы. Его песни были нашими любимыми песнями…»

МИТЯ ПАВЛОВ. 1905

«Осенью 18-го года я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина?

– Простота. Прост, как правда.

Сказал он это как хорошо продуманное, давно решенное».

Это цитата из очерка А.М. Горького «В.И. Ленин». Фраза, ставшая крылатой, известная многим со школьных лет, принадлежит сормовскому рабочему-революционеру Дмитрию Павлову.

Дмитрий Александрович Павлов (1880–1920) – модельщик Сормовских заводов, начал работать с 9 лет. К социал-демократическому движению приобщился с 1896 года, в 1901-м был избран в первый Нижегородский комитет РСДРП. Он был другом и соратником Заломова по революционной борьбе, во время первомайской демонстрации 1902 года шёл с ним плечом к плечу.

Но после 1902 года судьба Д.А. Павлова сложилась несколько по-иному. Каким-то чудом ему удалось избежать ареста. В 1905 году, во время декабрьского вооружённого восстания Дмитрий Павлов привёз из Петербурга в Москву, на квартиру Алексея Максимовича Горького, капсюли гремучей ртути и пятнадцать аршин бикфордова шнура. Алексей Максимович посвятил этому подвигу сормовича небольшой очерк, который называется «Митя Павлов». Приводим его почти полностью: «Где-то в Ельце умер от тифа Митя Павлов, земляк мой, рабочий из Сормова. В 905-м году, во дни Московского восстания, он привез из Петербурга большую коробку капсюлей гремучей ртути и пятнадцать аршин бикфордова шнура, обмотав его вокруг груди. От пота шнур разбух или слишком туго был обмотан вокруг рёбер, но – войдя в комнату ко мне, Митя сва-

лился на пол, лицо его посинело, глаза выкатились, как это бывает у людей, умирающих от асфиксии.

– Вы с ума сошли, Митя? Ведь вы могли дорогой упасть в обморок – понимаете, что тогда было бы с вами?

Задыхаясь, он ответил виновато:

– Пропал бы шнур, и капсюли тоже...

О себе же, о той опасности, которую он только что чудом избежал, – ни слова».

После восстания Павлов перебрался в Петербург. В его квартире в Петрограде, ставшей подпольной явкой, с 1915 года не раз проходили заседания Бюро ЦК партии, в тайнике хранилась партийная печать и текущий архив Бюро ЦК.

После 1917 года Д.А. Павлов работает ответственным секретарём Народного Комиссариата торговли и промышленности. В 1918 году – в Елецком уезде Орловской губернии. В 1919 году назначается политкомиссаром 9 армии Юго-Восточного фронта.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИВЕТ

В декабре 1935 года отмечалось 30-летие сормовского вооружённого восстания 1905 года. А.М. Горький прислал приветствие сормовским рабочим, которое было зачитано на торжественном собрании в Сормовском Дворце культуры:

«*Горький. Сормово. Дом культуры.*

Сожалею, что не могу присутствовать среди вас, товарищи, в эти часы воспоминаний о дне крупного исторического значения, об одной из первых схваток пролетариата с его непримиримым врагом, о великом мужестве пролетариата, о мужестве, которое всё более становится примером для пролетариев всех стран. Привет молодёжи – нашему будущему вождю революции всемирной.

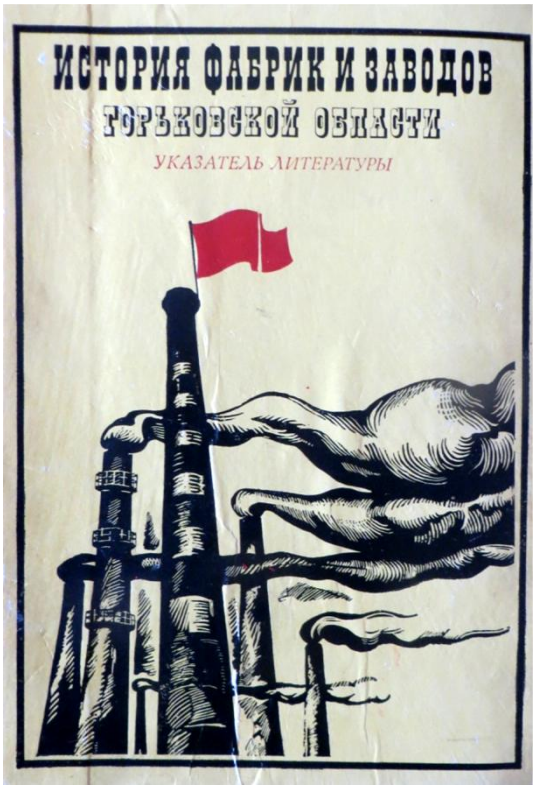
Максим Горький».

ГОРЬКИЙ О СОРМОВЕ И СОРМОВИЧАХ

На «сормовском материале» Горьким написаны многие страницы. Ранние детские воспоминания легли в основу повести «Детство», впечатления от посещения Сормовского завода в 1883, 1890, 1896 и 1928 годах отразились в очерке «По Союзу Советов», образы сормовичей-революционеров выведены в очерке «Митя Павлов» и в романе «Мать», этой, по определению В.И. Ленина, «настольной книге рабочего класса всех стран».

Это произведение достойно более детального разговора. Но прежде чем перейти к нему, хотелось бы сказать несколько слов о замечательной инициативе А.М. Горького по созданию серии книг «История фабрик и заводов».

ВАША КНИГА ДОЛЖНА СТОЯТЬ В РЯДУ ЛУЧШИХ



В 1931 году одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (1931, №247 от 7 сентября) и в журнале «Литературная учёба» (1931, №3) была опубликована статья Горького «История фабрик и заводов».

«Рабочий класс Союза Советов строит на огромной земле своей социалистическое общество, – так начинает писатель свою статью и сразу же задаёт вопрос: – Достаточно ли осведомлены мы об успехах социалистического строительства? Хорошо ли мы знаем то, что делается на всех фабриках и заводах, шахтах и рудниках нашей огромной страны?

На эти вопросы можно ответить только так: мы крайне плохо знаем всё то, что совершается в Союзе Советов трудом концентрированной энергии миллионов единиц рабочего класса.

Общедоступной литературы, которая последовательно и широко знакомила бы с грандиозным процессом строительства, у нас почти нет. «Очерковая» литература не оправдывает тех надежд, которые возлагали на неё, – в огромном большинстве очерки пишутся поверхностно и легкомысленно… От очеркиста нельзя и требовать, чтобы он дал полную картину деятельности завода или фабрики в целом, значение его достижений, его роль в промышленности, историю его роста и развития…

Для того чтобы понять огромное значение своих завоеваний, своих хозяйственных успехов, рабочий класс должен знать и прошлое, ту глубоко засоренную почву, на которой начал он строить своё новое государство. Всё познаётся сравнением, и для того, чтобы правильно оценить настоящее, необходимо знать прошлое….

Нам необходимо изучать нашу действительность во всём её объёме, нам нужно знать в лицо все наши заводы и фабрики, все предприятия, все работы по строительству государства. Надо подробно, всесторонне знать всё, что нами унаследовано от прошлого, и всё, что создано за четырнадцать лет, создаётся в настоящем. Надо знать завод в его современном значении как организатора социалистического сознания и социалистического производства….

В первую очередь предполагается осветить жизнь и работу таких заводов и фабрик: АМО, «Динамо», завод имени Ильича, Электрозавод, «Красный путиловец», Ижорский завод, «Красный треугольник», Орехово-Зуево, Гусь-Хрустальный, Коломенский завод, **Сормово**, Нижне-Тагильский, Мотовилихинский, Кыштымский, Макеевка, Краматорский, Сталино, Кривой Рог, Баку, Грозный, Шатура, Сталинградский тракторный, «Балахна»…»

«Каждый сборник, посвящённый отдельному заводу или фабрике, должен быть составлен с таким расчётом, чтобы все сборники, вместе взятые, могли бы в результате образовать связанную единством метода серию книг, которая представляла бы собою краткую энциклопедию нашей промышленности в её прошлом и нашего социалистического строительства – в настоящем, – энциклопедию по истории нашего пролетариата, его борьбы и завоеваний». (Л.А. Спиридонова. Настоящий Горький: мифы и реальность.

– 2-е издание, измен. – Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2016. – 384с.)

Одобрив инициативу Горького, ЦК ВКП (б) 10 октября 1931года принял постановление об издании сборников «История заводов» и утвердил Главную редакцию издания во главе с А.М. Горьким, (П.П. Постышев, А.А. Андреев, Н.М. Шверник, А.В. Косарев, Л.З. Мехлис, Д.Е. Сулимов, Н.Н. Попов, А.И. Стецкий, А.М. Панкратова, В.В. Иванов, Л.Н. Сейфуллина, Ю.Н. Либединский и др.).

Работа началась и охватила всю страну. На местах были созданы республиканские, краевые, областные и заводские комиссии «ИФЗ». С помощью партийных и общественных организаций они проводили подбор авторских коллективов, сбор документов и воспоминаний рабочих, организовывали выставки, обсуждение рукописей.

Горький обратился к рабочим с призывом самим создавать историю своих заводов. В письме, адресованном в партком завода «Красное Сормово» от 20 июля 1932 года, он писал:

«Дорогие товарищи! «Красное Сормово» имеет ряд поучительных страниц революционного движения. Значение «Красного Сормова» для молодых кадров рабочих велико.

Ваша книга должна быть насыщена большим содержанием, стоять в ряду лучших.

Это может быть и должно быть достигнуто участием в работе широких слоёв рабочих, особенно старых кадровиков, внимательным отношением заводских организаций к созданию истории, привлечением к работе квалифицированных историков и писателей.

Работа по «Истории «Красного Сормова», которая проводилась до последнего времени, до решения крайкома партии, была безусловно слабой.

Заводская редколлегия только приступает к работе всерьёз.

Хотелось бы, чтобы Ваше основное внимание было сосредоточено на вопросах, связанных с созданием хорошей книги, а поменьше на оргсуетне. Озаботьтесь сейчас же о создании крепкого авторского коллектива, который будет писать книгу.

Член Главной редакции
«Истории заводов» М. Горький»

Как отмечает Л.А. Спиридонова в своей монографии «Настоящий Горький: мифы и реальность», «…из задуманных 150 книг при жизни Горького вышло только 5. Огромный архив «Истории фабрик и заводов хранит следы его титанической работы: он прочитал и отредактировал около 30 рукописей, дважды правил книгу «Болшевцы», на рукописи которой сделал 870 крупных и мелких замечаний. Столь же внимательно он работал с рукописями книг «Были горы Высокой», «Красное Сормово», «История Трёхгорной мануфактуры», «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина». Ему принадлежат отзывы и рецензии на эти книги, некоторые снабжены его предисловием или послесловием».

Сотрудники Музея истории завода «Красное Сормово» заинтересовались этой информацией: к сожалению, им ничего не было известно о существовании рукописи, посвящённой истории «Красного Сормова», созданной в начале 1930-х годов по инициативе Горького и хранящей следы его правок. Где находится эта рукопись? Кто был её автором? Какова её судьба?

Автор исследования «Настоящий Горький: мифы и реальность» Лидия Алексеевна Спиридонова – заведующая отделом ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, профессор, доктор филологических наук, только упоминает об этой рукописи (стр. 200), но в библиографическом списке, помещённом в конце книги, этот документ не указывается. В сентябре 2017 года Музей завязал переписку с Л.А. Спиридоновой, которая посоветовала обратиться в Архив А.М. Горького, также являющийся отделом ИМЛИ.

Благодаря сотрудникам нижегородского МБУК «Государственный ордена Почёта музей А.М. Горького» стало известно, что автором рукописи «Красное Сормово» является писатель А.С. Яковлев. Эта информация была направлена в Архив А.М.Горького, и вскоре был получен обнадёживающий ответ от заведующей архивом Елены Рафаэловны Матевосян: «Мы подобрали имеющиеся в Архиве А.М. Горького документы, связанные с написанием в 30-е годы книги о заводе «Красное Сормово» по горьковскому проекту «История фабрик и заводов».

У нас хранится рукопись А.С. Яковлева с правкой М. Горького. Это машинопись первых 8-ми глав. Хранится отзыв на рукопись Горького. Есть несколько издательских документов из редакции

«ЗиФ», где упоминается запланированная книга о заводе «Красное Сормово» и выражается беспокойство о ненадлежащем уровне текста и запущенных сроках выполнения редакционного задания».

Теперь появилась надежда, что фонды заводского музея пополнятся этим небезынтересным документом.

Стоит сказать несколько слов об авторе рукописи.

Александр Степанович Яковлев (1886-1953) – уроженец города Вольск Саратовской губернии, из крестьянской семьи. Прозаик, автор повестей «Повольники», романов «Победитель», «Человек и пустыня», «Повороты» (1931), «Пути простого сердца», «Огни в поле» (1934–35), «Кольцо» (1935).

В конце 1920-х годов Яковлев увлечённо знакомится с жизнью советской страны: в 1925 году он облетел районы Севера, в 1928-м – на ледоколе «Малыгин» принимал участие в спасении экспедиции Нобиле, участвовал также в поисках Р. Амундсена. В 1929 году вместе со знаменитым летчиком М.С. Бабушкиным совершает первый полёт по маршруту Москва – Ташкент; живо интересуется ходом строительных работ на Волге; по поручению М. Горького начал знакомиться с историей Сормова. Яковлев публикует очерковые материалы, рождавшиеся на маршрутах его путешествий. Выходят в свет такие увлекательно написанные книги, как «Ледовый поход „Малыгина“» (1929), «Ударный Сокол. Очерки» (1931), «Север. Рассказы» (1932), «Большая Волга. Очерки» (1933), «Рассказы о Севере» (1934),«Завоеватели. Рассказы» (1938) и др. Работа над «Историей Сормова» долго оставалась незавершённой, книга так и не вышла в свет…

Особую страницу творческой биографии Яковлева составляют его книги для детей, в центре внимания оказалась его работа над

повестью «Пионер Павел Морозов» (1936); по материалам повести Яковлев написал пьесу (1939), которая не сходила с театральных сцен до 1957 года. В последний период жизни Яковлев вернулся к истории Сормова. В 1953 году вышла последняя книга писателя – «На великой русской реке» (о Волге)…

Горький раскритиковал работу А.С. Яковлева об истории Сормовского завода. В своём «Отзыве о рукописи А. Яковлева «Красное Сормово» он писал: «Вместо истории завода автор начал писать повесть, – взялся за дело, для которого он имеет очень мало данных. Пишет неровно, вчера писал народническим «сказом», сегодня – иначе, и всегда – неубедительно, но всегда неряшливо. Материал он знает плохо, документацию заменяет диалогом, хронологию отрицает. Очень трудно понять, когда именно начинается «повесть». Начинается изображением бурлаков, быт коих автору явно неведом: подрядчиков бурлаки не имели, организатора-старосту – артель выбирала из своей среды, труд его оплачивался «за путину», с каждой головы – «с рыла». Совершенно излишне введены страницы таких описаний, как напр[имер] – холера, но – не указано – каких годов?.. Не нужна сцена приёма Кочубея в доме Бенардаки…

Даёт цифры: «бурлаков – 600 тысяч, из них – 3 тысячи дворян» – откуда взята эта статистика? Особенно плохо сделаны разговорчики мужиков и народные сцены, лишённые содержания. И напрасно автор думает, что в ту пору шведы-рабочие были культурнее, грамотнее русских и что они работали в «комбинезонах». Шведы-инженеры у него слишком похожи на инженеров нашего времени. Русская водка не могла удивлять их, ибо у них водка крепче.

В общем, эта рукопись не может быть принята нами, если автор не согласится придать ей более серьёзное и действительно историческое значение.

Для того чтобы написать роман о Сормове, у Яковлева нет сил, нет знания материала, а роман требует знания более детального, чем история. Историю же следовало бы написать так: кратко рассказать о положении судоходства на Волге – Каме – Оке в первую половину XIX в. – из этого и будет ясна необходимость судостроит[ельного] завода около Нижнего. Разговоры Бенардаки и Узатиса на эту тему – не убедительны, и нельзя вульгаризировать рост промышленности исключительно «страстью к наживе».

Для начала XX в. нужно иметь в виду «Воспоминания» Петра Андреевича Заломова – организатора первой политической демонстрации в Сормове».

Несмотря на такую резко негативную оценку Горьким труда Яковлева, его работа представляет определённый интерес в свете изучения истории завода, и заводские музейщики надеются, что копия рукописи пополнит музейные фонды.

Остаётся добавить, что книги об истории завода «Красное Сормово» были написаны – правда, другими коллективами авторов. Так, в 1949 году Горьковское областное государственное издательство выпустило книгу А.И. Парусова и П.И. Шульпина «100 лет завода «Красное Сормово» имени А.А. Жданова». В 1969 году в столичном издательстве «Мысль» вышла книга «История «Красного Сормова» под редакцией В.П. Фадеева, объёмом 500 страниц. И наконец, в 2006 году увидела свет фундаментальная монография почти на 700 страницах – «Красное Сормово»: Завод и люди» (Нижний Новгород, «Кварц». Авторы-составители Г.А. Илескин, Ю.К. Меньщиков, А.А. Постнов).

Любопытно, как бы Алексей Максимович оценил эти издания? Хочется верить, остался бы доволен…

«КРАСНЫЙ СОРМОВИЧ» О ГОРЬКОМ.

ПРИЖИЗНЕННЫЕ СТАТЬИ. ВОСПОМИНАНИЯ. НЕКРОЛОГ.

Если Горьким написано о Сормове немало, то и газета «Красный сормович» перед «дорогим и любимым Алексеем Максимовичем» в долгу не осталась. Первый номер заводской многотиражки вышел 7 ноября 1927 года, а уже в июльском и августовском номерах за 1928 год газета освещает визит писателя в Нижний Новгород и на завод «Красное Сормово».

Непременно, к каждому горьковскому юбилею, а то и просто ко дню рождения знаменитого писателя-земляка в газете публикуются материалы о «буревестнике революции и основоположнике соцреализма».

Так, 28 марта 1962 года разворот «Красного сормовича» посвящён 94-й годовщине со дня рождения А.М. Горького. Наибольший интерес представляет подборка воспоминаний сормовичей «Встречи с Максимычем», которая печаталась по книге В.Н. Блохиной «Горький на Волге» (Горьковское книжное издательство, 1961) .

26 марта 1988 года, накануне празднования 120-летия со дня рождения А.М. Горького, третья полоса газеты вышла под шапкой «Наш Горький». Особенно любопытной представляется заметка Льва Курылёва «Редакция «Нижегородского листка».

«Этот дом, что стоит в нашем городе на углу Свердлова (Большой Покровской – *прим. авт.*) и Грузинской, рядом с Государственным банком, внешне мало чем отличается от многих других обычных старинных домов. А когда-то с 1885 по 1917 год здесь, на втором этаже, размещалась редакция «Нижегородского листка». В течение ряда лет его активным сотрудником, а в одно время и идейным руководителем был А.М. Горький.

На первых порах газета, подражавшая «Русским ведомостям», не нравилась Алексею Максимовичу за её казённый либерализм и

шараханье из стороны в сторону. Правда, и тогда писатель иногда публиковал в «Листке» свои рассказы, и первым был рассказ «О мальчике и девочке, которые не замёрзли». А в 1896 году он принял приглашение редакции стать её корреспондентом на Нижегородской Всероссийской торгово-промышленной и художественной выставке, откуда дал немало острых и ярких репортажей и корреспонденций.

В конце 1898 года редактором «Листка» становится опытный журналист С.И. Гриневицкий, который сразу сближается с А.М. Горьким. Последний, как свидетельствовалось в воспоминаниях, «делается одним из самых близких членов редакционной семьи. Он каждый день заходит в редакцию, печатает в газете свои рассказы, фельетоны, отклики на те или иные явления и факты общественной жизни города, в том числе о беспризорных детях, босяках, о работе клубов, помогает изданию деньгами.

Именно в это время «Нижегородский листок» стал одним из лучших провинциальных изданий. В нём поднимались очень злободневные темы, в частности, публиковались письма из Сормова о нарушении администрацией завода прав рабочих, после чего выход газеты был приостановлен на два месяца.

Помимо А.М. Горького в ней выступали Е.Н. Чириков, В.Г. Короленко, В.В. Вересаев, … многие общественные деятели, среди которых были Н.А. Семашко, П.М. Керженцев, Я.М. Свердлов».

Вскоре, в номере от 1 апреля, публикуется статья под замечательным названием – «Мы считаем М. Горького сормовичом». Её автор, бригадир станочников инструментального цеха завода «Красное Сормово» Н.И. Кудрявцев, в своём выступлении на торжественном собрании в Доме политического просвещения от имени сормовичей заявил: «Много выдающихся людей нашей Родины связано с историей завода «Красное Сормово». Но, пожалуй, особым признанием и любовью у сормовичей пользуется имя величайшего пролетарского писателя, буревестника революции Алексея Максимовича Горького. Более того, мы считаем его земляком-сормовичом. И для этого есть причины.

Близкое знакомство с Сормовом у Алексея Максимовича произошло ещё в 1870-е годы, когда он жил здесь с матерью, отчимом и бабушкой, неподалёку от Главной проходной завода.

На всю жизнь ему запомнились чёрные, коптящие небо трубы, низкие скособоченные домики рабочих, волчий протяжный вой гудка по утрам. Всё это с гениальной силой перенесено потом на страницы романа «Мать».

Бывал в Сормове Горький и позднее. Именно здесь, на одном из крупнейших в России заводов, росло и крепло на рубеже веков революционное рабочее движение. Здесь работали в марксистских кружках в условиях подполья близкие знакомые и друзья писателя – Яков Свердлов, Дмитрий Павлов, Борис Рюриков, Иван Ладыжников и многие-многие другие.

Особое место в творчестве писателя занимает написанный на сормовском материале роман «Мать». Книга получила всемирное признание и переведена практически на все языки земного шара. «Мысль написать книгу о рабочих явилась у меня ещё в Нижнем после сормовской демонстрации», – писал Алексей Максимович в одном из своих писем в 1933 году.

Вы помните, как ярко в романе описана сормовская демонстрация, бунт по поводу «болотной копейки». Почти с документальной точностью рассказывает Горький о революционных кружках сормовичей, их конспиративных собраниях, маёвках… Многие сормовичи узнавали себя в героях книги.

Одна из главных героинь книги – Ниловна – во многом списана с двух женщин-сормовичек – Анны Кирилловны Заломовой и Вассы Семёновны Павловой – матери Мити Павлова.

Алексей Максимович хорошо знал этих женщин, встречался с ними в Сормове и Нижнем. Да и мало ли их было в России, бесстрашных русских женщин, вершивших революцию рядом с мужьями и сыновьями.

А для Павла Власова – главного героя романа – прототипом послужил наш сормовский рабочий Пётр Андреевич Заломов. Горький писал о Павле, что это «характер… не редкий. Именно вот такие парни создали партию большевиков. Многие из них уцелели в тюрьмах, в ссылке, в гражданской войне и теперь стали во главе партии…».

Конечно, роман «Мать» – это не только история Сормова и сормовских революционеров, но всё же мы гордимся, что события, которые происходили у нас, легли в основу знаменитой книги.

Не забывал Алексей Максимович Сормово и после революции. Несколько раз он посещал знакомый и близкий ему с детства Сормовский завод. Встречался с рабочими и интеллигенцией, посещал заводские цеха, новые жилые дома. После одной из таких поездок Горький писал: «Я назвал труд рабочих героическим. Он везде таков. Но наиболее хорошо я видел это в Сормове».

Напомню, что в 1932 году сормовичи вышли с предложением: в связи с 40-летием писательской деятельности Алексея Максимовича переименовать Нижний в город Горький. Сотни тысяч людей по всей стране присоединились к ним, и вот уже 56 лет живёт и здравствует новый социалистический Горький. И вряд ли сейчас стоит возвращать ему прежнее название. Тем более что старый город практически умещался в рамках Нижегородского района.

Более 50 лет прошло с тех пор, как Алексей Максимович Горький последний раз посетил наш завод. За это время «Красное Сормово» неузнаваемо изменилось. Выросли новые просторные и светлые цеха. Наша продукция – сухогрузные теплоходы смешанного «река – море» плавания – широко известны за пределами страны. Гордо несут они марку Сормова, марку города Горького.

И всё это создаётся золотыми руками и умом славных сормовских корабелов…

Особый предмет нашей заботы составляет молодая рабочая смена. Я являюсь заместителем председателя совета шефов-наставников завода, более 15 лет – членом парткома. И мы, шефы, делаем всё возможное для того, чтобы воспитать достойную нам замену. Чтобы никогда не повторилась горькая судьба молодого Алексея Пешкова, вынужденного в поисках счастья и работы обойти половину России.

Отмечая 120-летие со дня рождения Алексея Максимовича Горького, мы отдаём дань памяти великому писателю, учителю, другу сормовичей. Человеку, чьё имя с честью носит наш город».

СОРМОВСКИЕ МАТЕРИ

Анна Кирилловна Заломова.

Эта статья бригадира станочников подготовила появление газетной полосы в «Красном сормовиче» от 22 июня того же года. Под общим заголовком «Шагнувшие в бессмертие» вышли воспоминания двух матерей – А.К. Заломовой и В.С. Павловой.

«Родилась я в 1849 году. Жили мы в слободке Кошелевка под Нижним Новгородом в маленькой дряхлой избушке. Жили, как тысячи других, очень бедно, – рассказывает о себе Анна Кирилловна Заломова. – Бывало, сваришь чёрной каши. Подашь на стол, а дети всё съедят и не сыты. Жалко их станет – заплачешь. Стала я шить по вечерам, но денег всё равно не хватало. Дед ушёл просить милостыню, сыновья чуть ли не с детского возраста пошли на завод Курбатова, где работали с утра до ночи. Всю жизнь, начиная с детства, ничему я так не завидовала, как возможности учиться, получить образование. Но вместо этого меня маленькой девочкой посадили плести кружева. После долгих и настойчивых просьб мать показала мне буквы и слоги, с трудом научилась я читать. В доме книг не было. Все у нас были неграмотные, читать никто не умел. Редко попадался мне в руки печатный листок – только иногда лавочник завернёт мыло или свечку в обрывок книги. Жадно собирала я эти жалкие обрывки, переписывала по складам десятки раз. Это и были мои учебники».

«Васса Семёновна Павлова, – сообщала газета, – жила при муже Александре Тимофеевиче, рабочем Сормовского завода. И была матерью шестерых детей (Дмитрий, Пётр, Павел, Александр, Елена, Людмила). Женщина трудолюбивая и решительная. Семья

жила в деревне Мышьяковке, имела свой небольшой земельный участок, деревянный дом. Еле концы с концами сводили»…

Вот что рассказывает Васса Семёновна о своём сыне: «Мой сын, Митя Павлов, как его звали тогда, начал революционную деятельность с двадцатилетнего возраста, с 1899 года. С этого времени и до 1905 года мой дом был не только штабом сормовичей-революционеров – частенько его навещали и руководители заводской организации партии большевиков. Жизнь моя в этот период протекала в суете: то жандармерия приходит с обыском, нужно вида не показать, то кого-либо нужно собирать за границу, а то соберутся на вечеринку двадцать-пятьдесят человек с музыкальными инструментами и устроят собрание. А мне опять есть работа – установить дозор на воле и глядеть в оба – нет ли чего опасного…

В 1901 году моего Митю арестовывают и держат две-три недели, через некоторое время вскоре опять арестовывают уже на пятнадцать месяцев. А потом уже как по проторенной дорожке: он сидит в Нижнем, Ярославле, Москве, Питере и других городах, являясь частым гостем тюрьмы и проходя здесь школы: я не смогла дать ему образования, несмотря на то, что Митя являлся одним из лучших учеников.

Подпольная работа того времени требовала не только от революционеров, но и от меня большого такта, осторожности и умения. Ящеров, помощник пристава Сормовской полиции, не раз говорил мне: «Ну, баба, жаль, что ты неграмотная, а то бы тебе в тюрьме сидеть да сидеть». Характерно, что сколько бы обысков у нас в доме ни было, ничего не находили, кроме одной прокламации, и то после убийства А.Ефремова в 1905 году.

Известно, что царский манифест был лишь маневром собирания сил для уничтожения революции. В это время в Сормове и зародилась боевая дружина, в заводе рабочие делали оружие, шла подготовка к вооружённой схватке с царизмом. Чёрная сотня распоясалась. В Нижнем были убиты сормовичи – Командин, Дмитриев и другие. На другой день отправляется отряд сормовичей человек в шестьдесят, намереваясь проучить чёрную сотню. Был в их числе и Гриша Котов. В момент борьбы он пристрелил городового и солдата; будучи весь изранен, был арестован и направлен в больницу. Необходимо было его спасти, так как ему грозила виселица.

И вот Митя берёт меня, и мы едем в больницу, чтобы его взять, оформив процедуру выписки его из больницы. Как раз в это время на раненого наложили арест и поставили к нему охрану. В больнице поднялся шум. Больные начали протестовать. К Мите подходит какой-то интеллигент и говорит ему на ухо: «Тебе надо уходить, а то могут арестовать…» Подойдя к одному из чинов полиции, я стала просить Гришу домой, говоря, что он мне племянник, но полицейский грубо сказал, что Котов – большой государственный преступник, который убил городового и солдата, и выпущен быть не может…

Пришлось мне удалиться. Гришу спас от виселицы манифест.

Однажды Митя приходит домой и, задумавшись, говорит: «Маманя, приготовь чистого белья на всякий случай…». Поняла я, в чём дело, и вспомнила, что при больнице в роще у меня служит кум, решила сходить к нему за бинтами.

Переодевшись, я отправилась за бинтами и наткнулась на патруль полиции. Меня не пустили, но я сказала, что у меня в больнице лежит при смерти – брат, и благополучно принесла узел бинтов, ваты и прочее.

Мой сын уехал в Москву, где и участвовал в баррикадных боях в Пресненском районе. Был в Петрограде, куда ездил за капсюлями гремучей ртути и бикфордовым шнуром, который был привезён в Москву, в квартиру Горького…».

Но более всего привлекает на этой газетной странице заголовок-призыв – «Воздвигнем памятник Матери». Призыв подписан знатными сормовичами – мастером производственного обучения СПТУ №5, Героем Социалистического Труда, Почётным гражданином г. Горького А. Удаловым, председателем районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Героем Социалистического Труда С. Бодровым, учителем школы №82, Героем Социалистического Труда Н. Бакушевой, бригадиром электросварщиков завода «Красное Сормово», депутатом Верховного Совета РСФСР Н. Шариным, руководителем народного хора русской песни ДК завода «Красное Сормово», заслуженным работником культуры РСФСР Е. Морозовым и директором Сормовского Дома пионеров им. П. Заломова Л. Щербаковой.

В призыве говорилось: «Самое дорогое для каждого живущего на земле – мать. Она даёт жизнь. В ней источник высоких нравственных начал. Глубокой благодарностью отзывается в народе благородный материнский труд. Прекрасные образы женщин увековечены в камне и бронзе, в стихах и прозе. «Вечный образ» женщины-матери создан гением нашего великого земляка М. Горького в повести «Мать». Образ Ниловны – символ женщины-матери огромной обобщающей силы. Матери революционера, матери – человека. В её душе органически сливаются идеи социалистического переустройства мира с общечеловеческой идеей социальной справедливости, с извечной материнской мечтой о счастье детей, о духовном братстве людей. Встав на путь революционной борьбы, Ниловна из забитой неграмотной женщины превратилась в стойкого сознательного борца за идеи социализма.

Прообразом Пелагеи Ниловны послужили матери известных сормовских рабочих-революционеров Петра Заломова и Дмитрия Павлова. Мы поддерживаем инициативу Горьковского областного отделения советского фонда культуры о сооружении в нашем городе – в Сормове – памятника Ниловне. Пусть она навечно встанет у Большой сормовской дороги, где в бессмертие шагнул её сын, и где бессмертной стала она сама. Сооружение памятника литературной героине на земле, её породившей, – акт большого политического и культурного значения. Это будет первый на нижегородской земле памятник, увековечивающий обобщённый образ женщины-матери, патриотки, неутомимой труженицы, полноправной хозяйки страны.

Памятник будет сооружаться на народные средства. Поэтому призываем всех, кому дорога материнская слава, внести свой посильный вклад в сбор средств на его создание.

Надеемся, что наш призыв найдёт отклик во всех городах и районах области, в творческих организациях и трудовых коллективах, вузах и школах, колхозах и совхозах, научных учреждениях и общественных организациях».

К сожалению, призыв, прозвучавший 30 лет назад, остался не услышанным…

В «лихие девяностые» и имя, и творческое наследие писателя были не актуальны и подзабыты. Единственная заметка, появившаяся на страницах «Красного сормовича» 31 марта 1998 года и

посвящённая 130-летнему юбилею Горького, называлась «Милый Максим Горький, напиши мне сказку». Поводом для неё стал семинар «Максим Горький сегодня: возвращение интереса к жизни и творческому наследию писателя», состоявшийся в Центральной городской детской библиотеке им. Горького, которая находится в центре Сормова, на улице Ефремова. С 1924 года пропаганда творчества писателя является одной из ведущих тем в работе библиотеки. Здесь собраны отзывы юных читателей на различные произведения Горького.

«Начнём с самых маленьких, тех, кто зачитывался сказками «Самовар» и «Воробьишка». Напомним, что эти сказки Горький написал по просьбам детей, – сообщается в заметке. – Представьте, получает он письмо… от семилетнего мальчика Илюши: «Милый Максим Горький, все писатели умерли, ты один живой. Пришли мне сказку». Разве откажешь в такой просьбе? А как нынешнее поколение сормовичей оценивает произведения классика-земляка? В чём видит их современность?» Далее публикуются ответы представителей молодого поколения. Вот что говорит первоклассник Андрей Баранов о «Воробьишке»: «Пудик выпал из гнезда, и его чуть не съела кошка. Так всегда бывает с тем, кто не слушается взрослых». Третьеклассник Максим Калюжин рассуждает о героях рассказа «Дед Архип и Лёнька»: «Очень жалко Лёньку, он всегда хотел есть, а дедушка был старенький, слабый… если бы я встретил сейчас мальчика бедного, как Лёнька, я бы стал с ним дружить, помогать ему учиться, а если бы мама разрешила, я бы его пригласил жить в нашу семью и звал бы его братом…». Завершается заметка признанием десятиклассника А. Косарева: «Я горжусь, что живу на земле, на которой жил и творил Горький».

СОРМОВСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Вместе с воспоминаниями, не вызывающими сомнений в своей достоверности, встречаются в газете «Красный сормович» и «мемуары», которые способны вызвать либо недоумение, либо, в лучшем случае, улыбку.

Вот, к примеру, подборка из цеховых стенных газет, опубликованная в «Красном сормовиче» 22 июня 1936 года: «…Старый

производственник механического цеха тов. Колесников в стенгазете «Рабочее око» рассказывает: «Умер Алексей Максимович Горький… Это был человек, владеющий громадной литературной силой и талантом. В одно время шёл с ним его товарищ Шаляпин, тоже человек мировой известности, талантливый певец и оперный артист, но громадная разница была между ними. Алексей Максимович, похлопывая его по плечу, говорил: «Был бы ты хорош, Фёдор Иванович, если бы пел для униженных, оскорблённых и закабалённых капиталистами». Но глух был Шаляпин к революционному призыву...»

Стахановка столярного цеха тов. Ометова в цеховой стенгазете поделилась воспоминаниями, как ей Максим Горький помогал: «Никогда не забуду, как в тяжёлые дни муж оставлял в кабаке всю получку, а Алексей Максимович выручал меня, давал хлеба, деньги, а мужа бранил, что он плохо заботится о семье».

Ремонтный мастер инструментального цеха 21 июля в заметке «Умер наш душевный друг» сообщает, что впервые встретился с Горьким, ещё будучи мальчишкой, учеником слесаря у «частного хозяина». Это произошло в 1896 году, в чайной «Столбы» близ «Миллиошки». Рабочий корреспондент сообщает, что в то время Алексей Максимович «работал крючником и выглядел очень здоровым, высоким, плечистым и сильным мужчиной». (Известно, что с 1892 по 1897 год А.М. Пешков работал в провинциальных газетах Поволжья и Юга России.)

Превзошёл всех в искусстве мифотворчества мастер железопрокатного цеха тов. Красильников, воспоминания которого были помещены на первой полосе «Красного сормовича» за 21 июня 1936 года. Буквально начальные фразы его заметки разят наповал: «***Впервые*** мы встретились с Алексеем Максимовичем на ярмарке в театре Фигнера, не помню, в 1903 (!) или 1904 году. Там тогда впервые ставилась его пьеса «На дне» (!), при исполнении главной роли Шаляпиным (!) и непосредственном руководстве Алексея Максимовича… ***Вторая*** (!) наша встреча произошла на митинге около Старообрядческого кладбища, после разгрома первомайской демонстрации (*1902 года – прим. авт.*), когда был взят полицией руководитель революционно настроенных рабочих Сормова – Пётр Заломов…» И так далее, в том же ключе.

Справедливости ради заметим, что кое-что любопытное в заметке мастера есть. «Среди молодёжи Алексей Максимович пользовался в то время большой популярностью. Как и он, многие стали носить чёрную шляпу – «вдоль улицы», сатиновую рубашку навыпуск и длинные волосы, – сообщает рабкор и признаётся: – Я и сам так одевался».

Любопытнейший пример босяцкой легенды о Горьком приводит в своей книге «Горький в родном городе» В.Н. Блохина: «Каких только легенд не сочиняли босяки о Горьком! Например, такую. Жили два босяка. Дружки они были, и всё у них пополам – и горе, и радость. Одного звали Алексеем Пешковым, а другого – Горьким. Алексей здоровенный был детина, человек жестокий и гордый. А Горький – хворый, чахоточный, характером скромный и сердце имел жалостливое. И всё этот самый Горький писал чего-то да в сундучок складывал. Полон сундук набил.

Вот пришла пора Горькому помирать. Он перед смертью и завещал сундучок своему другу:

– Нет, говорит, у меня ни роду, ни племени, ты один, Алексей, у меня друг. Возьми себе мой сундучок, в нём, правда, никакого добра нет, кроме тетрадочек моих. Но, говорит, знающие люди тебе за них большие деньги дадут. Только ты их не на обёртку продай, а напечатай и выпусти в свет. Сам, говорит, я этого сделать не успел, потому что ещё не достиг настоящего совершенства, а теперь помираю, так пускай уж после моей смерти напечатают, а деньги ты получи!

Сказал так Горький и помер. А Пешков начал его тетрадки в журналах печатать и Горьким подписываться. Тут началась его слава, деньги рекой полились. Возвеличили человека…»

Алексея Максимовича очень забавляла эта история, и он не раз, хитро посмеиваясь, пересказывал их друзьям».

К этим «босяцким» легендам о Горьком сормовичи добавили свои, «рабочие».

ПРОЩАЙ, НАШ ДОРОГОЙ,
ЛЮБИМЫЙ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ!

В траурные дни смерти и похорон Горького несколько номеров газеты были посвящены горьковской теме (1936, 20–23 июня).

Первая полоса газеты за 20 июня 1936 года вышла в широкой траурной рамке, с общим заголовком «Прощай, наш дорогой, любимый Алексей Максимович!»

Цена 5 коп. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Красный СОРМОВИЧ

Год издания 3-й. 20 июня 1936 года № 140 (738)

ОРГАН СОРМОВСКОГО РК ВКП(б), РАЙСОВЕТА, ЗАВКОМА и ЗАВОДОУПРАВЛЕНИЯ ЗАВОДА „КРАСНОЕ СОРМОВО".

20 июня, в 6 часов вечера в городском Дворце культуры им. Ленина состоится.

траурное заседание об'единенного пленума городского совета и городского комитета ВКП(б) совместно с краевыми партийными, советскими и общественными организациями, посвященное памяти Алексея Максимовича Горького.

Вход по пропускам, выдаваемым райкомами ВКП(б). Члены Крайкома, ЦИК, ВЦИК, Крайисполкома, Горкома и Горсовета проходят по своим мандатам.

Проезд в трамвае бесплатный, вход через переднюю площадку.

Городской Совет. Городской Комитет ВКП(б).

ПРОЩАЙ, НАШ ДОРОГОЙ, ЛЮБИМЫЙ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубокой скорбью извещают о смерти великого русского писателя, гениального художника слова, беззаветного друга трудящихся, борца за победу коммунизма — товарища АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО, последовавшей в Горках, близ Москвы, 18 июня 1936 года.

Центральный Комитет ВКП(б). Совет Народных Комиссаров Союза ССР.

Склоняем знамена

Умер Алексей Максимович Горький. Оборвалась яркая жизнь величайшего пролетарского писателя, друга трудящихся всего мира, пламенного борца за социалистическую культуру, замечательного человека нашей родины. Вся наша партия, весь народ нашей страны, трудящиеся всего мира с чувством глубокой скорби переживают это большое несчастье.

Замечательный путь Алексея Максимовича Горького—путь самых передовых и смелых людей нашего народа. Вышедший из народных низов, упорным трудом проложивший себе дорогу в жизнь, Горький с первых шагов своей литературной деятельности встал на путь борьбы за дело рабочего класса. Страстными, огненными словами Горький клеймил варварство старого строя, мир работовладельцев, лавочников и мещан. Его произведения, полные глубоких идей, мыслей и чувств, будили в народных массах ненависть к старому миру, страстное желание вести борьбу за счастье социализма, за новую человеческую жизнь. На произведениях Горького воспитывались революционеры-большевики. За это ненавидели его враги народа, царские прислужники сажали его в тюрьмы и ссылали. Но зато так горячо любили и любят своего Горького трудящиеся массы.

Горький видел в рабочем классе, в народных массах источник огромной силы, способный передвигать старый мир. И он непоколебимо верил в победу революции. «Эти люди победят»—сказал он о рабочих в пьесе «Враги».

Рабочий класс, весь трудящийся народ, руководимый большевиками, победил. Мы заново преобразовали страну, создали бесклассовое социалистическое общество, открыли миллионам сталинскую, радостную жизнь. Алексей Максимович радовался вместе с нами нашим победам. Ни надломленное здоровье, ни старость не мешали ему быть в первых рядах строителей нашей жизни. Он яростно выступал против сговора врагов социализма, он звал народы мира на борьбу против фашистских палачей, он был глашатаем и бойцом за новую, социалистическую культуру, он руководил литературой советской страны. Вся его жизнь до последнего вздоха—это труд и борьба.

И недаром величайшие вожди Ленин и Сталин дружили с Горьким, высоко ценили его талант и любили его. Они видели в нем гениального художника, который беззаветно и честно служил делу освобождения рабочего класса и трудящихся всего мира, облекая в художественные формы великие идеи социализма.

Смерть Горького — невосполнимая потеря для всей мировой литературы. Безмерны его заслуги в воспитании и укреплении советской литературы. Он служил подлинным образцом для всех писателей, для всего передового и честного во всем мире.

Горьковским большевикам, всем трудящимся нашего края особенно тяжела эта невозвратимая утрата. Горький родился, рос, жил и работал в нашем городе. Здесь находил он неисчерпаемый источник жизни для своих бессмертных литературных произведений. Город и край носит почетное имя Горького.

Нет больше среди нас Алексея Максимовича Горького, ближнего, родного всем нам человека. Нет больше бесмерно любимого великого земляка.

Весть о смерти Алексея Максимовича накладывает на нас особую ответственность. Мы, горьковцы, носящие славное его имя, еще теснее сплотимся вокруг нашей партии и правительства, вокруг родного и любимого Сталина.

Наш долг — работать так же честно и упорно на благо коммунизма, как работал Горький.

Мы склоняем свои знамена над прахом великого человека, великого мыслителя и страстного борца и клянемся ему настойчиво бороться за новые победы социализма, за передовой Горьковский край.

Горьковский Крайком ВКП(б).
Горьковский Крайисполком.

Горьковский городской комитет ВКП(б) и горсовет глубоко скорбят по поводу смерти пламенного борца за дело рабочего класса, величайшего пролетарского писателя—родного, любимого Алексея Максимовича Горького.

ГОРКОМ ВКП(б). ГОРСОВЕТ.

СКЛОНЯЕМ БОЕВЫЕ ЗНАМЕНА

СОРМОВСКИЙ РАЙКОМ ВКП(б) и РАЙСОВЕТ глубоко скорбят о смерти горячо любимого, величайшего пролетарского писателя Алексея Максимовича ГОРЬКОГО.

Смерть АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА тяжело отозвалась в сердцах сормовичей, многие из которых лично знали Алексея Максимовича по совместной борьбе с самодержавием.

Над открытой могилой АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА мы склоняем свои боевые знамена и обещаем удесятерить свои усилия для торжества дела Ленина—Сталина, за которое мы вместе боролись и за которое отдал свои силы АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ГОРЬКИЙ.

СОРМОВСКИЙ РК ВКП(б) и РАЙСОВЕТ.

О ПОХОРОНАХ А. М. ГОРЬКОГО

Правительство утвердило комиссию по организации похорон А. М. Горького в составе тт. Бубнова (председатель), Хрущева, А. Н. Толстого, Вс. Иванова, Смирнова, Смирнова, Ахумянского, Ходорковского, Ушакова и П. П. Крючкова.

Похороны А. М. Горького правятся за счет государства.

Похороны состоятся 20 июня, в 6 часов вечера на Красной площади.

О СМЕРТИ Алексея Максимовича ГОРЬКОГО

Постановление Президиума Горьковского Крайисполкома и Бюро Крайкома ВКП(б) от 18 июня 1936 года.

1. Об'явить 18, 19, 20 июня днями траура.

2. Собрать 20 июня с. г. в 7 часов вечера в Городском дворце культуры имени Ленина траурный пленум горсовета и горкома ВКП(б) гор. Горького совместно с краевыми партийными, советскими и профессиональными организациями, посвященный памяти Алексея Максимовича Горького.

3. Послать в Москву на похороны Алексея Максимовича делегацию от трудящихся края в количестве 100 человек во главе с секретарем Крайкома ВКП(б) тов. Прянишком.

4. Поручить делегации положить на гроб Алексея Максимовича Горького венок от Крайкома ВКП(б) и Крайисполкома.

5. Считать необходимым соорудить в гор. Горьком памятник Алексею Максимовичу Горькому.

6. Установить 10 стипендий имени Алексея Максимовича Горького для студентов-отличников учебы вузов и втузов Горьковского края.

7. Поручить Крайоно и культпросветотделу Крайкома внести на рассмотрение бюро Крайкома и президиума Крайисполкома предложения о еще больших распространении среди широких масс рабочих, колхозников и трудящихся края произведений Алексея Максимовича Горького.

8. Считать необходимым реставрировать все места в гор. Горьком и Горьковском крае, где жил и работал Алексей Максимович Горький, поручив Крайисполкому и горсовету провести эту работу.

Председатель Крайисполкома Ю. Каганович.

Секретарь Крайисполкома ВКП(б) Ф. Прянишников.

ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубокой скорбью извещали «о смерти великого русского писателя, гениального художника слова, беззаветного друга трудящихся, борца за победу коммунизма – товарища АЛЕКСЕЯ МАКСИМОВИЧА ГОРЬКОГО, последовавшей в Горках, близ Москвы, 18 июня 1936 года».

О своей глубокой скорби извещают Горьковский Крайком ВКП(б) и Горьковский Крайисполком, горком ВКП(б) и Горсовет, Сормовский РК ВКП(б) и Райсовет. Сообщается, что «похороны А.М. Горького приняты за счёт государства» и «состоятся 20 июня, в 6 часов вечера на Красной площади».

В Постановлении Президиума Горьковского Крайисполкома и Бюро Крайкома ВКП(б) от 18 июня 1936 года, в частности, сказано:

«… Послать в Москву на похороны Алексея Максимовича делегацию от трудящихся края в количестве 100 человек во главе с секретарём Крайкома ВКП(б) тов. Прамнэком.

… Считать необходимым соорудить в гор. Горьком памятник Алексею Максимовичу Горькому.

… Считать необходимым реставрировать все места в гор. Горьком и Горьковском крае, где жил и работал Алексей Максимович Горький…»

Статьи о тяжёлой утрате в этом номере газеты вышли под заголовками «Склоняем боевые знамёна», «Наша скорбь о родном Горьком», «Не хочется верить». По поводу смерти великого земляка скорбят рабочие, работницы, инженеры и техники завода «Красное Сормово», партактив и комсомольцы, старые производственники и учащиеся средних школ, рабкоры и начинающие поэты.

Полностью приводим содержание заметки «На похороны А.М. Горького»:«В числе делегации трудящихся Горьковского края выехали в Москву на похороны Алексея Максимовича Горького от завода «Красное Сормово» тт. РОЗАНОВ (из механического цеха), САРАТОВЦЕВ (из вагонного), ГРЕБНЕВ (из колесопрокатного), ЕПИШИН (из болтового), ГРАЧЕВ (из кузнечного), БОКОВ (из корпусного) и инженер БЕРЕЗОВСКИЙ».

Две полосы «Красного сормовича» от 21 июня заполнили заголовки «Память о нём сохранится на века», «Скорбим о смерти великого бойца», «Мы воспитывались на его произведениях», «По-

теряли великого художника», «Всенародная скорбь», «Умер наш душевный друг».

Д. Ермолаев писал в заметке «Глубоко потрясены»: «Как рабкор и член литературного кружка, я призываю всех рабкоров и начинающих писателей присвоить литературному кружку имя Алексея Максимовича».

По поручению собрания работников столярного цеха рабкор Лихваров обращается «с просьбой выпустить кинофильм «Жизнь и борьба Алексея Максимовича Горького», чтоб трудящиеся смотрели этот фильм и учились работать так же энергично, так же неустанно бороться, как это делал Алексей Максимович». Сормовские столяры просят также «выпустить большое собрание сочинений Максима Горького, чтобы быстрее распространить его богатое литературное наследство».

На следующий день газета публикует заметку рабочего модельного цеха завода «Красное Сормово», члена Президиума Районного Совета Глазова – «На похоронах Алексея Максимовича». Приводим её без сокращений.

«Наша первая делегация горьковцев прибыла в Москву утром 19 июня. Сразу же по приезде в Москву мы заказали венок. В 4 часа дня первая группа нашей делегации стала в почётный караул к гробу Алексея Максимовича Горького.

Я стоял у гроба вместе со старыми производственниками: Тихоном Григорьевичем Третьяковым, Василием Сергеевичем Токаревым и тов. Бухариным.

Коллектив рабочих и служащих паровозного цеха на траурном митинге, посвящённом смерти А.М. Горького, вынес решение: «Ходатайствовать о постройке в Горьком памятника Алексею Максимовичу. Присвоить саду 1-го Мая в Сормове имя Максима Горького»…

ОЧЕНЬ СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА, или ПЯТЬ «МАТЕРЕЙ» СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Горький, эмигрировавший из России после подавления декабрьского восстания 1905 года, пишет роман «Мать». Многие прямо считали его революционным «новым Евангелием», благовествующим о борьбе нового человека с неправдой жизни за всечеловеческое счастье на земле. Здесь впервые появляются богостроительские идеи Горького: «В тесной комнате рождалось чувство духовного родства рабочих всей земли. Это чувство сливало всех в одну душу... Ниловну охватывает радость, что «уже есть в жизни свет для всех людей и – будет время – увидят они его, обнимутся с ним душой! Ведь это как новый Бог родится людям!»

Роман «Мать» сыграл огромную роль в истории русского революционного рабочего движения; он стал настольной книгой и для революционеров всего мира, борющихся за победу над силами капиталистической реакции. Еще до выхода в свет «Мать» была прочитана В. И. Лениным в рукописи. Оценку романа Ленин дал в разговоре с Горьким, встретившись с ним в мае 1907 года в Лондоне, на V съезде партии. Ленин высоко оценил роман именно за то, что писатель в нём художественно раскрыл путь к революции рабочих масс. То, о чём писал Ленин в статье 1902 года «Новые события и старые вопросы», о развитии массового революционного движения рабочих против самодержавного строя, – показал Горький в романе «Мать». Встретив Горького на съезде, он, «потирая одною рукой сократовский лоб, дёргая другою мою руку, – вспоминает Горький, – тотчас же заговорил о недостатках книги... Я сказал, что торопился написать книгу, но не успел объяснить, почему торопился. Ленин, утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга – нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для

себя. Очень своевременная книга. Это был единственный, но крайне ценный для меня его комплимент».

Литературные критики отмечают, что роман этот, имеющий центральной идеей воскресение из мрака человеческой души, наполнен «христианской» символикой: по ходу действия многократно обыгрывается аналогия между революционерами и апостолами первоначального христианства; друзья Павла Власова сливаются в грёзах его матери в образ коллективного Христа, причём сын оказывается в центре; сам Павел ассоциируется с Христом, а Ниловна – с Богоматерью, которая жертвует сыном ради спасения мира. Центральный эпизод романа – первомайская демонстрация в глазах одного из героев превращается «в крестный ход во имя Бога Нового, Бога света и правды, Бога разума и добра». Путь Павла, как известно, кончается как бы «крестной жертвой». Все эти моменты были глубоко продуманы Горьким. Он был уверен, что в приобщении народа к социалистическим идеям очень важен элемент веры. (В статьях 1906 г. «О евреях» и «О Бунде» он прямо писал, что социализм – это «религия масс»).

Напомним, что «Евангелие» в переводе с греческого означает «Благая весть». Роман «Мать» и был задуман и написан Горьким, как «благая весть о социализме».

«МАТЬ»: КИНОВЕРСИИ

Роман А.М. Горького «Мать» был четырежды экранизирован советским кинематографом. Горький написал роман в 1906-1907 годах в Америке. Толчком к этому стало реальное событие – первомайская демонстрация 1902 года на Сормовском заводе под Нижним Новгородом. Прототипом Павла Власова был Пётр Заломов – член рабочего социал-демократического кружка. Он нёс знамя во время демонстрации и был отдан под суд. Прототипом Ниловны стала мать Заломова Анна Кирилловна, вслед за сыном включившаяся в революционную борьбу. Роман был опубликован в 1907 году в США, позже в России – со значительными сокращениями.

Самым непримиримым критиком романа был сам Горький: «Мать» – книга действительно плохая». Горький ссылался на недостаток материала. «Писал по памяти», – будет он оправдываться до конца своих дней. Отсюда недостоверность деталей, некая ходульность персонажей, формульность ситуаций, одни словом – схематизм.

«Мать» М. Ступиной – А. Разумного (1919)

Первая киноверсия была создана Александром Разумным по сценарию М. Ступиной в 1919 году. Этот, один из первых советских фильмов, снимался в трудные годы гражданской войны на производственной базе Москинокомитета. Впервые в отечественном кинематографе была поднята и исследована доселе не существовавшая тема пролетариата.

Работа над созданием фильма осталась незавершённой. Лента долгое время считалась утраченной. Лишь в 1950-е фильм был обнаружен сотрудником Госфильмофонда В.Д. Ханжонковой. Но до широкого зрителя он не дошёл – его затмила картина 1926 года, ставшая мировой киноклассикой.

Роль Ниловны в киноверсии 1919 года исполнила актриса Л. Сычёва, роль Павла – актёр Первой студии МХАТ И. Берсенев. Действие фильма, как и в романе, происходит в обобщённо-абстрактной слободке около обобщённо-абстрактного завода: конкретно-историческая обстановка Нижнего Новгорода 1902 года не обозначена. Но главной неудачей картины критики считали одномерный образ Ниловны. Героиня в фильме Разумного – жалкое, забитое существо и остаётся такой до самого финала. Никакого «распрямления», перерождения человека – того, что в романе было центральным – в фильме не получилось.

Фильм Александра Разумного принято расценивать как агитфильм – это экранизация-иллюстрация. Никаких открытий здесь нет. Открытием стало само появление в нашем кинематографе жителей заводской слободки.

«Мать» Н. Зархи – В. Пудовкина (1926)

К двадцатилетию Первой русской революции киностудия «Межрабпром-Русь» взялась за вторую экранизацию «Матери». В качестве сценариста был приглашён молодой сотрудник студии Н. Зархи. В 1925 году к работе подключился молодой кинорежиссёр В. Пудовкин. В массовых сценах безвозмездно снимались рабочие Твери, Ярославля, Москвы.

«Мать» Веры Барановской.

Конфликт фильма разработан с помощью поэтических обобщений. Это не конкретная история семьи Власовых, это история обобщённых Матери (Вера Барановская), Сына (Николай Баталов), Отца (Александр Чистяков). У героини нет имени – она нигде не называется Ниловной. Она просто Мать. Михаил Ромм отмечал, что «Мать» Зархи – Пудовкина преподала советскому кино много уроков, но главный из них – видение огромного мира через человека. Образ Ниловны вырастает до вселенской Матери Мира, Матери Революции. На протяжении всего фильма Мать показана с верхнего ракурса, что делает её маленькой, жалкой, забитой, а в сцене демонстрации её впервые снимают с нижнего ракурса, что делает её монументальной. Авторы, вопреки повести, привели к гибели не только мать, но и сына. Позднее они жалели, что не сохранили Павла для другого финала, чтобы повести его со знаменем в руках прямо к победе революции в 1917 году. К счастью, в фильме нет этой ходульной формальной развязки. Знаменитая финальная сцена-метафора ледохода и демонстрации, как единого неудержимого движения к свободе, потому и прекрасна и так впечатляет, что увенчана смертью героев.

«Павел» Николая Баталова.

«Мать» Зархи и Пудовкина – уже не иллюстрация, а автоэкранизация, когда авторы фильма выступают в роли новых творцов по отношению к литературному первоисточнику. По проведённому опросу критиков мира в рамках Всемирной выставки в Брюсселе (1958) фильм назван восьмым, а режиссёр В. Пудовкин десятым в числе лучших за историю кино.

Хочется обратить внимание читателей: музыку к фильму написали композиторы Давид Блок и Тихон Хренников.

Третьей киноверсии будет посвящена отдельная глава.

«Мать» («Запрещённые люди») Г. Панфилова (1990)

Обращение Глеба Панфилова к роману Горького – уже четвёртой киноверсии «навязшего в зубах» произведения – на излёте советской эпохи многим казалось творческим самоубийством режиссёра. Но Панфилов настоял на своём. Его картина стала совместным производством Мосфильма и итальянской кинокомпании Чинефин Лтд. Сценаристом стал сам Панфилов. Роль Ниловны писалась для Инны Чуриковой. На роль Павла был приглашён молодой актер Виктор Раков.

Инна Чурикова в роли Матери.

Взявшись за экранизацию «Матери», Панфилов максимально конкретизирует киноповествование: снимает «Мать» в Нижнем Новгороде, где реально происходили описанные Горьким события, вводит ярких представителей мира антагонизма – губернатора (И. Смоктуновского) и офицера жандармерии (С. Маковецкий).

Смелой была и трактовка образа главной героини. Панфилов впервые включил в экранизацию «Матери» тот пласт романа, которого старательно избегали авторы предыдущих фильмов: пласт библейских, христианских ассоциаций. Известно, что Горький задумывал «Мать» как новое Евангелие.

Кружок Власова ассоциируется с первыми христианами, Павел – с Христом, завод – с адом, демонстрация – с крестным ходом, а Ниловна – с Богородицей, примирившейся с жертвой сына и пошедшей за ним. Как Богоматерь, Ниловна несёт миру слово своего сына – речь на суде. Фильму присуща особая притчевая интонация. Это притча о вере, предательстве, любви и жертвенности.

Кадр из фильма Глеба Панфилова «Запрещённые люди». 1990.

9 апреля 1988 года в газете «Красный сормович» была опубликована заметка «В городе снимается кино…», где, в частности, говорилось: «Зимнее утро. Идёт снег. Привокзальная площадь пустынна. Если не считать угрюмого усатого дворника, отгребающего снег от тусклых уличных фонарей. Через площадь, торопясь и оглядываясь, словно боясь быть замеченной, идёт уже немолодая женщина. Одета она в старый залатанный полушубок, зябко кутается в платок, в руке – небольшой узелок. Подъехала богатая коляска. Соскочив с облучка, ямщик помогает какому-то господину подтащить вещи к вокзалу. Женщина, так никем и не замеченная, проскакивает в один из переулков. Но вот раздаётся громкий голос: «Стоп! Всё сначала! Камера… Мотор!»

В городе снимается кино. Каждый, кто бывал на улице Свердлова, наверняка подолгу заглядывался и удивлялся старым автомобилям, разномастным лошадям и непривычным нашему глазу костюмам подданных дореволюционной России – персонажам нового художественного фильма «Запрещённые люди» по мотивам романа А.М. Горького «Мать» (режиссёр Глеб Панфилов).

Целый день толпятся на одной из центральных улиц города господа в цилиндрах, дамы с муфтами, нищие, полицейские, городовые, солдаты, ямщики. Они обыгрывают сцены, из которых рождается картина. Ходят за операторами и режиссёром толпы зевак… «Киношники» скоро уедут из нашего города, съёмки будут продолжаться в других городах…».

В Нижнем Новгороде премьера фильма Г. Панфилова «Запрещённые люди» состоялась весной 1991 года. Вот что писала об этом газета «Красный сормович» 12 апреля 1991 года в публикации «На экране – Сормово»: «19 апреля в кинотеатре «Сормовский» состоится премьера двухсерийного художественного фильма «Мать» (либо таково было первоначальное название фильма, либо сормовский корреспондент не знал, что новая киноверсия имеет второе название «Запрещённые люди» – *прим.автора*), снятого режиссёром Глебом Панфиловым по мотивам произведений Максима Горького. Эта картина в прошлом году на 43-м Международном кинофестивале в Каннах была удостоена приза «За художественный вклад в развитие киноискусства. Фильм снимался в Нижнем, в Сормове, за границей. С 1986 года началась активная работа над картиной, а до этого в Нижнем Панфилов снял «Вассу».

Почему режиссёр взялся за новую постановку «Матери»? «Инакомыслие в рабочей среде начала века, вступившее в открытое противоборство с властью, наводило на размышления об инакомыслящих 70–80-х годов», – так отвечает режиссёр на этот вопрос. Три рабочих паренька в центре картины, три судьбы. Экспроприатором и боевиком становится Сомов, доносчиком и провокатором – Климков, революционером – Власов.

Итак, 19 апреля в гости к сормовичам приедут режиссёр Глеб Панфилов, исполнительница главной роли Инна Чурикова и представители съёмочной группы. На следующий день в общественно-политическом центре состоится презентация – представление этой картины общественности нашего города. Задуман целый праздник… Зрители могут познакомиться с рецензиями на фильм из советской и зарубежной прессы.

Цель этой презентации – максимально ввести зрителя в атмосферу новой киноленты. Часть средств от мероприятия пойдёт Сормовскому детскому дому №1 и частным лицам, нуждающимся

в поддержке. Этот праздник для нижегородцев устраивают спонсоры – Всероссийское акционерное общество «Нижегородская ярмарка», объединение «Завод «Красное Сормово» и городские власти…»

И вот что писал «Красный сормович» уже после премьерного показа фильма в Сормове, 26 апреля 1991 года: «Три года назад… группа режиссёра Глеба Панфилова снимала в нашем городе кинофильм «Мать». И вот после двух показов для очень узкого круга московской публики, …премьера нового фильма состоялась в Нижнем. Но самыми первыми зрителями были всё же сормовичи. Ещё бы! Ведь картина рассказывает о событиях 1902 года на сормовской земле, и многие эпизоды снимались на нашем заводе и в районе.

У кинотеатра «Сормовский» 19 апреля к вечеру – большое скопление людей. Все ждут появления творческой группы Панфилова. И вот Глеб Анатольевич и Инна Михайловна Чурикова дают интервью нижегородскому телевидению прямо на ступеньках кинотеатра… Самодеятельные артисты встречают желанных гостей хлебом-солью… Тут же на ходу – короткий разговор режиссёра с работниками прокатного цеха, которые три года назад принимали съёмочную группу…

Начинается встреча в Большм зале. Несколько слов говорит Панфилов – о том, как полтора года назад они заканчивали съёмки на сормовской земле, каждое утро ехали мимо этого кинотеатра и мечтали о премьере, на которую придут самые доброжелательные зрители, для которых этот фильм сделан…

Было много вопросов, было искреннее желание понять режиссёра в его обращении нынче к классике соцреализма, к Горькому, снять фильм, судьба которого непредсказуема. Инна Михайловна объяснила стремление Панфилова плыть против течения, не изменять принципам в любое время – будь то застой или перестройка – просто устройством души.

Шёл четвёртый час показа, а зал, знавший повесть «Мать», пожалуй, назубок ещё из школьной программы, напряжённо следил за событиями на экране… И мало кто видел, что у входных дверей полутёмного зала стоял режиссёр и вместе с притихшим залом

смотрел картину. Прощался с работой, которая отняла пять лет жизни и шагнула на экраны? Примет ли её зритель, поймёт ли?

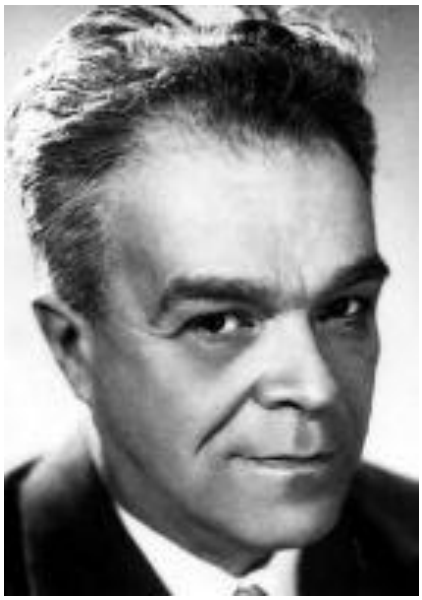
… Панфилов оставил сормовичам свой автограф*: «От всей души признателен сормовичам, принимавшим участие в создании фильма «Мать», и тем, кто помогал нам и поддерживал в этом нелёгком деле».*

…В 2007 году в Индии известный индийский кинематографист Бали Шриранган завершил съемки фильма «Мать» – уже пятой киноверсии романа М. Горького.

САМАЯ СОРМОВСКАЯ «МАТЬ»,
или КАК В 1955 году в СОРМОВЕ СНИМАЛОСЬ КИНО

«Мать» Н. Коварского – М. Донского (1955)

К середине 1950-х Революция превратилась в Миф, довольно далёкий и покрывшийся патиной времени. Его надо было оживить. К тому же экранизация Зархи – Пудовкина была слишком авангардной. Требовалась киноверсия «Матери» в «формах, доступных миллионам».



М.С. Донской

За «переэкранизацию» взялись сценарист Н. Коварский и режиссёр М. Донской, прославившийся трилогией по автобиографическим повестям Горького. На роль Ниловны была приглашена знаменитая актриса Вера Марецкая, на роль Павла – племянник Николая Баталова Алексей Баталов. Фильм снимался на Киевской киностудии. Коварский и Донской очень бережно отнеслись к горьковскому тексту. Их Ниловна – уже не вселенская Мать-Прародительница, у неё глубокие национальные корни. Ниловна постоянно соотносится с природой: то она проходит на фоне широких полей, то стоит на берегу Волги, то сидит на фоне заходящего солнца. Абсолютно точен был и выбор актрисы. Алексей Баталов вспоминал: «Донской приглашает на роль Матери Марецкую – актрису, обладающую теми народными чертами, которые придают её киногероиням земную силу». Кадр в фильме Коварского – Донского материален, переполнен бытом. Фильм начинается как драма бытовая, а заканчивается как драма историко-революционная. Это подчер-

кивает развитие характера Ниловны, её «распрямление», перенесение её интересов из бытового контекста в революционный, переход из пассивной созерцательности в активное жизнестроительство.

Критики объявили «Мать» Коварского – Донского провалом. Как писал А. Баталов, «близость к тексту, желание сохранить возможно больше из того, что есть в книге, подавили собственное дыхание фильма».

Но сормовичам особенно дорога и близка именно эта экранизация: ведь фильм снимался в Сормове, сормовичи участвовали в массовых сценах, и во многих семейных архивах до сего дня хранятся любительские фотоснимки рабочих моментов съёмки фильма «Мать»…

Работа над фильмом началась ещё при жизни Павла Андреевича Заломова – прототипа главного героя горьковского романа.

Впервые о том, что в Сормове и на заводе будут проходить съёмки ряда эпизодов, «Красный сормович» известил своих читателей 17 июня 1955 года.

Вера Марецкая в роли Ниловны.

В заметке «Съёмка в Сормове кинофильма «Мать» сообщалось: «В связи с 50-летием первой русской революции в этом году решено создать цветной художественный кинофильм «Мать» по гениальному произведению Горького. Картина будет заснята в Сормове Киевской киностудией художественных фильмов. Руководители съёмочной группы уже побывали на заводе и в районе, провели некоторую подготовительную работу. На днях сюда прибудет основная группа участников кинофильма. Съёмка продлится более месяца. К участию в фильме, кроме актёров, будет привлечено много сормовичей».

Алексей Баталов в роли Павла Власова.

Вскоре в газете (1955, №121) была помещена беседа с режиссёром А.Ф. Козыревым под названием «Как снимается кинофильм «Мать». Приводим её практически полностью.

«Советскому зрителю хорошо известно имя лауреата Сталинской премии, кинорежиссёра М.С. Донского. Широкой популярностью пользуются созданные им фильмы по трилогии А.М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты».

Хороший знаток творчества нашего великого земляка, Марк Семёнович Донской давно уже вынашивал идею создания художественного полнометражного фильма по произведению А.М. Горького «Мать». В творческом содружестве с Н. Коварским, М.С. Донской создал сценарий будущего фильма, постановка которого поручена Киевской киностудии художественных фильмов.

Рабочие моменты съёмок фильма «Мать» в Сормове. 1955.

Начавшиеся съёмки совпали с исполняющейся в этом году знаменательной датой – 50-летием первой русской революции. Поэтому понятен тот живой интерес, который проявляется к приехавшей в Сормово съёмочной группе.

Режиссёр фильма Александр Фомич Козырь рассказывает: «Готовясь к натурным съёмкам непосредственно на месте описываемых Алексеем Максимовичем событий, мы собрали богатый исторический материал о борьбе сормовских рабочих с царским самодержавием. Найденный архивный материал, фотодокументы во многом облегчили нашу работу. Большую помощь коллективу съёмочной группы оказали и непосредственные участники революционных выступлений в Сормове. Беседы с П.А. Заломовым, скончавшимся совсем недавно (18 марта 1955), и другими революционерами-сормовичами дали нам исчерпывающий материал».

Тов. Козырь рассказал далее, что к участию в съёмках привлечены многие известные всей стране киноактёры. Так, роль Пелагеи Ниловны Власовой исполняет народная артистка СССР Вера Петровна Марецкая; Михаила Власова – народный артист РСФСР Н. Колофидин; Павла Власова – артист МХАТа А. Баталов; Андрея Находки – заслуженный артист РСФСР А.Петров.

В картине снимаются также артисты С. Курилов, Т. Пилецкая. Л. Гриценко, П. Усовниченко и другие.

Трудоёмкую работу проделал художник В. Агранов. Музыку для кинофильма написал композитор Е. Шварц. Снимает кинокартину главный оператор А.А. Мишурин.

Часть павильонных съёмок уже сделана в Киеве. С приездом съёмочной группы в Сормово развернулась широкая подготовка к съёмке наиболее ответственных кадров будущего кинофильма. Здесь предстоит заснять знаменитую первомайскую демонстрацию 1902 года, заводской двор, гулянье на Волге, сормовскую слободку и другие натурные съёмки.

Кадры фильма марка Донского «Мать», снятые в Сормове.

Трудно узнать в современном Сормове прежнюю рабочую слободку с покосившимися домиками, непролазной грязью. Многоэтажные жилые дома, асфальтированные дороги, обилие зелени – всё это так не похоже на картину, описанную Алексеем Максимовичем Горьким в его романе! Вполне естественно, что с этим приходится считаться. Часть кадров будет заснята не в самом Сормове, а в других местах, поиски которых сейчас продолжаются.

Многие старые сормовичи приходят во Дворец культуры имени Сталина, где расположилась база съёмочной группы, чтобы рассказать режиссёру известные им подробности описанных А.М. Горьким событий. Беседы с участниками и очевидцами помогают и сценаристам, и артистам правдивее, полнее представить эпоху революционного подъёма в стране того времени.

В заключение беседы Александр Фомич сказал: «Сормовичи исключительно тепло принимают работников съёмочной группы, оказывают им всяческую помощь. Многие из рабочих пожелали принять участие в массовых съёмках. Наблюдая кипучую производственную жизнь славных сормовских судостроителей, коллектив нашей группы приложит все силы к тому, чтобы правдиво воспроизвести волнующие, незабываемые картины революционной борьбы сормовских рабочих».

Через десять дней, 29 июня 1955 года газета вновь обращается к этой теме: « В воскресенье на территории нашего завода начались съёмки кинофильма «Мать» по одноимённому произведению А.М. Горького… Режиссёр и операторы встретили немало трудностей при выборе места для съёмок. За полвека, прошедшие со времени описываемых событий, наш завод сильно изменился. Постановщикам пришлось отыскивать уголки, которые хоть чем-нибудь бы напоминали старый Сормовский завод.

Навстречу работникам кино пришёл коллектив завода. Многие сормовичи пожелали принять участие в киносъёмках.

Съёмки начались с эпизода, показывающего пробуждение революционного сознания пролетариата. В нём снимаются Ниловна, два городовых и около ста рабочих. Вот одна из сцен фильма.

… Гудит гудок. Обеденный перерыв. С большими корзинами идёт мать. Кричит:

– Щи, лапша горячая!

«Подозрительная личность» смотрит ей вслед. Идёт мать. К ней подходят Гусев и Букин (друзья Павла Власова – революционеры).

Букин спрашивает:

– Пироги есть?

Мать озорно смотрит на них и отвечает:

– Завтра принесу.

Это у них условный пароль, означающий, что сказавшему его можно передать листовки…

На этой неделе намечено провести съёмки на улице Клары Цеткин. Здесь будет заснята жизнь старой сормовской слободки и похороны Михаила Власова. В воскресенье съёмки снова будут производиться на заводе. В сцене бунта рабочих под названием «болотная копейка» примут участие около двух тысяч человек».

***

2 июля 1955 года «Красный сормович» поместил большую публикацию «Как я работаю над ролью Ниловны». Её автор – В. Марецкая (1906-1978), народная артистка СССР, к тому времени – уже четырежды лауреат Сталинской премии (1942, 1946, 1949, 1951).

«Каждый человек, однажды прочитавший «Мать», поймёт мою творческую радость и меру той ответственности, которая лежит на нас, работниках Киевской киностудии, снимающей фильм по этой неповторимо прекрасной исторической повести.

Идея экранизации «Матери» созрела ещё тогда, когда я снималась в фильме «Сельская учительница». Но постановка всё откладывалась, и только в этом году, в ознаменование 50-летия первой русской революции, режиссёр-постановщик Марк Донской смог начать съёмки фильма.

Когда стало известно о моём участии в фильме, я целиком погрузилась в мир горьковской повести, стала перечитывать её страницы, чаще бывать в музее Горького, изучать материалы о сормовской демонстрации, о жизни рабочих того времени. Затем я ознакомилась с «Воспоминаниями» П.А. Заломова, с большой теплотой рассказывающего о своей матери – Анне Кирилловне, послужившей Горькому прообразом Ниловны. Большое впечатление произ-

вела на меня встреча с дочкой Анны Кирилловны – Варварой Андреевной – живой свидетельницей описанных Горьким событий. Я увиделась с ней через несколько дней после похорон П.А. Заломова, скончавшегося этой весной. Разговор с Варварой Андреевной дал мне очень многое. С волнением глядела я на эту пожилую женщину – душевную, скромную, немногословную, старавшуюся незаметно утирать слёзы, набегавшие всякий раз, когда разговор заходил о только что умершем брате. О матери говорила она с бесконечным уважением и любовью, вспоминая её тяжёлую долю. Когда после смерти мужа Анна Кирилловна осталась одна с семью детьми, эта робкая, замученная женщина ценой невероятных трудностей вырастила их. А потом встала на путь революционной борьбы.

Чем больше слушала и запоминала я всё то, что говорила мне Варвара Андреевна о себе, о матери, о жизни семьи Заломовых, чем дольше всматривалась в фотографию Анны Кирилловны, с которой глядела на меня по виду совсем не героическая, маленькая старушка, с на редкость живыми глазами, с лукавинкой, чем глубже проникалась атмосферой событий горьковской повести, – тем отчётливее становилась основная трудность моей задачи. Ведь мне предстоит в очень короткий кусочек времени, вряд ли превышающий 2 часа, показать на экране сложнейший процесс пробуждения, роста и укрепления революционного сознания в русской рабочей женщине, образ которой является большим и глубоким обобщением.

Следовательно, в этой работе исключительно важно последовательно, шаг за шагом раскрыть характер Ниловны. Ведь самым главным в роли является переход от страха к бесстрашию, от начальных слов «вся душа обросла страхом» до финальной сцены на вокзале, когда, кидая революционные листовки людям, она говорит: «Душу воскресшую не убьют!» Вот это воскресение духа нужно передать довольно точно и сильно.

Очень важно не пропустить ни одной подробности, имеющейся в книге Горького, о том, какая она, Ниловна. Поэтому на первой странице сценария я стала выписывать все её приметы, внешние и внутренние, всё, что находила в книге и о чём догадывалась. Ниловне всего лишь 40 лет, а ведь она уже выглядит старой женщиной, сгорбленной от болезней, побоев. Вся она какая-то тихая, за-

битая, кроткая, и ходит она как-то боком, словно боясь задеть за что-то…

Руки рабочие, тяжёлые, с набухшими жилами, а глаза тревожно-грустные. Ведь вся жизнь – в тревожном ожидании побоев… Вот какой начинает Ниловна жизнь в картине, как и в книге.

Первое время работы над ролью Ниловна существовала для меня наравне с прочими персонажами. Но в процессе усвоения образа, углубления характеристики его Ниловна становится мне виднее, чем другие, более знакомой. Постепенно я начинаю думать не столько о ней, сколько её мыслями, и все прочие воспринимаются мною с точки зрения матери. И по-иному я теперь вижу своего любимца Андрюшу Находку, и Сашу, и Николая Ивановича, не говоря уже о Павле – сыне Ниловны.

День ото дня накапливается во мне самочувствие Ниловны. Для меня уже не существует проблема, зачастую волнующая кинорежиссёров: заплачет актриса в нужном кадре, или придётся делать глицериновые слёзы…

Я помню сцену: приходит с работы Павел и, повторяя во всём отца, ругаясь, садится за стол, неумело хлещет водку, а потом с пьяным надрывом поёт. Мать с безмолвной скорбью смотрит на всё это и думает, что вот он и бить её сейчас начнёт, как отец, и всё пойдёт сначала, как было с мужем, только теперь уже с сыном, а затем тихо произносит: «За тебя, сколько надо, отец выпил. И меня он намучил довольно… так уж ты бы пожалел мать-то, а?»

В этот момент мне вдруг до глубины души стало жаль эту загубленную жизнь, что я просто не могла не разрыдаться… И долго текли у меня слёзы, и сердце сжималось, и уже после съёмки, когда ночью приехала к себе в гостиницу, я никак не могла заснуть и проплакала всю ночь. Но в этот раз слёзы меня только обрадовали, потому что они не были актёрскими. Я плакала, как Ниловна, и не могла поступить иначе. Я сознавала, что если уж так берёт за душу всё совершающееся в сценарии, – значит, жизнь Ниловны становится моей жизнью. И тут всякие слёзы – радость для актрисы.

Помню, однажды я неторопливо шла в гриме и костюме, направляясь к съёмочному павильону. Возле меня остановился и как-то необычно посмотрел молодой паренёк. Я удивлённо взглянула на него. А он помялся немного и сказал застенчиво: «Уж очень на

мать похожи!» Меня это очень обрадовало и взволновало. Незатейливая фраза паренька прозвучала, как музыка, она укрепила меня в роли, в ощущении права на неё. И ещё такая была уважительность в интонации молодого человека, когда он произносил слово «мать», что я лишний раз подумала о замечательном смысле этого слова и о той ответственности, которую я несу, раскрывая величие образа Ниловны.

Неповторимую радость испытываю я от общения с Горьким. Радость эта теперь уже иная, чем та, с какой я когда-то впервые прочитала «Мать». То было восприятие читателя, что-то запало мне в душу надолго, что-то ушло… А вот теперь, когда эта книга стала моей жизнью, великое множество того, что я и не могла бы почувствовать раньше, открывается в ней. Прежде всего, это такая страстная любовь к человеку и ко всему светлому и хорошему в нём, такая вера в человека, что, образно говоря, к этой книге припадаешь, как к живительному роднику и освежаешь душу. Долорес Ибаррури назвала «Мать» символом всех пролетарских матерей мира, всех матерей революционеров.

И сейчас, когда снимается этот фильм в юбилейном году первой русской революции, с особой ответственностью мы думаем об огромном, выходящем далеко за пределы нашей Родины идейном звучании образа горьковской матери.

Сейчас закончен значительный этап работы. На территории Киевской студии заснято несколько декораций: квартира Власовых, тюрьма, подпольная типография и ряд других. Теперь наша группа работает над натурными съёмками в городе, носящем имя автора «Матери». Здесь, в Сормове, снимаются места, ставшие историческими после революционных событий, происшедших на старейшем русском заводе в начале XX века. Всех нас волнует пребывание на родине великого писателя, и главное, мы встречаем людей, бывших очевидцами революционного движения в Сормове.

Лично меня волнует сейчас то, что здесь я перешла к наиболее трудной части роли. Ниловна уже не забитая, сломленная страхом женщина, а мать революционера, бесстрашно работающая в революционном подполье. Здесь уже недопустимо никакое «героизирование» образа, всё должно быть просто, буднично. Мать ведёт теперь опаснейшую работу подпольщика, каждые сутки которого –

подвиг. И для всего этого надо найти самые простые средства выразительности. Ведь вот как будто и та же самая Ниловна, а вглядишься – и уже не та: иной облик у неё, и глаза смотрят по-иному. Уже не вечный страх видим в них. А решимость, великую любовь к людям. Вот все эти мысли о роли и составляют существо моих сегодняшних актёрских «мук», бесконечных поисков, огорчений и радостей».

***

На следующий день в «Красном сормовиче» (1955, 3 июля) появилась заметка с говорящим названием «Возрос спрос на книгу А.М. Горького «Мать». Заметка гласила: «Сормовичи проявляют огромный интерес к происходящим на нашем заводе съёмкам кинофильма «Мать». В связи с этим значительно возрос спрос на одноимённое произведение А.М. Горького. Только за последние дни в библиотеке при третьем судомеханическом цехе роман «Мать» взяли более 20 читателей. Среди них заточник первого судомеханического цеха В.А. Брызгалов, электрик прокатного Д.Н. Чернышов, начальник смены электросилового цеха И.Ф. Семагин и другие.

Возвращая книгу в библиотеку, старый производственник Григорий Иванович Юрлов сказал: «Алексей Максимович Горький очень хорошо описал революционные события в Сормове. Читаешь, и как бы вновь становишься их современником, а посмотришь киносъёмки – странным кажется, что на нашем заводе ходят «городовые» и «шпики»: очень уж отвыкли мы от них…

Участвующий в съёмках фильма член эстрадного коллектива Дворца культуры электрик Анатолий Серов читает роман «Мать», чтобы лучше понять обстановку, в которой происходит действие.

Увеличился спрос на книгу также и в других цеховых библиотеках, и в районной библиотеке имени 1 Мая».

Продолжает эстафету хронологии событий газета от 5 июля того же года – заметкой «Идут съёмки фильма «Мать». Автор заметки, Н. Балашов пишет: «Сормовичи проявляют большой интерес к идущим сейчас в нашем районе съёмкам кинофильма «Мать». Впервые наглядно видят они работу режиссёров, операторов, актёров. Сколько нового, интересного можно наблюдать на местах съё-

мок. Разве не странно, например, видеть на улице Клары Цеткин пыльную и грязную дорогу с лужами, ямами и старым колодцем в центре.

А дома? За каких-то несколько дней они стали неузнаваемыми. Железные крыши покрылись заплатками. Уродливые деревянные голубятни «украшают» их. На углу необычное здание с вывеской «Трактир И. Бегунцова». В стороне, за сараем, грязные, оборванные беспризорные ребятишки играют в карты. Возле них на бричке дремлет кучер. Съёмки ещё не начались, и поэтому городовые и солдаты мирно беседуют с арестантами.

Некоторые юные сормовичи, что посмелее, пробиваются к одному из «городовых», о которых они читали в книгах, но никогда не видели в жизни.

– Дядя, ты настоящий городовой?

– Да.

– А почему ты не сердитый и не наводишь порядок здесь?

Городовой и ребятишки весело смеются.

– Смотри, какой чудной! Кто это? – спрашивает один, указывая на худенького старичка с длинными седыми космами вокруг лысины. – На нём странная одежда.

– Да это поп! – отвечает другой.

… Первые же сцены, снимаемые в этот день, показали, что каждый исполнитель неплохо овладел своей ролью. Но режиссёр-постановщик М. Донской многим ещё недоволен. «Товарищ городовой, повторите сцену!.. Товарищ поп, старательнее обходите лужи».

… Вот городовой разгоняет ребят и здоровается с бойкой торговкой Корсуновой, которая с двумя корзинами в руках переходит улицу. В это же время из питейного заведения выталкивают пьяного человека, который, сойдя со ступенек, падает в лужу. Поджидающая его жена, плача и причитая, помогает мужу встать и уводит домой…

Идёт похоронная процессия. Впереди поп с крестом в руках. Он старательно обходит лужи. За ним несут маленький гроб двое мужчин, а сзади плетутся две убогие старушки, старик и босоногая девочка.

Эту картину сменяет эпизод с шарманщиком.

Во всей своей отвратительной наготе встаёт перед нами тяжёлое прошлое. Артисты своей игрой заставляют нас верить в реальность всего происходящего.

Киевская киностудия пригласила участвовать в этих эпизодах артистов Горьковского ТЮЗа и других театров. Так, в роли попа «пробуется» артист Е.В. Беспалов, шарманщика – заслуженный артист М.И. Бурмистров, пьяного – артист Н.М. Тареев; роль его жены исполняет артистка гастролирующего у нас свердловского театра Г.И. Самакаева.

В массовых сценах заняты участники художественной самодеятельности нашего района, рабочие и служащие завода. Среди них хозмастер А. Бритиков, электрик А. Серов, слесарь Н. Смирнов, приёмщица В. Каверина и другие».

8 июля газета вновь держит руку на пульсе продолжающихся в Сормове будней кинематографистов. «Один эпизод» – так называется очередной репортаж со съёмочной площадки: «Около двух часов зрители смотрят на экране кинотеатра полнометражный художественный фильм. Однако немногие задумываются над тем, какая громадная работа проделана коллективом съёмочной группы, артистами, художниками в период создания нового фильма.

Проходящая сейчас в Сормове съёмка кинофильма «Мать» даёт возможность детально проследить не только за техникой работы съёмочной группы, но и представить себе исключительно кропотливый, напряжённый труд режиссёров, операторов и актёров.

Как известно, кинофильм «Мать» будет содержать в себе 2800 метров киноплёнки. Сколько же метров снимается за один рабочий день?

… Мы с вами у старого мартеновского цеха на съёмке одного из эпизодов фильма. В помещении партбюро цеха, временно превращённом в гримировочную и костюмерную, полным ходом идут последние приготовления. Гримёр Я.Л. Гринберг искусно приделывает небольшой шрам на правую бровь Пелагеи Ниловны (артистка В.П. Марецкая). Эта маленькая деталь говорит о стремлении Веры Петровны точно следовать жизненной правде создаваемого ею образа. Рядом, у другого гримёра, несколько актёров-добровольцев – рабочих завода. Среди них И. Чесноков, Д. Молчанов, А. Ушаков, Н. Маслов, И. Курицын.

– Вы куда, товарищи? – спрашивает кто-то.

– За усами, – следует ответ.

Но вот все приготовления закончены. Установлены мощные «юпитеры», налажена звукозапись, режиссёр-постановщик Марк Донской приглашает участников съёмки занять свои места.

Прежде чем снимать сцену, М.С. Донской подробно объясняет актёрам их задачу.

– Городовые ведут арестованного рабочего Самойлова. У вас обеденный перерыв. Вы видите, как взяли вашего товарища и, выражая своё презрение к наёмникам, возмущённо кричите им: «Фараоны!», «Днём берёте!»… Вдумайтесь, товарищи, в эту сцену. Представьте себе, как бы вы себя вели на месте ваших отцов.

Начинается репетиция. Всё идет хорошо. Рабочие так дружно, с таким энтузиазмом и непосредственностью исполняют указания режиссёра-постановщика, что актёры-профессионалы не могут удержаться от одобрения.

Несколько раз проходит репетиция. Нужно ведь учесть всё, казалось бы, самые незначительные детали! Только после этого начинается съёмка. Включаются «юпитеры», пиротехники пускают густой красноватый дым, окутывающий облаком заводской двор. Сигнал!..

– Стоп! Отставить! С начала!

Оказывается, из-за угла цеха высунули головы не в меру любопытные зрители. И попали в поле зрения кинокамеры.

Снова начинается съёмка.

Актёры порядком устали. Объявляется перерыв.

Гримёры поправляют парики актёров, подклеивают оторвавшиеся усы и бороды… У всех приподнятое, возбуждённое настроение.

После небольшого отдыха снова съёмка. С двумя большими корзинами усаживается на углу Вера Петровна Марецкая. Константин Викторович Немаляев, исполняющий роль Исайки Горбова, выбирает место, где он должен остановиться возле Пелагеи Ниловны. И эта сцена репетируется несколько раз.

Рабочий день закончен. Интересно, сколько же метров киноплёнки, которая войдёт в фильм, снято сегодня?

Оказывается, всего – 15!

Съёмки в Сормове продолжаются. Так, шаг за шагом, метр за метром создаётся фильм об одной из славных страниц истории русского пролетариата».

Следующий отчёт о работе киногруппы – заметка «Сцены из прошлого» в газете от 27 июля: «У пышущих жаром мартеновских печей, на территории Сормовского завода, возле макета трактира, в далёкой деревушке Вол-Майдан Арзамасской области – всюду побывала съёмочная группа, создавая кинокартину «Мать» – фильм о славных делах сормовского пролетариата, восставшего против произвола и насилия царского самодержавия.

Где бы ни производилась съёмка, работа дружного коллектива актёров, постановщиков, операторов привлекает к себе многочисленных зрителей. Молодёжь с нескрываемым любопытством рассматривает осанистых городовых, тщедушных чиновников, горластых торговок и прочих персонажей прошлого, знакомых ей лишь по книгам да по рассказам стариков.

К режиссёрам фильма М.С. Донскому и А.Ф. Козырю обращаются многие сормовичи с теми или иными советами. Большинство из них учитывается.

Надо видеть, с каким уважением относятся зрители к Вере Петровне Марецкой, играющей роль Пелагеи Ниловны. Или к молодому артисту А. Баталову, исполняющему роль Павла Власова. По иному встречается появление «подозрительной личности» (эту роль исполняет артист Горьковского театра юного зрителя И. Неганов).

Симпатии зрителей на стороне положительных героев – и это видно уже в процессе создания фильма. Дважды, трижды, четырежды заставляет режиссёр повторять отдельные сцены.

Сейчас проходит съёмка одной из интереснейших сцен будущего фильма под названием «болотная копейка».

… Рабочие, недовольные вычетами, бастуют. Директор завода приказывает возобновить работу. Павел Власов призывает товарищей продолжать забастовку…

Режиссёр-постановщик М.С. Донской сумел придать этой волнующей сцене яркую убедительность, динамичность и глубину показа характеров действующих лиц. Скоро сормовичи увидят

съёмку ещё одной грандиозной массовой сцены – первомайской демонстрации 1902 года в Сормове…»

***

В августе 1955 года «Красный сормович» завершает рассказ о том, как Марк Донской снимал в Сормове свою киноверсию горьковского романа, публикацией трёх отрывков из киносценария.

Итак, ***«Красный сормович», 1955, 17 августа.***

«Приехавшему в эти дни в Сормово может показаться странным, когда на улицах района он увидит немало людей, одетых в старомодные костюмы. Женщины – в длинных до полу юбках, в корсетах, с платками на головах. Мужчины – в сюртуках и поддёвках, в сапогах на высоких каблуках, в картузах. У некоторых по животу протянулась массивная золотая цепь, у других в глазах монокли. То там, то здесь встречаются жандармы, память о которых сохранилась лишь в рассказах стариков да в книжках.

Но сормовичей этот маскарад не удивляет. Они знают, что сейчас в Сормове силами Киевской киностудии идут съёмки цветного художественного фильма «Мать» по одноимённой повести нашего великого земляка А.М. Горького.

(Улыбнёмся некой наивности газетного комментария и читаем дальше).

По просьбе читателей наша газета с разрешения киностудии решила опубликовать несколько отрывков сценария «Мать», созданного М. Донским и Н. Коварским.

Ниже печатается первая часть сценария, рассказывающая о тяжёлой и мрачной жизни дореволюционной рабочей слободки».

М. Донской, Н. Коварский «МАТЬ»

Отрывок из сценария

«На тёмном граните высечена фигура стоящей во весь рост женщины с откинутой головой и распростёртыми руками. Высечена на граните также и надпись:

«МАТЬ»

Тёмный фон. Чуть угадывается даль. На первом плане трепещет широкое пламя факела, оно как будто освещает надпись:

Герой – это тот, кто творит жизнь вопреки смерти.

Мать – всегда против смерти.

Мать – бесстрашная, если дело идёт о жизни, которую она, мать, творит и охраняет.

М. Горький.

Из затемнения появляется текст:

Начало века – год тысяча девятисотый.

На весь экран из земли кланяются полевые цветы. Земля после дождя. Даль бесконечная. Восходит солнце.

Другой пейзаж. Он снят через фабричные трубы. И солнце, которое выглядело таким прекрасным, мы видим сейчас как бы в тумане. Далеко-далеко песня. Крупным планом – ревёт фабричный гудок.

Из маленьких серых домов торопливо выбегают люди и бредут по улице посёлка. На первом плане идут Власов, Павел, Весовщиков, Находка, отец и сын Сизовы, Рыбин и Самойлов.

Багровое солнце освещает грязную дорогу. Ноги идущих людей. Чмокает грязь под ногами.

Угрюмо и строго маячат высокие чёрные трубы. За ними, где-то далеко, видны идущие люди. Мрачное солнце просвечивает через дым и копоть. Масса людей, напирая друг на друга, вливается в ворота фабрики, как в ненасытную пасть. Им навстречу – другой поток людей.

Экран затемняется, и над рекой восходит солнце.

Посёлок. Сюда солнце проникает через пыль, которая поднята ветром. На первом плане вывеска – «Трактир И. Бегунцова». Оттуда выволакивают пьяного человека, который прямо со ступенек рушится в лужу. Поджидающая его женщина, плача и причитая, помогает ему встать. Ведёт домой. С тяжёлыми корзинами спешит торговка Корсунова. Проходит городовой. Цыкнул на играющих ребят, которые испуганно разбежались. Идёт похоронная процессия. Двое на полотенцах несут детский гробик. Впереди худенький поп старательно обходит лужи. Откуда-то слышны крики ссорящихся людей. Проходит шарманщик с шарманкой за спиной.

Голос от автора:

«Жизнь всегда была такова. Ровно и медленно текли куда-то мутным потоком годы и годы. И вся жизнь была связана крепкими давними привычками думать и делать одно и то же изо дня в день».

Заходит солнце. Поздний вечер. Из ворот фабрики, спеша и толкаясь, выбегают люди. В ямы сыплется зола из заводских печей.

Аппарат уходит по рельсам вдоль пути, по которому идут люди. Идёт старик Власов, идёт Павел, за ними бежит мохнатая собака. Молчит старик. Молчит его сын. Даже собака ни разу не залаяла. Так доходят они до своего домика.

Голос от автора:

«Так жила и семья Власовых!»

Входят в дом. Старик останавливается у порога и молча смотрит на жену.

Робко, прижав руки к груди, со скамьи встаёт мать. Власов входит, ударив кулаком по столу, кричит:

– Ужинать!

Мать торопливо начинает собирать на стол. Затем выходит на кухню.

Павел умывается. Он смотрит на отца.

Старик Власов, насупившись, сидит у стола. Собака укладывается у ног хозяина. Поворачивает голову.

Входит мать, неся миску щей и хлеб. Ставит на стол. Власов смотрит на мать острым, сверлящим взглядом. Она, делая вид, что не замечает его взгляда, дрожащими руками нарезает хлеб.

Павел надел чистую рубаху. Следит за отцом. Тот, ударив мать в спину, кричит:

– Ну!

Он хочет ещё раз ударить её, но Павел вдруг становится между ним и матерью:

– Не тронь!

Власов от удивления встаёт:

– Чего-о-о?

И начинает двигаться на тонкую фигуру сына.

И тот, не сходя с места, твёрдо говорит: – Будет! – и протягивает руку к лежащему на подоконнике молотку.

Мать в ужасе всплеснула руками. Власов, со злой усмешкой, удивлённо бормочет:

– О-г-о! Эх, ты, щенок!

Потом, тяжело вздохнув, добавляет: – Ладно! – и садится к столу.

Мать выталкивает Павла за дверь. Потом подходит быстро к шкафу, вынимает бутылку водки, ставит поспешно на стол. Отходит.

Власов наливает в стакан водку, залпом выпивает. Хлебает щи.

Мать сидит в углу, смотрит на мужа.

Власов кормит собаку. Пьяно посмотрел вокруг и затянул песню. Эта заунывная песня напоминает вой волков, но в ней большое горе человека.

Молча наблюдает мать. Затем говорит:

– Угомонись, отец!

Власов встаёт, упирается в стену, кричит:

– Цыц!

И снова начинает петь.

Молча наблюдает мать.

Власов резким движением сбросил со стола посуду и заплакал. Потом схватился за грудь. Зашатался и рухнул к ногам матери.

Лицо матери рванулось вверх и застыло, она раскрыла рот, но крикнуть не смогла. Гудок.

Гудок зовёт на работу. Едут дроги с гробом. Идут мать, Павел, Николай Весовщиков. Подручный старика Власова, за ним мохнатая собака. Немногочисленные прохожие, увидев гроб, останавливаются и крестятся.

Одинокие дроги движутся вперёд.

Экран затемняется, возникает кладбище. На первом плане свежая могила и деревянный крест. На могиле мохнатая собака. Бесконечная даль реки уходит за горизонт. Знакомая волжская песня звучит торжественно и величаво.

И новая картина: медленно возникает осенний пейзаж, вместе с далёкой песней. Дождь.

Земля кажется слившейся с небом. Идёт снег. Мощно звучит песня.

Другой пейзаж. Он снят через фабричные трубы. Дымный масляный воздух над рабочей слободкой. Ревёт фабричный гудок.

И послушные зову, из маленьких серых домов выбегают люди, не успевшие освежить сном свои мускулы. В холодном сумраке бредут люди по улицам посёлка, направляясь к каменным клеткам фабрики. Тускло горят фонари. Идёт снег. Ветер.

Дорога. Ноги идущих по снегу людей. Люди, напирая друг на друга, вливаются в ворота фабрики, как в ненасытную пасть. Навстречу им другой поток людей.

И снова посёлок. На первом плане ветер треплет висящее на верёвке нищенское бельё. Где-то уныло наигрывает шарманка. Проехали дрожки, обрызгав играющих детей. Конвой провёл арестованных. Проходит «подозрительная личность». Какой-то пьяный человек остановился и дико закричал:

– Ура-а-а!

Возникает река. Поздний вечер. Из ворот фабрики, спеша и толкаясь, выбегают люди. Навстречу им другой поток людей.

Аппарат уходит по рельсам вдоль пути, по которому они идут.

Молча идёт Павел Власов. Он доходит до своего домика. Входит в дом. Останавливается на пороге. (Все мизансцены повторяют начало картины).

Робко прижав руки к груди, со скамьи поднимается мать. Она печально смотрит на Павла. Так же, как отец, Павел подходит к столу, резко приказывает:

– Ужинать!

Мать молча ставит на стол миску с едой, хлеб. Павел садится к столу. Ждёт, а потом сердито, как отец:

– Ну!

Тяжело вздохнув, мать ставит бутылку водки. Отходит. Павел наливает водку в стакан.

Мать сидит в углу. Молча смотрит.

Павел выпивает ещё. К нему подходит мать и тихо говорит:

– Не надо бы этого тебе!

Павла смущает эта укоризна матери, но, упрямясь, он отвечает:

– И курить буду!

– Дурачок ты!

Павел смотрит на мать и непослушным языком кричит:

– Мамаша!

Мать тихо:

– Каким кормильцем ты будешь мне, если пить начнёшь?!

Павел, закрыв глаза, отвечает:

– Все пьют!

И, уткнувшись головой в стол, запел песню. Это песня, которую пел его отец. Он долго и пьяно с надрывом поёт.

Слушает мать, печально глядя на пьяного сына.

Он поёт всё громче и печальнее. Затем оборачивается к матери. Из глаз текут слёзы.

Павел вдруг перестаёт петь. Потрясённый скорбью матери, он поднимается и шатаясь идёт к ней. Она ждёт его. Он подходит, смотрит на плачущую мать и как бы оправдываясь, бормочет:

– Все пьют!

Мать тихо отвечает:

– Не надо, Пашенька, не надо… Ты бы пожалел мать-то, а?

И потрясённый этим скорбным голосом, Павел вдруг начинает рыдать, обняв мать.

– Не плачь… Мать… Не плачь... Не буду… Прости!

Мать обнимает сына, притягивает его голову к себе на грудь. Гладит рукой его потные спутанные волосы и ласково говорит:

– Не надо, Пашенька, не надо… Пашенька, Паша…

Павел, прижавшись к груди матери, пьяно просит:

– Прости, мама.

Затем, соскользнув к её ногам, плача кричит:

– Ой, прости!

«Красный сормович», 1955, 20 августа.

«Съёмки фильма «Мать», ведущиеся на нашем заводе и в районе Киевской киностудией, привлекают всеобщее внимание сормовичей. Они с интересом наблюдают за репетициями, игрой артистов, за работой режиссёра и оператора. Особый интерес вызвала съёмка эпизода под названием «болотная копейка». Он хорошо известен читателям по повести «Мать» А.М. Горького, а многие ветераны Сормовского завода были участниками этого массового выступления против произвола местных властей. И неслучайно на площади мартеновского цеха, где инсценировалась для съёмки

встреча рабочих с хозяином завода, в обеденный перерыв собрались сотни рабочих и служащих.

Ниже печатается отрывок из киносценария «Мать», повествующий о случае с «болотной копейкой», о том, как рабочие завода выступили в защиту своих прав».

М. Донской, Н. Коварский «МАТЬ»

Отрывок из сценария

«За стеной из комнаты резкий голос Весовщикова:

– Мне не то надо знать – как люди жили, а как надо жить! Я хочу знать, кто всех виноватей!

Его перебивает мягкий голос Находки:

– Виноват, видишь ли, тот, кто первый сказал – это моё! Человек этот помер несколько тысяч лет назад, и на него сердиться не стоит!

Весовщиков даже встаёт от волнения:

– А богатые? А те, которые за них стоят? Нет, виноватый должен быть… Когда драться будем? Скорее надо! Учиться? На это терпения у меня не хватит!

Он неожиданно обрывает и садится.

Павел спокойно:

– Разве мы хотим быть только сытыми?

И сам себе отвечает:

– Нет, мы должны показать тем, кто сидит на нашей шее, что мы не только есть хотим – мы хотим жить, как достойно людей! И рабочим мы должны рассказать всю правду, показать, что мы всё видим…

Резкий заводской гудок. Экран затемняется, и слышен голос Рыбина:

– Не у всех замазаны глаза, иные сами их закрывают!

Вместе с Рыбиным идут заводские старики – Махотин, Вялов и другие. Рыбин взволнованно продолжает:

– Дорога нам не копейка наша – она не круглее других, она тяжелее! В ней крови человеческой больше, чем в директорском рубле! Вот!

Махотин, сверкая узкими глазами, говорит:

– Три года назад они на баню с нас вычитали. Три тысячи восемьсот собрали!

А бани нет! Жу-у-ульё!

Старик Сизов резко стучит в дверь домика Власовых. Павел открывает дверь. За Павлом испуганное лицо матери. Сизов торопливо:

– Ты чего дома?! Вся фабрика поднялась. Директор, видишь, распорядился вычитать у нас копейку с рубля… болото сушить вокруг фабрики! Объясни ты нам, ты тут книги читаешь, есть такой закон, чтобы директору нашей копейкой с комарами воевать?

Павел прыгает с крыльца, быстро идёт вперёд. За ним Сизов. Накинув платок, мать торопливо выходит.

Идут Павел и Сизов. Мать нагоняет сына, поравнявшись с ним, тихо говорит:

– Вот, Паша, и старики стали к тебе за умом ходить!..

Звучит гудок. Из всех цехов сбегаются люди на большой заводской двор. На груде железа стоят Махотин, Рыбин и ещё человек пять пожилых рабочих.

Рыбин спокойно говорит:

– Не за копейку надо стоять, а за справедливость!

– Верно, Рыбин, правильно, кочегар!

Кто-то кричит:

– Власов идёт!

Другой голос:

– Давай его сюда!

Толпа расступается, давая дорогу Павлу. Павел влезает на груду железа. Рядом Находка, Рыбин, Махотин, Сизов.

Мать бежит по двору, проталкивается через толпу, останавливается в первом ряду перед грудой железа и, увидев Павла, тихо охает.

Павел смотрит на толпу. Он бледен. Губы дрожат. С трудом произносит первое слово:

– Товарищи!

Толпа затихает.

– Товарищи! Мы те люди, которые строят церкви и фабрики, куют цепи и деньги. Мы та живая сила, которая кормит и забавляет всех от пелёнок до гроба!

Голос Павла крепнет с каждым словом.

– Мы всегда и везде первые в работе и на последнем месте в жизни. Кто заботится о нас? Кто считает нас людьми? – Никто!

– Никто! – точно эхо, отзывается мать.

– Пора понять, товарищи, что никто, кроме нас самих не поможет нам! Один за всех, все за одного – вот наш закон, если мы хотим одолеть врага!

Кто-то грубо кричит:

– Говори о деле!

Сизов резко:

– Дело говорит, ребята!

Кто-то толкает мать в плечо и удивлённо замечает:

– Социалист, а не дурак!

Павел спокойно:

– Надо вызвать директора!

Вдруг раздаётся негромкое восклицание:

– Сам идёт!

Толпа расступается, давая дорогу высокому человеку с острой бородкой и длинным лицом. Это директор. Отстраняя рабочих со своей дороги коротким жестом руки, он тихо, брезгливо говорит:

– Позвольте!

Он идёт, испытующе глядя на людей. Перед ним снимают шапки, кланяются. Он идёт, не отвечая на поклоны. Он проходит мимо матери, скользнув по её лицу строгим взглядом, и останавливается около груды железа. Кто-то протягивает руку, чтобы помочь, но он сильным движением тела влезает наверх. Затем поворачивается к людям. Толпа затихает.

Директор тихо спрашивает:

– Это что за сборище? Почему бросили работу?!

Тишина. Головы людей покачиваются, точно колосья.

Исайка стоит около директора и, словно переводчик, громко кричит:

– Господин директор говорит – это что за сборище, почему бросили работу?

Директор тихо продолжает:

– Я спрашиваю?

Исайка громко в толпу:

– Я спрашиваю?.. Господин директор спрашивает!

Павел становится рядом и объясняет:

– Мы уполномочены товарищами потребовать, чтобы вы отменили своё распоряжение о вычете копейки!

Не глядя на Павла, директор спрашивает:

– Почему?

Павел громко отвечает:

– Мы не считаем справедливым такой налог на нас!

Директор смотрит на Павла:

– Ну-те-с! И что же?!

Павел настойчиво:

– Вот если фабрика осушит болото за свой счёт…

Директор сухо обрывает:

– Фабрика не занимается филантропией. Я приказываю всем немедленно стать на работу!

Он начинает спускаться вниз, осторожно ощупывая ногой железо и не глядя ни на кого. Из толпы вдруг раздаётся далёкий голос Феди Сизова:

– Работай сам!

Директор останавливается и резко спрашивает:

– Что-о-о?

Исайка громко в толпу:

– Что-о-о?

Толпа молчит.

Директор внятно и строго говорит:

– Если через 15 минут вы не начнёте работать, я прикажу записать всем штраф!

Директор двинулся вперёд. Он идёт через толпу, перед ним расступаются. Люди кричат Павлу:

– Эй, законник, что делать теперь?

– Говорил ты, говорил, а он пришёл и всё стёр!

Тревожно смотрит мать. Слышны голоса:

– Ну-ка, Власов, как быть?!

Молча стоят Павел и старики. Толпа гудит. Павел вдруг резко и настойчиво кричит:

– Я предлагаю, товарищи, бросить работу до поры, пока он не откажется от копейки…

Толпа гудит:

– Нашёл дураков!

– Стачка?

– Из-за копейки-то?

– А что?!

– А что? Ну и стачка!

– Всех за это в шею!

– А кто работать будет?

– Иуды!

Мать с тревогой смотрит на Павла. Вдруг резко и призывно ревёт гудок.

И люди, привычные к его зову, нерешительно и стыдливо расходятся.

Затемнение, и мы видим, как Павел сидит за столом, положив голову на руки. Находка стоит у окна и что-то грустно насвистывает. Мать осторожно подходит к Павлу:

– Ты что, Паша, а?

Павел поднимает на неё глаза и тихо говорит:

– Молод, слабосилен я – вот что! Не поверили мне, не пошли за моей правдой – значит, не умел я сказать её!

Мать, глядя в сумрачное лицо его, тихонько успокаивает:

– Ты погоди, сегодня не поняли, завтра поймут! Должны понять! Ведь вот, даже я вижу твою правду!

Павел встаёт, подходит совсем близко к матери и тихо говорит:

– Ты, мать, хороший человек.

Павел отворачивается.

Мать вздрагивает, положив руки к груди.

Павел тихо:

– Нас, наверное, сегодня возьмут!

Мать так же тихо:

– Понимаю.

– Боишься?

– Так боюсь, так боюсь!

Павел объясняет:

– Если ты покажешь им, что испугалась, они подумают – значит, в этом доме что-то есть.

Мать, посмотрев на него, обещает:

– Я, Паша, скреплюсь!

Тогда Павел, подойдя ближе, говорит:

– Ты сообщи об этом в город…

Он делает паузу и совсем тихо, ласково добавляет:

– И Саше кланяйся!

Мать понимающе смотрит на Павла, затем, прижав руки к груди, охваченная волнением, почти шёпотом отвечает:

– Понимаю.

Она встаёт, стараясь скрыть слёзы, идёт на кухню. Находка, посмотрев на Павла, неожиданно спрашивает:

– Тебе Саша нравится?

– Нравится.

– А она это замечает, как ты думаешь?

– Да!

Мать на кухне прислушивается. Доносятся слова:

– Ты сказал ей об этом?

– Зачем?

Находка, осторожно посмотрев на Павла:

– Да я, видишь, полагаю, если любишь девушку, то надо же ей сказать об этом. Иначе не будет никакого толка.

Павел громко захлопывает книгу:

– А какого толка ты ждёшь?

Молчание.

Мать прислушивается. Доносятся слова Павла:

– Надо, Андрей, ясно представлять себе, чего хочешь. Положим, она любит – я этого не думаю, но, положим, так…

Павел продолжает:

– Мы женимся, родятся дети. Жизнь станет жизнью из-за куска хлеба. Для дела – нас больше нет. Обоих нет!

Мать молча слушает. Слёзы медленно текут из глаз.

Голос Находки:

– Так будешь молчать?

Павел тихо отвечает:

– Это честнее!

Находка грустно:

– Трудно тебе будет, Паша.

– Мне уже трудно…

Мать, зажмурив глаза, тихо шепчет:

– Милый ты мой…

Вбегает Весовщиков и громким шёпотом сообщает:

– Идут!

Мать вздрагивает, хватается рукой за сердце. За дверями раздаются чьи-то голоса, затем в дверь входит высокая серая фигура. За нею двое жандармов и понятые: Рыбин и Корсунова. Весовщиков, Находка и Власов выходят им навстречу. Высокий тонкий офицер, насмешливо оглядев всех, спрашивает:

– Не те, кого ждали, а?

Слободской полицейский, приложив руку к фуражке, другою показывая на мать, докладывает:

– Вот это мать его, ваше благородие. А это – он самый!

Офицер делает резкий и быстрый жест рукой:

– Обыскать!

И полицейские, как тараканы, разбегаются по всем углам.

Затемнение. Комната Павла после обыска. Всё разворочено, перевёрнуто, перерыто. Разбросаны книги. Раскрыты сундуки. За окном уже светает. Мать сидит одна. Вдруг, закрыв глаза, тихо заплакала.

Гудок зовёт людей на работу. Взошло солнце. Начинается день, как в первом кадре.

Экран затемняется. И снова гудок. Уже вечер. Мать сидит, не зажигая огня, и ждёт кого-то, но никто не является. Вздыхает и шаркает по стене холодный дождь, в трубе гудит, с крыши капает вода. И унылый звук её падения странно сливается со стуком часов. В окно тихо стучат: раз и два. Мать вздрогнула. Бросив на плечи шаль, она открывает дверь. Входит Сашенька, за ней Николай Иванович.

– Сашенька! – обрадовано кричит мать.

Обнимаются.

Сашенька говорит:

– Николай Иванович, это мать Павла Власова!

Николай Иванович подходит к матери, заглядывает в глаза, подаёт руку:

– Вы насчёт Павла не беспокойтесь, не грустите, вернётся из тюрьмы, ещё лучше будет! Там отдыхаешь и учишься, а на воле у нашего брата для этого времени нет.

Мать благодарно смотрит на него. Мягкий и глуховатый голос его успокаивает её. Она зажигает лампу, накрывает стол скатертью. В комнате сразу становится веселее.

Сашенька быстро расстёгивает пальто, отряхивается, и с неё, точно листья с дерева, сыплются на пол, шелестя, пачки бумаг. Мать подбирает их с полу. Николай Иванович говорит матери серьёзно и спокойно:

– Понимаете, товарищ Власова, если мы теперь перестанем доставлять на фабрику наши книжечки, – жандармы уцепятся за это грустное явление и обратят против Павла.

Мать тревожно:

– Как же это?!

Николай Иванович:

– А очень просто! Был Павел – были книжечки и бумажки, нет Павла – нет ни книжек, ни бумажек! Значит, это он сеял книжечки, ага-а?!

Мать говорит тоскливо:

– Я понимаю… Ах, господи, как же теперь?

Сашенька:

– Всех почти нашли!

Николай Иванович:

– Работать некому!

Мать тревожно спрашивает:

– Ну так как же?!

Сашенька:

– Вы, Пелагея Ниловна, знакомы с торговкой Корсуновой. Поговорите с ней. Не пронесёт ли она?

Мать, махнув рукой:

– Ой, нет! Баба она болтливая, нет, нет!

И вдруг, осенённая внезапной мыслью, она тихо говорит:

– Вы мне дайте, дайте мне! Уж я устрою… устрою!

И прижав руки к груди, она торжественно восклицает:

– Они увидят – Павла нет, а рука его даже из острога достигает, они увидят!»

«Красный сормович», 1955, 24 августа.

Несколько дней назад Киевская киностудия, ведущая в Сормове съёмки фильма «Мать», закончила работу над массовой сценой первомайской демонстрации 1902 года. В ней приняли участие народная артистка СССР В.П. Марецкая (Пелагея Ниловна), артисты А. Баталов (Павел), А. Петров (Находка), Л. Брянцев и Н. Поленов (братья Гусевы), а также более тысячи сормовичей.

Об этой сцене рассказывает публикуемый отрывок киносценария.

М. Донской, Н. Коварский. «МАТЬ»

Отрывок из сценария

«Комната Павла. Павел стоит у стола. Раздаётся чей-то тихий голос:

– Вы понесёте знамя?

Аппарат отъезжает и открывает всю комнату. И Сашеньку, стоящую рядом с Павлом. Павел смотрит на неё:

– Я!

– Это решено?

– Это – моё право!

На кухне мать тревожно прислушивается к разговору.

Слышен голос Сашеньки:

– Снова тюрьма?

Мать вздрагивает.

Сашенька печально стоит у окна. Она смотрит вдаль и спрашивает:

– Вы не могли бы…

Павел перебивает:

– Что?

– Уступить другому…

Павел громко отвечает:

– Нет!

Мать тревожно прислушивается. Слышен голос Сашеньки:

– Послушайте, вы такой влиятельный, вас любят.

Сашенька, глядя на Павла, продолжает:

– Вы и Находка – первые здесь! Сколько можете вы сделать на свободе, подумайте! А ведь за это вас сошлют далеко, надолго…

Павел смотрит на Сашеньку. Тишина. Потом вдруг быстро и как-то особенно строго:

– Нет, я решил! От этого я не откажусь, ни за что!

– Даже если я буду просить?..

– Вы не должны так говорить… Что вы? Вы не должны.

Она так же тихо:

– Я человек!

И как-то особенно, точно задыхаясь, Павел отвечает:

– Хороший человек, дорогой мне человек!

Сашенька, чуть улыбаясь, поднимает глаза на Павла. Она ждёт, Павел с болью отвечает тихо:

– Прощай!

Они стоят друг против друга. Потом Сашенька уходит. Мать испуганно слушает. Стук захлопнутой двери. Тишина.

Мать входит в комнату и, опустив голову, спрашивает:

– Паша, что ты хочешь делать?

Павел, посмотрев на мать, отвечает ласково:

– Я понесу знамя наше, пойду с ним впереди всех.

В комнату входит Находка и останавливается в дверях, поняв по лицам Павла и матери, что между ними идёт какой-то серьёзный разговор.

Павел, взяв руку матери, гладит:

– Это нужно, пойми!

Она встречается с упрямым блеском глаз Павла и снова сгибает шею.

Тогда он выпускает её руку и вздыхает:

– Не горевать тебе, а радоваться надо бы! Когда будут матери, которые и на смерть пошлют своих детей с радостью?

Находка, посмотрев на Павла, ворчит:

– Гоп, гоп, поскакал наш поп, подоткнув кафтан!

Мать осторожно:

– Разве я говорю что-нибудь?... Я тебе не мешаю… А если жалко мне тебя – это уже материнское…

Павел отступает от неё и жёстко говорит:

– Есть любовь, которая мешает человеку жить!

Мать вздрагивает, быстро говорит:

– Не надо, Паша! Я понимаю, иначе тебе нельзя…

Находка, облокотившись о косяк двери, угрюмо ворчит:

– Вы бы перестали балакать, господин!

Мать хочет заплакать и, чтобы скрыть слёзы, бормочет:

– Ах, батюшки, забыла я…

Она выходит в кухню и, уткнувшись головой в угол, молча плачет. До неё доносится разговор Находки и Павла.

– Ты что же любуешься собой, мучая её? Ты зачем это сказал? Понимаешь?

Павел резко отвечает:

– Нужно всегда твёрдо говорить – и да, и нет!

– Это ей?!

– Всем! Не хочу ни любви, ни дружбы, которая цепляется за ноги, удерживает…

– Герой! Утри нос! Пойди скажи всё это Сашеньке. Это ей надо было сказать.

– Я сказал.

– Так? Врёшь! Ей ты говорил ласково, ей говорил нежно. Я не слыхал, а знаю.

Мать слушает тревожно. Слышен голос Находки:

– А перед матерью распустил героизм!

Мать вытирает слёзы и, боясь, что Находка обидит Павла, входит в комнату и громко говорит:

– У-у, холодно! А весна…

Бесцельно перекладывая с места на место разные вещи, она продолжает:

– Всё переменилось – люди стали горячие, погода холодная.

И снова входит в кухню.

Находка в комнате тихо говорит смущённому Павлу:

– Слышал? Это надо понять, чёрт!

Он показывает на сердце:

– Тут богаче, чем у тебя!

В кухню медленно входит Павел. Он смотрит исподлобья. С виноватой улыбкой:

– Прости меня, мать! Я ещё мальчишка, дурак…

Она прижимает его к груди и тоскливо говорит:

– Господь с тобой! Твоя жизнь – твоё дело! Но разве может мать не жалеть? Всех жалко мне! Все вы – родные, все достойные!

Она смотрит в лицо Павла, а Павел смущенно отвечает:

– Этого я не забуду, честное слово!

Мать отстраняет его от себя и зовёт Находку:

– Андрюша!

И когда Находка входит в кухню, ласково просит:

– Вы не кричите на него! Вы, конечно, старше…

Находка, наклонив голову, точно бык, стиснув руки за спиной и не глядя на неё, проходит в угол:

– Я его ещё бить буду! Уйди, Павел, чтобы я тебе голову не откусил! Это я шучу, ненько, вы не верьте! Я мягкий, как пареная репа… и я… Эй ты, герой! Я его люблю…

Усевшись на пол, он начинает раздувать самовар, продолжая ворчать:

– Угли же у вас… сырые… Ко всем чертям их!

Павел подходит к Находке, берёт его за руку. Мать грустно говорит:

– Что стесняетесь? Поцеловались бы, обнялись бы крепко, крепко!

Павел спрашивает:

– Хочешь?

Находка: – Можно!

Они крепко обнимаются и замирают. Два тела, одна душа, горящие чувством дружбы.

Улыбаясь, мать утирает слёзы:

– Любит баба плакать! С горя плачет, с радости плачет… Какие вы? Все вам товарищи – армяне, евреи, австрияки… За всех печаль и радость!

Находка, мягко оттолкнув Павла, говорит:

– За всех, моя ненько, за всех! Так и должно быть! Потому что растёт новое сердце, ненько моя милая, – новое сердце в жизни растёт. Идёт человек, освещает жизнь огнём разума и кричит, зовёт: «Эй, вы! Люди всех стран, соединяйтесь в одну семью!»

Затемнение. И голос Находки звучит уже на площади, где вокруг церковной ограды густо стоит и сидит народ. Толпа слушает

Находку. Здесь Павел, мать, Весовщиков, Федя Сизов, Самойлов. Громко звучит голос Находки:

– Когда окинешь добрыми глазами землю, когда увидишь, как нас, рабочих, много, сколько силы мы несём, – такая радость обнимает сердце, такой весёлый праздник в груди!

Находка продолжает:

– И так же чувствует француз и англичанин, когда они взглянут на жизнь, и так же радуется итальянец!

К рабочему пристаёт жена. Дрожащим голосом просит:

– Митенька, пожалей себя… уходи!

Он резко отвечает:

– Отстань!

Находка продолжает:

– Люди разно одеваются и разно говорят, а поглядите, как богатые французы, англичане обращаются с рабочим народом, так и увидите, что все они для рабочего те же башибузуки, кость им в горло!

В толпе смеются.

На площади всё прибавляется людей.

Стоят пожилые рабочие. Старик Сизов рядом с матерью.

Резко и сильно говорит Павел:

– Товарищи!

Мать и Находка поворачиваются.

Поворачиваются люди.

Павел громко говорит:

– Товарищи, мы решили открыто заявить, кто мы! Мы поднимем сегодня наше знамя. Знамя разума, правды и свободы.

На крыше мальчишки открывают голубятню, выпуская голубей. Они разлетаются в разные стороны, и вслед за ними взметнулось птицей широкое полотно знамени рабочего класса.

Павел поднимает руку кверху – древко покачнулось. Тогда десяток рук подхватывает его. Мать вместе с другими поддерживает древко. Павел сильно восклицает:

– Да здравствует социал-демократическая рабочая партия, наша партия, товарищи, наша духовная родина!

И Весовщиков подхватывает:

– Да здравствуют рабочие люди всех стран!

И тысячеустое эхо отвечает им.

Павел, махнув знаменем, двигается вперёд.

Федя Сизов звонко запевает:

Отречёмся от старого мира,

Отряхнём его прах с наших ног!

Мать идёт рядом со стариком Сизовым.

Женщина и муж её – рабочий – идут в толпе рядом с матерью. Испуганно-радостное лицо женщины. Всхлипывая, она уговаривает мужа:

– Митя, куда? Не ходи, Митя!

Мать, не останавливаясь, отвечает:

– Пусть идёт, вы не беспокойтесь! Я тоже очень боялась, мой впереди всех. Который несёт знамя – это мой сын!

Сизов снимает шапку и машет ею в такт песни:

– Открыто пошли, мать, а! Ничего не боятся!

В конце площади, закрывая выход, стоят плотным строем солдаты. За спиной блестят штыки винтовок.

Идёт толпа. Дрогнула. Остановилась в нерешительности. Только Павел и его друзья продолжают идти вперёд.

Толпа молчит. Поют только идущие впереди.

Генерал подаёт знак.

Офицер командует:

– На руку!

Солдаты выполняют команду. Слышна команда офицера:

– Ша-го-м ма-рш!

Тревожно смотрит мать.

Павел и небольшая группа идут со знаменем вперёд.

Идут навстречу солдаты.

Находка, вдруг шагнув вперёд, загораживает Павла своим длинным телом.

Павел резко кричит:

– Иди рядом, товарищ! Впереди – знамя!

Находка, сложив руки за спину, поднимает голову вверх и идёт за Павлом.

Навстречу друг другу идут солдаты и Павел с товарищами.

Генерал ровным голосом приказывает:

– Возьмите у него, поручик, это!..

Он показывает на знамя.

К Павлу подскакивает молодой офицер и кричит:

– Брось!

Он протягивает руку. Павел толкает его:

– Прочь руки!

Офицер отскакивает, садится на землю. Весовщиков с поднятым кулаком бросается вперёд.

Генерал спокойно:

– Взять их!

Солдаты бросаются вперёд.

Двигается рысью конница.

С другой стороны другая группа конницы.

Толпа начинает разбегаться. Солдаты бросаются на Павла. Прикладом выбивают знамя из рук. Знамя исчезает в толпе.

Воющим криком кричит мать.

Солдаты разгоняют толпу. Раздаётся крик Павла:

– До свиданья, мама! До свиданья, родная!

Находка кричит:

– До свиданья, ненько моя!

Мать кричит:

– Родные мои… Андрюша, Паша!..

Слышны крики из толпы:

– До свиданья, товарищи!

Мчится конница.

Разбегаются люди. Солдаты окружают оставшихся, действуя прикладами.

Огромная стая птиц испуганно разлетается.

На земле древко с изорванным в лохмотья знаменем.

Мать наклоняется, поднимает сломанное древко.

Земля. На ней кровь. Затемнение.

Аппарат отъезжает, поднимается, открывая общий план. Горизонт сливается с землёй. Спокойный, величественный пейзаж. Тишина.

Комната Власовых. Беспорядок, как после первого обыска. Тускло горит лампада.

Мать сидит на узлах, горестно опустив руки на колени. Поднимается. Начинает прибирать комнату. Видит в углу поломанное

древко. Встаёт, отрывает от древка изодранные лоскутья знамени и прячет на груди. Гудит гудок. Она подходит к столу.

Торопятся люди на работу. Но нет в этой толпе ни Павла, ни Находки, ни товарищей её сына.

Она отходит от окна, поворачивается к иконе, привычно поднимает руку, чтобы перекреститься, и вдруг слышит голос сына:

– Я, мама, видел! – многое задевало тебя за душу, трудно тебе. Думал – никогда ты не помиришься с нами, не примешь наши мысли, как свои, а только молча будешь терпеть всю жизнь, как терпела. Это тяжело было…

Губы её шепчут:

– Тяжело.

И снова голос Павла:

– Когда человек может назвать мать свою и по духу родной – это редкое счастье. Спасибо, мама! Спасибо, родная!

Она бессильно опускает руку, поднятую для крестного знамения».

***

Ровно через полгода, 17 февраля 1956-го, в газете «Красный сормович» появляется объявление:

«На экранах Сормова демонстрируется
новый цветной художественный фильм «Мать»
(по роману М. Горького).
Сценарий Н. Коварского и М. Донского.
В главной роли – Вера Марецкая».

Восемь киносеансов – с 9.30 до 22.10 – давали в кинотеатре «Буревестник» и один дневной – двенадцатичасовой сеанс – в кинозале Сормовского Дворца культуры.

Целая полоса в номере за 19 февраля 1956 года посвящена отзывам сормовичей о кинофильме. К сожалению, авторы этих заметок в основном ограничивались пересказом содержания фильма, романа или реальных исторических событий, которые происходили в Сормове в самом начале двадцатого века.

Пожалуй, самыми любопытными являются реплики рабочих «Красного Сормова», принимавших участие в массовых сценах, хотя и в них, к сожалению, мало конкретики, они грешат общими местами и газетными штампами. Реплики вышли под общим заголовком «Говорят участники фильма»:

«Большая часть эпизодов кинокартины «Мать» снималась в нашем городе. В съёмках приняли участие сотни сормовичей. Они были не просто статистами, но и помогали создателям фильма практическими советами. Вот впечатления сормовичей – участников фильма.

Участвуя в массовых сценах кинокартины «Мать», я видел процесс съёмок. Каждый кадр, пусть даже самый маленький, задолго до съёмки тщательно разрабатывался. Начинали с выбора объекта, который бы подходил по сценарию; воздвигались различные постройки.

Особенно большого напряжения требовали массовые сцены, в которых иногда участвовали до 900 человек. Прежде чем начать съёмку, надо было проверить, правильно ли все одеты и загримированы. В течение нескольких дней один кадр снимался по 10, а иногда и более раз.

Сложная, трудоёмкая работа дала желаемый результат – фильм «Мать» является творческой удачей коллектива.

А.Серов, электрик паросилового цеха.

При съёмках кинокартины «Мать» у нас в Сормове мне пришлось не только видеть артиста Баталова, но и говорить с ним. И вот я посмотрел фильм. Сначала Баталов – Павел предстал перед зрителями как простой рабочий парень с узким кругом интересов. Но затем он растёт на наших глазах, рвётся к правде, к свету. Баталову удалось показать лучшие черты рабочего-революционера, путь к революции молодых пролетариев, о которых сам А.М. Горький говорил: «Именно вот такие парни создали партию большевиков».

Е. Антонов, мастер новомартеновского цеха.

Я был в группе рабочих во время съёмок эпизода с «болотной копейкой». Но главное, что заинтересовало тогда меня – это талантливая работа над горьковскими образами профессиональных артистов В. Марецкой, А. Баталова, А. Петрова и других.

А.Маслов, зацепщик судомеханического цеха №1.

Заслуживает упоминания и заметка «Завоёванное счастье» работницы лесопильного цеха С. Некоркиной, матери одиннадцати детей, удостоенной звания «Мать-героиня». Она пишет: «Нельзя без глубокого душевного волнения смотреть этот замечательный фильм…. Кем была Пелагея Ниловна почти всю свою жизнь? Бесправной, забитой рабой мужа, такого же раба… Но Ниловна обрела счастье – сын стал борцом за правду, а она помогала ему и его друзьям… Судьба матери во многом похожа на судьбы миллионов матерей в самодержавной России… Совсем по-другому живут женщины после победы Великого Октября… Моему старшему сыну 26 лет, младшему исполнился год… Некоторые мои дети живут далеко от Сормова… но я не беспокоюсь за них: в кругу товарищей по работе человек не пропадёт, советский коллектив всегда поможет моим детям встать на широкую дорогу жизни. Государство заботится и обо мне. Только в качестве пособия по многодетности я получила за последние годы свыше 30 тысяч рублей…

Разговаривая с детьми о нашей счастливой жизни, я снова и снова вспоминаю всё, что слышала или читала о дореволюционных временах (сама почти ничего не помню – мне всего 45 лет). И возникает желание встретить вот такую, как Ниловна, крепко прижать её к груди, расцеловать в морщинистое лицо и сказать: спасибо вам, наши отцы и матери, за то, что вы завоевали нам счастье».

В одной из публикаций «Красного сормовича» рассказывалось о том, как специально для съёмок эпизодов первомайской демонстрации 1902 года на куполах сормовского Спасо-Преображенского собора (построенного, кстати в 1905 году, через три года после событий, описанных Горьким в романе) были установлены бутафорские кресты. Съёмки закончились, киногруппа уехала, а кресты ещё некоторое время сияли над Сормовом… Их, разумеется, сняли, но бытовало мнение, что Марк Донской «забыл» их убрать не случайно…

… Уже в 2001 году на страницах «Красного сормовича» поделился воспоминаниями о том, как снимался фильм Марка Донского, В.А. Козлов, фотокорреспондент газеты. В заметке «Уберите людей из кадра!» (23 августа 2001 года) он пишет: «…Помню, в середине 1950-х годов в Сормове было сделано много натурных съёмок для фильма «Мать». Съёмки первомайской демонстрации велись на бывшей Сормовской Большой дороге (улице Коминтерна) и возле Спасо-Преображенского собора… Мне, тогда 16-летнему учащемуся техникума, довелось несколько дней наблюдать за съёмками. Они проводились между улицей Коминтерна и железнодорожной станцией (на улице Клары Цеткин – *прим. авт.*), в районе улицы Дмитрия Павлова. Для съёмок лишь убрали с некоторых улочек провода да построили из досок-горбылей макет фасада двухэтажного дома. На нём повесили вывеску «Трактиръ», а около крыльца выкопали довольно приличную яму, которую пожарные наполнили водой. По сюжеты босяки-пьяницы вылезали из грязной лужи и отнимали у торговки корзинку с барахлом, а та громкими криками взывала о помощи.

Кинематографистам пришлось несколько раз переснимать эту сцену из-за чрезмерного любопытства сормовичей. Шедшие к станции жители, привлечённые необычностью происходящего, останавливались, стараясь получше рассмотреть актёров. Нередко в самый разгар съёмок режиссёру приходилось кричать в громкоговоритель: «Стоп! Куда там лезут? Уберите людей из кадра!»

«МАТЬ» НА ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ

А в 1957 году сормовичи – герои горьковской «Матери»… запели. Запели благодаря композитору Тихону Николаевичу Хренникову, создавшему четырехактную оперу «Мать» на сюжет одноименного романа.

Тихон Николаевич Хренников

Как вспоминал сам композитор, замысел оперы родился летом 1950 года, когда он перечитывал повесть А. М. Горького «Мать». Но если вспомнить, что Хренников был одним из авторов музыки к фильму Пудовкина, то можно предположить, что этот замысел зародился у него значительно раньше.

Непосредственно к работе над оперой он приступил в 1953 году. Поездка на место событий, в Сормово, где композитор познакомился с Жозефиной Эдуардовной, женой Петра Заломова – прототипа образа Павла Власова, встречался с участниками первых маёвок – старыми большевиками, помогла ему глубже проникнуться атмосферой повести, найти мелодический язык, близкий народно-песенным жанрам того времени. Композитор побродил по тем местам, где собирались рабочие на первые маёвки, подышал воздухом Сормова, представил музыкальный быт старой фабричной слободы. В музыке оперы он использовал интонации и ритмы и широко известных революционных песен – «Смело товарищи в ногу», «Варшавянки» и «Марсельезы».

Хренников, по характеру своего дарования скорее лирик, пафос революционной борьбы раскрывал через внутренний мир, душевные движения простой русской женщины: героическая тема органично развивалась внутри песенно-лирической драматургии оперы.

Действующими лицами оперы стали Пелагея Ниловна (меццо-сопрано), Павел Власов (баритон), Сашенька, (сопрано), Андрей Находка (бас), а также директор фабрики, жандармский офицер, рабочие, жители слободки, члены суда, жандармы, конвойные…

Премьера оперы «Мать» состоялась в Большом театре 26 октября 1957 года в торжественной обстановке, в преддверии 40-летия Октября. Почти одновременно опера была показана в Ленинграде на сцене театра оперы и балета им. С. М. Кирова, а также в Горьком, в театре оперы и балета им. А.С. Пушкина. Хренников выезжал на первый спектакль в старинный приволжский город, снова встретился с ветеранами рабочего движения. Затем опера прозвучала в сормовском Дворце культуры, причём в зале находились живые свидетели событий, о которых рассказывается в повести Максима Горького. Постановка оперы «Мать» явилась важным

событием музыкальной и общественной жизни. К сожалению, сценическая жизнь оперы оказалась недолгой. «Мать» была подвергнута критике, и с тех пор ждёт своего нового сценического воплощения…

Декорации В.М. Мазанова к постановке оперы «Мать» в Горьковском театре оперы и балета им. А.С. Пушкина.

Это не может не вызвать недоумения, ведь её создатель – прекрасный композитор-мелодист, автор музыки к фильмам «Свинарка и пастух», «Верные друзья», «Гусарская баллада», популярных и любимых народом песен. Отрывки из оперы «Мать» исполнялись в концертах, Краснознамённый ансамбль песни и пляски Советской Армии включил хоры рабочих в свои программы. В репертуаре Муслима Магомаева тоже была «Песня фабричного» из оперы «Мать»…

Наш районный летописец – газета «Красный сормович» освещала это событие в культурной жизни Сормова. В заметке «К предстоящей постановке оперы «Мать» (4 октября 1957 года) газета писала: «На днях представители общественности нашего города встретились с известным советским композитором Тихоном Николаевичем Хренниковым, который приехал сюда для окончательной

доработки своей оперы «Мать» и постановки её на сцене местного театра. Среди приглашённых были старые сормовичи тт. Гальянов, Кулагин, Плесков, Поляков, Новожилов и другие.

Композитор сообщил присутствующим, что его давно привлекал роман А.М. Горького «Мать». К работе над оперой по сюжету этого произведения он приступил ещё в 1954 году. Либретто к ней сочинил писатель Фишко. Спектакль «Мать» Т.Н. Хренников решил закончить к 40-й годовщине Великого Октября. Опера будет поставлена силами Горьковского театра оперы и балета имени А.С. Пушкина в дни октябрьских торжеств на сцене Сормовского Дворца культуры.

Ниловна – Заслуженная артистка РСФСР В. Викторова.

Главный режиссёр А.Н. Бакалейников подробно описал отдельные картины оперы. Действие развёртывается в рабочей слободке и на заводе. Перед зрителем открывается жизнь сормовского рабочего Павла Власова. Вот тайное собрание у него в доме, известная первомайская демонстрация и суд над Павлом Власовым, участие его матери в революционной борьбе пролетариата. Опера заканчивается сценой на вокзале, где Ниловна распространяет листовки.

На просмотре оперы композитор Хренников познакомил горьковчан с одной из песен о тяжёлой доле рабочих, которую будет исполнять хор в первом действии. Артистка Малинина замечательно провела сцену возвращения Ниловны из тюрьмы после свидания с Павлом».

В небольшой заметке «День искусства на заводе» (17 октября 1957 г.) говорилось: «Вчера горьковские артисты поставили несколько концертов на нашем заводе. В отделе главного технолога выступили оперные артисты И.Г. Малинина, В.В. Викторова, О.В. Иванов, А.А. Сакулин и другие. Они рассказали о том, как

идёт в их театре подготовка новой оперы Т.Н. Хренникова «Мать», затем исполнили ряд арий и сцен из этого спектакля.

Симфонический оркестр Горьковской государственной филармонии дал два концерта – во втором и пятом судокорпусных цехах. Сормовичи остались очень довольны встречей с мастерами искусства».

Павел и Сашенька –
В. Вржесинский и. Л. Собковская.

20 ноября 1957 года «Красный сормович» поместил очередную информацию «К постановке оперы «Мать»: «1 декабря на сцене Сормовского Дворца культуры будет поставлена опера советского композитора Т.Хренникова «Мать» по мотивам одноимённого произведения А.М. Горького. Творческий коллектив Горьковского театра оперы и балета им. А.С. Пушкина успешно выступал с премьерой этого спектакля в нашем городе. Присутствующий на опере композитор Хренников отметил высокое качество исполнения основных ролей и своеобразие режиссёрского решения сцен, рисующих старое Сормово и революционные события.

Успех оперы «Мать» определился не только её идейным содержанием и замечательной музыкой, но и исполнительским мастерством солистов, хора и оркестра. Большинство артистов прекрасно справились с ролями.

Особенно яркое впечатление оставляет заслуженная артистка Казахской ССР З.Н. Никитина, исполняющая роль Ниловны. Просто и выразительно доносит она до зрителя высшую радость матери, идущую к революции вместе со своим сыном. Приятным голо-

сом и выразительной игрой отличается артист В.И. Вржесинский (Павел). Заслуживают похвалы обе исполнительницы роли Сашеньки – Л.В. Собковская и И.Г. Малинина. Они вжились в образ, ведут свою партию искренне и горячо.

В спектакле много удачных массовых сцен: картины в заводе, первомайская демонстрация, в суде и на вокзале. Художник В.М. Мазанов приготовил хорошие декорации. Старые сормовичи сразу признают дореволюционную рабочую слободку.

Нет сомнения, что опера «Мать», подготовленная к 40-летию Великого Октября, привлечёт сормовских зрителей и понравится им».

1 декабря 1957 года «Красный сормович» дал объявление:

Дворец культуры. Большой зал.
Спектакль Горьковского театра
оперы и балета имени А.С. Пушкина
«МАТЬ»
Начало в 19 часов 30 минут.

О впечатлении, произведённом на сормовского зрителя постановкой оперы, читаем в газете за 8 декабря 1957 года в публикации «Опера «Мать» на сормовской сцене»: «Звучит героическая музыка увертюры, исполненная пафоса революции. Напряжение достигает предела, и поднимается занавес.

На сцене окраина рабочей слободки: деревянные покосившиеся домики. И зрителя сразу покоряет эта простота и естественность, близкая и понятная каждому сормовичу. С волнением ждёшь появления героев.

В роли Ниловны выступила талантливая артистка Чиненкова. Ею создан живой реалистический образ простой русской женщины, слабой и забитой в начале, сумевшей потом стать на революционный путь.

Молодому артисту Лосеву удался образ Павла. Скупыми штрихами артист рисует духовный облик этого решительного юноши, выразительно и чётко ведёт свою партию, несмотря на то, что она изобилует трудными, утомительными речитативами.

Оригинальна игра заслуженного артиста РСФСР Струкова, исполняющего роль Находки. Артист точно воспроизвёл даже украинский акцент героя.

Запоминается Дружков (пьяный купчик), который мастерски исполняет свою небольшую партию, требующую, однако, незаурядных вокальных данных.

Хорош артист Гвоздев в роли Исая.

Отдельно хочется сказать об исполнителе роли Весовщикова (артист Сакулин). Обладая удивительно красивым по тембру и очень сильным басом, артист буквально покоряет зрителей.

Удачно написана хоровая партия оперы. Почти все песни просты и напоминают народные, в особенности хор первой картины. Очень удачны массовые сцены, например, в пятой картине.

Постановка оперы «Мать» – творческая удача коллектива театра, в этом заслуга главного режиссёра Бакалейщикова, художника Мазанова и главного дирижёра заслуженного артиста РСФСР Шермана.

Немного об оркестре. Стройность звучания ансамбля достойна всяческой похвалы, однако оркестр очень часто заглушает голос солиста.

К недостаткам постановки можно отнести также неудачный выбор костюмов: они не соответствуют эпохе.

И всё же, несмотря на некоторые недостатки, спектакль получил высокую оценку сормовского зрителя. Это вызвано значительностью темы, связанной непосредственно с прошлым Сормова».

100-летие первомайской демонстрации в Сормове «Красный сормович» отметил публикацией «Глубокий след» (25 апреля 2002 года): «Начало XX века в Сормове отмечено событием такой глубины и общественной значимости, что оно всколыхнуло всю Россию. 1 мая 1902 года пять тысяч рабочих вышли на улицы с лозунгами «Долой царя!», «Да здравствует свобода!». Главным героем, главным действующим лицом этой драмы стал сормовский рабочий Пётр Заломов, шагнувший на штыки со знаменем в руках. «Это был высший момент счастья в моей жизни», – напишет он позднее в своих воспоминаниях.

Размышлять о значении этих событий, давать им оценку – дело историков и политиков. Нам же хотелось бы поговорить о том, какой след они оставили в искусстве.

В 1906 году А.М. Горький, практически по горячим следам событий, написал роман «Мать».

Не прошло и полутора десятилетий, как началось шествие его героя, названного Павлом Власовым, по экранам кинотеатров. Поначалу – в фильмах А.Разумовского (1919) и Вс. Пудовкина (1926) – он был «немым». Впервые герой заговорил голосом Алексея Баталова в знаменитой экранизации Марка Донского (1956), а потом и в киноверсии Глеба Панфилова «Запрещённые люди» (1988). Много ли литературных произведений удостоились такого числа экранизаций?

Но, пожалуй, самое удивительное, что наш герой ещё и запел! Случилось это в 1957 году, когда премьера созданной Тихоном Хренниковым оперы «Мать» прошла одновременно в трёх городах – в Москве, в Ленинграде и в Горьком. Сам композитор говорил, что хотя горьковская постановка в сравнении со столичными не столь масштабна, она отличается большей теплотой и искренностью…

Тихон Хренников – талантливый композитор, автор песен и музыки к популярным кинофильмам. Хочется верить, что и музыка оперы «Мать» была отмечена талантом. К сожалению, убедиться в этом сегодня невозможно. В Нижегородском театре оперы и балета им. Пушкина нам сообщили, что к 100-летию сормовской первомайской демонстрации её герои не смогут появиться на сцене: премьера прошла 45 лет тому назад, не сохранилось ни костюмов, ни декораций. Создание оперной постановки – дело дорогостоящее. Да и пойдёт ли на неё современный зритель?

Проще увидеть одну из киноверсий «Матери» – ленты хранятся в Госфильмофонде. И уж совсем не составит проблемы прочитать роман М. Горького – он есть в любой библиотеке».

Продолжает тему результат небольшого опроса, проведённого в одной из сормовских школ: «Десятилетиями роман М. Горького «Мать» входил в школьную программу. Сегодня его изучение не является обязательным. Но не все преподаватели считают возможным изъять это произведение из школьного курса. Почему? На этот

вопрос отвечает учитель литературы лицея № 82 Алла Гавриловна Кулыгина: «Мы живём на этой земле, ходим по эти улицам, являемся потомками тех людей, о которых писал Горький. Ребят привлекает образ Павла Власова. Это новый положительный герой, абсолютно идеальный человек, готовый отдать жизнь за светлую идею. На уроках происходят горячие обсуждения, ребята самостоятельно приходят к выводу: если история и повторяется, нельзя допустить, чтобы сегодня она повторилась абсолютно…

В разговор вступают ученики 11-го класса.

«Роман мне очень понравился, – сказала Лариса Смирнова. – Жизнь людей в начале прошлого века показана так правдиво, что становятся понятными причины, заставившие народ подняться на борьбу».

Как нынешние школьники оценивают поступок главного героя, шагнувшего на штыки? Стоило ли так рисковать? «Поступок Власова-Заломова – это красивый порыв, но его нельзя назвать бессмысленным, – отвечает Дмитрий Копылов. – Если бы он, как и двое других его товарищей, спрятал знамя, это не произвело бы такого сильного впечатления на людей. Они поверили и пошли за ним. И наверняка каждый спрашивал себя: а я сумел бы поступить так же?»

«Павел – редкий, железный человек, – убеждена Маша Самулеева. – Думаю, такие люди есть и сегодня, но они проявляют себя не в повседневной жизни, а в неординарных, экстремальных обстоятельствах».

СОРМОВИЧИ В РОЛЯХ ГОРЬКОВСКИХ ГЕРОЕВ

Исследуя «сормовскую составляющую» жизни и творчества Алексея Максимовича Горького, нельзя не вспомнить о сормовичах, воплотивших на театральной сцене и в кино образы горьковских героев.

Михаил Зимин.

Так, Михаил Николаевич Зимин (1930-1991), сын работника завода «Красное Сормово», блистал на сцене сормовского Дворца культуры, будучи членом самодеятельного драматического коллектива. Получив театральное разование, исполнял ведущие роли на сцене столичного МХАТа, был удостоен звания Народного артиста СССР. В его творческом арсенале роли Нила («Мещане») и Бубнова («На дне»).

Актриса МХАТ им. Горького на Бушуева (1960), выпускница ского лицея №82, стала широко на как «жена Лёни Голубкова» в визионной рекламе. В списке её ральных работ есть роль Квашни в спектакле «На дне».

Родители Натальи Лапиной (1963) трудились на заводе «Красное Сормово», куда после окончания Сормовского машиностроительного техникума пришла и она. В 1986 году Лапина с красным дипломом окончила Горьковское театральное училище, а в 1988 году снялась в роли Алисы Телепнёвой в 14-серийном телефильме «Жизнь Клима Самгина» режиссёра Виктора Титова. Эта роль сразу же принесла ей настоящую популярность.

Елена Бушуева.

В том же году газета «Красный сормович» (6 мая) поместила небольшое интервью с Натальей Азариевной, где актриса сказала несколько слов о себе и о работе над этой ролью: «Уже школьницей я занималась в драмкружке Дома пионеров им. Заломова… В картине работалось довольно тяжело, если учесть, что съёмки длились три с половиной года, а начала я сниматься ещё студенткой Горьковского театрального училища.

На роль Алисы Телепнёвой пробовались Ирина Алфёрова, Наталья Андрейченко. Но повезло мне. Что-то удалось, и хочется думать, что первый блин не комом. Зрители, которым близка драматургия Горького, расценивают фильм как удачу…»

Но, пожалуй, самым именитым актёром в этом списке является Николай Павлович Хмелёв (1901-1945), актёр, театральный режиссёр и педагог, Народный артист СССР, Лауреат трёх Сталинских премий. Николай Хмелёв стал одним из ярчайших представителей так называемого «второго поколения» артистов МХАТа. Он исполнил роли Костылёва в спектакле «На дне» и Николая Скроботова в спектакле «Враги». В его постановке шла во МХАТе пьеса Горького «Дети солнца». В 1945 году имя Хмелёва было присвоено сормовской средней общеобразователь-

Наталья Лапина.

ной школе № 77. На карте Сормова есть переулок Хмелёва, который соединяет улицы Культуры и Вождей революции…

В апреле 1973 года газета «Советская культура» опубликовала очерк Леонида Кудреватых «Счастливый год». Автор рассказывал о встречах с Николаем Хмелёвым, о самых ярких моментах его творческой биографии.

Родился будущий актёр 23 августа 1901 года в Сормове. Здесь прошли его детство и юность. На знаменитом Сормовском заводе, мастером в паровозостроительном цехе, работал его отец, Павел Павлович Хмелёв. Мать давала уроки музыки в зажиточных семьях, так как была дочерью присяжного поверенного и имела музыкальное образование. По достижении нужного возраста Николай был определён в частное реальное училище в Сормове, которое содержала Субботина, сестра известного писателя Гарина-Михайловского. Когда училище закрылось, мальчик был переведён во 2-ю Нижегородскую гимназию.

Николай Хмелёв.

«Из Сормова мы уехали в 1917 году, – вспоминал Николай Павлович через двадцать лет, – а душой всё ещё на Волге, в Сормове… Человека в зрелом возрасте влечёт к родным местам, к знакомым тропинкам, к друзьям…»

Он признался, как, повинуясь тяге к родным с детства местам, в 1936 году инкогнито посетил Горький и Сормово, с удивлением смотрел на новые многоэтажные дома, озеленённые улицы, замечательный Дворец культуры, обновлённые заводские корпуса. Он встречал старых рабочих – друзей и товарищей своего отца. Нашёл и товарища своей юности, с которым учился в гимназии: с мастером паровозообшивочного цеха Борисом Коняхиным они провели за воспоминаниями и разговорами всю ночь…

Когда в 1937 году сыну мастера-сормовича было присвоено высокое звание Народного артиста Советского Союза, земляки прислали ему поздравительное письмо…

И наконец, в мае 1939 года, когда завод «Красное Сормово» отмечал свой 90-летний юбилей, основной состав труппы МХАТа прибывает в Горький. «Чтобы встретить актёров на привокзальную площадь вышли тысячи горьковчан со знамёнами и плакатами, – пишет Л. Кудреватых. – Актёров, а в их числе были такие светила советской сцены, как О.Л. Книппер-Чехова, В.И. Качалов, И.М. Москвин, М.М. Тарханов, А.П. Зуева, О.Н. Андровская, А.К. Тарасова, К.Н. Еланская, М.М. Яншин, М.И. Прудкин, А.Н. Грибов и, конечно же, Н.П. Хмелёв, встречали, как родных. Ведь МХАТ, область и город носят одно и то же имя – имя А.М. Горького».

В тот юбилейный для завода год театр привёз шесть постановок, в том числе три горьковские пьесы – «На дне», «Враги», «Достигаев и другие». В трёх спектаклях – в ролях Николая Скроботова во «Врагах» Горького, князя в «Дядюшкином сне» Достоевского и Алексея Турбина в «Днях Турбиных» Булгакова – выступал Н.П. Хмелёв. Это был его творческий отчёт перед земляками… О Хмелёве все говорили с какой-то особенной гордостью. Что ни говори, а свой, сормовский!

…Николай Павлович Хмелёв в эти дни то у сормовичей, то сормовичи у него в гостинице. Один день я провёл с Хмелёвым на заводе. День сплошного ликования: и в конструкторском бюро, и в машиностроительном, и в других цехах! В машиностроительном Николай Павлович, взволнованный необычностью встречи, произнёс страстную речь о торжестве советского искусства. Тут же, в цехе, были исполнены отрывки из спектаклей с участием А.К. Тарасовой и Н.П. Хмелёва. Такие же душевные встречи произошли и в других цехах. Крепкие рукопожатия, объятия, гром оваций. Я видел, как Николай Павлович, не стесняясь, то и дело смахивал набегавшие слёзы. А вечером во Дворце культуры – уже встреча с представителями всего Сормовского района. Снова выступления, снова отрывки из сцен, снова овации и слёзы радости и гордости. Сормовичи в своих выступлениях говорили о чувствах любви к земляку, к актёру необыкновенного дарования».

Биография Николая Павловича оборвалась 1 ноября 1945 года, он умер как великий артист – на сцене. Шла генеральная репетиция спектакля «Трудные годы» А. Н. Толстого, где Хмелёв исполнял роль Ивана Грозного. Актер упал и умер от паралича сердца – в костюме и гриме царя…

2 ноября по Всесоюзному радио было передано сообщение о смерти великого артиста и о том, что постановлением Совета Министров СССР школе №77 Сормовского района будет присвоено имя Н.П. Хмелёва.

Об этом рассказал директор школы с 1934 по 1967 год, Заслуженный учитель РСФСР Николай Иванович Певницкий в своих воспоминаниях «Жизнь моя – школа». Надо сказать, что поначалу школа №77 занимала двухэтажное здание на улице Культуры, построенное в 1929 году. Это было первое в Сормове школьное здание, возведённое после 1917 года. Постановлением Наркомпроса в 1932 году школе было присвоено звание образцовой.

Педагогическим коллективом и директором немало было сделано для увековечивания памяти знаменитого артиста: скульптор Павел Гусев изготовил бюст Н.П. Хмелёва, который установили в школьном коридоре; частыми гостями школы стали артисты местных театров и МХАТа. Мхатовцы привезли в дар школе фотопортрет Хмелёва, в рамке и с дарственной надписью, а также большое количество фотографий артиста в различных ролях для постоянно действующей фотовыставки.

«К большому сожалению, школа не смогла сохранить портрет Хмелёва, подаренный Московским Художественным театром, он бесследно исчез, – пишет Н.И. Певницкий, – а фотовыставка после переезда школы в новое здание в 1967 году оказалась на складе, и фотографии быстро потеряли свой вид». Справедливости ради надо сказать, что в 1970 году выставка была возобновлена. Но имя Хмелёва как-то незаметно ушло из названия школы, и сегодня она называется по-казённому правильно и просто – МБОУ «Школа №77» Сормовского района г. Нижнего Новгорода. С сожалением приходится признать справедливость древней истины: нет пророка в своём отечестве…

В ПАМЯТЬ О ПИСАТЕЛЕ-ЗЕМЛЯКЕ

В Сормове есть немало топонимов и памятных мест, связанных с именем Алексея Максимовича Горького.

Площадь Буревестника в Сормове.

Писатель неоднократно бывал на заводе «Красное Сормово», в 1928 году посетил ряд цехов, судоверфь, выступал перед сормовичами с балкона заводоуправления. В детские годы жил близ главной проходной завода, оставил свои следы на улицах Свободы, Баррикад, Коминтерна. Его имя носит Центральная городская детская библиотека, находящаяся в центре района.

Кинотеатр «Буревестник». Скульптура Данко в фойе кинотеатра. Тюбетейка П.А. Заломова в музее сормовского Центра детского творчества. Экспозиция, посвящённая 150-летнему юбилею А.М. Горького в Музее истории завода «Красное Сормово».

Именами героев его произведений названы площадь Буревестника, кинотеатр «Буревестник», в фойе которого установлена гипсовая скульптура Данко. Есть в Сормове улица Дмитрия Павлова, которому Горький посвятил очерк «Митя Павлов». Дом пионеров имени П.А. Заломова теперь называется Центром детского творчества, но в нём до сих пор существует уникальный музейный уголок, посвящённый прототипу горьковского героя из романа «Мать». Здесь представлены и бережно сохраняются личные вещи Петра Андреевича Заломова: набор рабочих инструментов, трость, очки в футляре, тюбетейка, а также кружева, сплетённые его матерью, Анной Кирилловной… Есть экспозиция, посвящённая знаменитому писателю и в музее истории завода «Красное Сормово».

ИМЕНА НА БОРТУ

В названии продукции завода «Красное Сормово» также сохраняется память о А.М. Горьком. Это и уникальный для своего времени «правительственный» теплоход «Максим Горький», построенный сормовичами в 1934 году, и сухогрузный теплоход смешанного «река-море» плавания «Буревестник революции» проекта 1557, сошедший в 1968 году с сормовских стапелей. И пассажирс-

Теплоход «Максим Горький».

Дочери П.А. Заломова – Галина и Елена – на спуске сухогрузного теплохода «Пётр Заломов». 1970.
Судно на подводных крыльях «Буревестник». 1964.
Сухогрузный теплоход «Буревестник революции». 1968.
Буксир «Пётр Заломов» в заводской гавани. 2017.

кое речное судно на подводных крыльях (СПК) «Буревестник», разработанное ЦКБ по СПК им. Р.Е. Алексеева и построенное на заводе «Красное Сормово» в 1964 году. «Буревестник» был флагманом среди речных СПК. Судно пассажировместимостью 150 человек и скоростью до 100 км/час предназначалось для скоростной перевозки пассажиров на транзитных и местных линиях, эксплуатировалось в Волжском пароходстве.

Эти суда, носящие имена сормовичей, близко знавших Алексея Максимовича: сухогрузные теплоходы «Механик Калашников» (проект 11, 1949 год), «Тихон Третьяков» (пр.576, 1957 год), «Пётр Заломов» (пр. 1557, 1967). В 1971 году, к знаменательному юбилею, сормовичи спустили на воду сухогруз проекта 1557 – «750 лет городу Горькому», ведь в те времена город носил имя писателя.

И вот уже почти 70 лет работает в заводской гавани трудяга-буксир «Пётр Заломов», принимая в ковше слипа новые современные суда, построенные тружениками завода «Красное Сормово».

ПАМЯТНИКИ, КОТОРЫХ НЕТ

А вот чего в Сормове нет, так это памятника А.М. Горькому, как нет и памятника Матери, призыв о сооружении которого прозвучал ещё в 1980-е годы.

В 1936 году, сразу после смерти писателя, сормовские рабочие приняли решение: «ходатайствовать о постройке… памятника Алексею Максимовичу». (КС, 1936, 22 июня). Ровно через 52 года, 22 июня 1988 года, «Красный сормович» выступил с поддержкой «инициативы Горьковского областного отделения Советского фонда культуры о сооружении в нашем городе – в Сормове – памятника Ниловне». Под обращением «Воздвигнем памятник Матери» подписались известные сормовичи – Герои Социалистического Труда, заслуженные работники культуры. Но этому интересному начинанию тоже не довелось претвориться в жизнь.

В 2017 году у Сормова появился шанс получить памятник Горькому работы Андрея Кикина, который мог бы встать возле кинотеатра «Буревестник».

В «Красном сормовиче» (2017, №35), на последней странице была опубликована заметка «Куда поставить Горького»? В ней го-

ворилось: «Недавно завершились восстановительные работы на памятнике Горькому скульптора Кикина. В начале сороковых годов гипсобетонный Алексей Максимович, покрытый «позолотой», был установлен в парке имени Кулибина. Пять лет назад специалисты приняли решение демонтировать ветшающую скульптуру из-за возникшей угрозы её полного разрушения при дальнейшем нахождении на открытом воздухе.

Памятник работы Андрея Кикина стоял в парке им. Кулибина с начала 1940-х годов.

В ходе восстановительных работ пришлось полностью заменить наиболее разрушенную среднюю секцию. Скульптуру вновь можно устанавливать на открытом воздухе. Однако, на месте, где стоял памятник, уже установлена часовня. Поэтому первый заместитель главы администрации Нижнего Новгорода Сергей Миронов предложил управлению главного архитектора подобрать возможные варианты установки памятника, а итоговое решение оставить за нижегородцами. Главный архитектор Нижнего Новгорода Виктор Быков предложил три места:

– *сквер на ул. Ефремова, дом 2;*
– *площадка перед кинотеатром «Буревестник»;*
– центральная часть сквера на улице Ковалихинская.

Проголосовать за понравившуюся площадку горожане могут на сайте…»

Заметим, что первая и вторая площадка находятся в Сормовском районе.

О результатах голосования нижегородцев «Красный сормович» сообщил через две недели (2017, №37) в заметке «Писатель «встанет» у родного дома»: «Подведены итоги еженедельного голосования на официальном портале администрации Нижнего Новгорода нижнийновгород.рф. Горожанам предлагалось выбрать место, где, на их взгляд, уместнее установить памятник Максиму Горькому авторства Андрея Кикина.

Всего в голосовании приняли участие 9777 человек. Половина участников опроса – 50% – проголосовали за то, чтобы памятник встал в сквере на улице Ковалихинской, второй по популярности вариант – площадка перед кинотеатром «Буревестник», за неё проголосовали 38% респондентов…

Напомним, памятник Максиму Горькому авторства Андрея Кикина был установлен в парке имени Кулибина в начале 1940-х годов на пересечении дорожек, идущих от четырёх углов парка. В 2012 году после обследования скульптуры специалистами было принято решение о её демонтаже.

В марте 2017 года в ходе еженедельного оперативного совещания исполняющий обязанности главы администрации Нижнего Новгорода Сергей Миронов поручил директору департамента культуры Наталье Сухановой провести анализ состояния памятника Максиму Горькому, а главному архитектору города Виктору Быкову решить вопрос с привлечением реставраторов.

30 августа реставрация памятника была завершена. Специалисты полностью заменили наиболее разрушенную среднюю секцию. После установки на постоянное место памятник будет заново тонирован. Реставраторы подтвердили, что скульптуру можно устанавливать на открытом воздухе.

«Благодарим нижегородцев за активное участие в опросе и неравнодушное отношение к культурному и историческому наследию нашего города», – сказал Сергей Миронов.

Также руководитель особо обратил внимание на то, что территория участка в границах улиц Семашко – Ковалихинской рассматривается для создания историко-культурного кластера.

«Здесь сохранились здания, в которых жили и творили наши великие земляки: всемирно известные писатели Максим Горький, Павел Мельников-Печерский, Владимир Даль, его сын – архитек-

тор Лев Даль, бывали Иван Пущин, Тарас Шевченко, Фёдор Шаляпин, Иван Бунин. Учитывая особую историческую значимость и уникальность данной территории, администрация города планирует её реновацию, включающую ремонт тротуаров, установку светильников, благоустройство сквера, размещение малых архитектурных форм», – подчеркнул Сергей Миронов.

Говоря о сроках установки архитектурного объекта, исполняющий обязанности главы администрации города отметил, что вероятнее всего ***это произойдёт в октябре***, после того, как будет решён вопрос с фундаментом под памятник».

К слову, эти строки были написаны в июле 2018 года, а памятник, между тем, всё ещё не был установлен…

Хочется отметить ещё два обстоятельства. Всего в Нижнем Новгороде можно насчитать не менее восьми памятников А.М. Горькому. Половина из них – в нагорной части Нижнего Новгорода: знаменитый монумент народного художника СССР Веры Мухиной на площади Горького, памятник на набережной Федоровского работы скульптора Ивана Шмагуна, скульптурное изображение Алёши Пешкова во дворе музея «Домик Каширина», и наконец, памятник литературному герою писателя – Воробьишке на Звездинке.

В Автозаводском районе, перед лицеем №36 установлен памятник А.М. Горькому, где писатель изображён в окружении детей. Такой же памятник стоит на станции Детской железной дороги. В Канавинском районе есть памятник писателю в парке 1 Мая, а в Ленинском районе – в парке Дубки.

К сожалению, по итогам голосования на официальном портале администрации Нижнего Новгорода, Сормово «проиграло», снова оставшись без памятника писателю, которого так многое связывало и с Сормовским заводом, и с сормовичами…

Можно сетовать и на слабую активность жителей Сормова, и на то, что два «сормовских варианта» – сквер на улице Ефремова и площадка перед кинотеатром «Буревестник» – разделили, распылили голоса участвующих в опросе.

Памятник писателю прекрасно вписался бы на площади перед кинотеатром, названным в честь «гордо реющего Буревестника».

Хочется верить, что памятник нашему великому писателю-земляку, которого «мы считаем сормовичом», будет установлен и в Сормове.

СОРМОВИЧИ О ГОРЬКОМ – В СТИХОТВОРНЫХ СТРОЧКАХ

Виктор АВДЕЕВ

А. М. ГОРЬКОМУ

Здесь, на крутом откосе, на заре,
Ты с пламенной надеждою во взоре
Бродил, мечтал о счастье и добре,
Когда вокруг сердца сжимало горе.

Ну что же мог сказать ты беднякам,
Хотя и верил: что-то, что-то будет,
Когда мальчишкой был ты в людях сам,
И весь народ, как ты, был тоже в людях!

Но верный путь был избран наконец!
В таких сердцах большие силы бьются.
И ты из масс поднялся, как борец,
Как буревестник наших революций.

Наперекор жандармскому «молчи»
Тогда Россия на борьбу вставала,
И виделись тебе сормовичи
Прообразами Ниловны и Павла.

С годами люди всё превозмогли,
Пришёл Октябрь – и нам пути открыты…
Ты стал певцом ликующей земли,
Ты стал народным, нашим, знаменитым.

Теперь, когда сбываются мечты,
И мы идём вперёд могучим ходом,
Горды мы, что ты наш! Что с нами ты!
Что ты принадлежишь всему народу.

Виктор ЕРШОВ

С НАМИ ГОРЬКИЙ

Хмуро по небу плывут облака,
Ждут на опушке укрытые танки.
В бой на рассвете. Но мы пока
Тёмную ночь коротаем в землянке.
Гильза пустая под лампу годна,
Запах бензина и едкой махорки.
– Тихо, друзья! – говорит старшина, –
С нами за правду воюет Горький.
Каждый рассказ его – порох наш,
Словно нас больше стало в землянке.
В наши ряды встал с оружьем Челкаш,
С сердцем горящим пришёл к нам Данко.
Вот и колонну рабочих ведёт
Ниловны сын, сормович Павел Власов.
С этою силой – на вражеский дот,
Будет мощней она пушек, фугаса.
Утро встревожил призывный клич,
С криком «ура!» началась атака.
Пулей сражён старшина-сормович,
Сердце его, как горящий факел…
Реку поспешно форсируя вброд,
Выбили немца с высокой полянки.
Враг отступил. И вело нас вперёд
Местью зажжённое сердце Данко.

Борис КОПЫТОВ

В ТОТ ДЕНЬ НА КОВАЛИХЕ

Плавил март последние снега.
Звон гудел – к вечерне у «Варвары».
У каширинского флигелька
Бабы разводили тары-бары.
– Ноне, в самый, бабоньки, обед
Парень, слышь, у Пешковых родился…
Уж не знай, как примет его дед?
Крут старик… Наверно, взбеленился…
– Поделом и муки: не ходи
Против воли батюшкиной замуж.
– Норовят всё по любви, поди.
Нет бы старых слушаться… Куда уж!
Только бабка, добрая душа,
Перейдя порог, перекрестилась:
– Чай, младенец наш не от греха…
Дай ему, Господь, ума и силы!
…Слава Богу, внук был не в родню
(Разве только рос горластым в деда),
Подымался ото дня ко дню
Будущий великий непоседа.
Рос он не по дням, а по часам…
А в тот день, напористо и лихо,
Он уже подкрикивал грачам
На мещанской старой Ковалихе.

Андрей МАКАРОВ

Я – ДАНКО

Темно и жутко впереди,
Я обнажу отважно грудь,
И вырву сердце из груди,
Чтоб осветить идущим путь.

И пусть оно всего с кулак,
Но от него польётся свет,
Огонь его рассеет мрак,
Прозреет даже тот, кто слеп!

А пламя то – не опалит,
Растопит льдинки на душе,
Неважно, сколько прогорит –
Останется его клише.

И если станет тяжело –
Ты только руку приложи,
Оно отдаст тебе тепло
– Спасибо, – не забудь, скажи!

Умейте жертвовать собой,
Затянется на сердце ранка.
Мне кто-то скажет: Ты – герой!
Отвечу так: Я – просто Данко!

Николай СИМОНОВ

АЛЁША ПЕШКОВ – СОРМОВИЧ!

Трещали брёвна от огнища
И стёкла вылетали прочь …
Семья стоит на пепелище
И проклинает эту ночь.

Сгорел твой домик, дед Каширин …
Стекают слёзы по усам…
Но я смотрю на вещи шире –
Стал земляком мне Горький сам!

Стал сормович он, между прочим,
Пошёл совсем в другой народ.
На Сормовском заводе отчим
Работал уж который год.

Завод гудел, дымил и строил,
Здесь мастерства не занимать,
А Горький тут нашёл героев
Для своего романа «Мать».

Здесь в Сормове, под Нижним градом
Рос революций грозный вал.
И Павел Власов жил с ним рядом –
Так он Заломова назвал.

Алёша, это между нами,
Был парень дерзкий, сам такой –
Не раз он дрался с пацанами
На старой Узкозаводской.

Жаль, Сормову он в книге детской
Лишь три страницы посвятил,

Но он по Александро-Невской
И по Большой не раз ходил.

Он видел бедность, труд и горе,
Он видел, как живёт народ,
И через дырочку в заборе
Ходил на Сормовский завод.

И сам я сормовской породы,
И мной родной район воспет,
И я на этом же заводе
Тружусь уж сорок с лишним лет.

И я, покуда ходят ноги,
И с головой пока дружу,
Вдоль Сормовской Большой дороги,
По тем же улицам хожу.

Сквозь толщу лет проникнуть взглядом
Не хватит силы у меня,
Но знаю я, что где-то рядом
Тогда жила моя родня.

Я рад такому вот соседству,
И я кричу, и звонок клич!
Пусть знают все: был в годы детства
Алёша Пешков – сормович!

Юрий СИМОНОВ

НА КАПРИ

Субтропические краски,
Скал базальтовый оскал…
Алексей Максимыч сказки
Об Италии писал.

На залив взирая синий,
И вдыхая запах роз,
Вспоминал он, как в России
Много горя перенёс.

И вкушая апельсины,
Наблюдал прибоя вал…
Под рулады мандолины,
О России тосковал.

Вспоминая быт привычный,
Нашу красную весну,
Вместо пинии зонтичной,
Видел русскую сосну.

«Засиделся я надолго
У чужого камелька».
И вздохнул: «Ну как там Волга
И сестра её Ока?»

Погрустнел. Вскочил с дивана
И в улыбке пряча грусть:
«Собирайте чемоданы!
Всё. Пора домой – на Русь!»

Библиография

Произведения, письма и речи А.М. Горького цитируются по Полному собранию сочинений: Художественные произведения. В 30 т. – М.: Художественная литература, 1949–1955.

В книге использованы материалы, опубликованные в газете «Красный сормович» с 1928 по 2017 год

Книги:

Блохина В.Н. Горький в родном городе / В.Н. Блохина, Л.Б. Либединская. – М.: Детская литература, 1972. – 188 с.

Блохина В.Н. А.М. Горький на Волге: 1928–1935 гг. / В.Н. Блохина. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1961. – 108 с.

Больница № 12 Сормовского района. – Горький, 1982.

Глазунов И.С. Россия распятая/ Глазунов И.С. – «Роман-газета». – 1996 – №№ 22-24.

А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов: Сборник документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. – 366 с.

Заломов П.А. Запрещённые люди. Автобиографическая повесть. Воспоминания. Речи и письма. Стихотворения/ П.А. Заломов. – М.: Правда, 1985. – 528 с.

История «Красного Сормова» / науч. ред. В.П. Фадеев. – М.: Мысль, 1969. – 495 с.

«Красное Сормово»: Завод и люди / Г.А. Илескин, Ю.К. Меньщиков, А.А. Постнов. – Нижний Новгород: Кварц, 2006. – 696 с.

Нижний Новгород: архитектура XIV – начала XX века. Энциклопедия Нижегородского края. – Нижний Новгород: Нижегородские новости, 1994.

Орловский А. Сормову 450 лет. 1542–1992/ А.Орловский. – Н.Новгород: Курьер, 1991. – 186 с.

Турбас Н. На арене цирка. Воспоминания старого борца/ Н. Турбас. – Горький, 1958.

Ухин В.А. Судостроение в Сормове. Очерки по краеведению/ В.А. Ухин. – Н.Новгород, 2013. (Серия «Сормово в воспоминаниях современников»).

Спиридонова Л.А. Настоящий Горький: мифы и реальность. – 2-е издание, измен./ Л.А. Спиридонова. – Нижний Новгород: ООО «БегемотНН», 2016. – 384 с.

Периодические издания:

Коллар В. В Сормове//«Горьковский рабочий». – 1978. – 17 июня.

Лебедева А. «Люблю цирк и его артистов…»// «Советский цирк». – 1968. – №3.

Прончатов В.Н. Как искушают пароходом// «Нижегородский музей». – 2010. – №11.

Рукописи:

Черноверхская М.В. «Музыкальная жизнь и музыкальная культура в Сормове». Частный архив А.Б. Дрожкиной.

Интернет-ресурсы:

Николай Чеканов. Посол советского Ар-Деко. Стиль правительственного теплохода «Максим Горький» постройки 1934 года.
regnum.ru›news/2383752.html

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРЬКИЙ В СОРМОВЕ

Вверх по Волге – на пароходе «Переворот» 1871……..……. 3

«Как-то непамятно я очутился в Сормове…» 1876-1878…..... 6

Сормовский завод: взгляд издали и изнутри. 1896…….. 10

Идёмте-ка, братцы, в баню! 1902–1903…… 13

Десять горьковских башмаков. 1902…… 18

Максим Горький – член завкома. 1928…… 20

Ходил, похваливал и думал… 1928…… 31

ПО ВОЛГЕ – НА СОРМОВСКИХ СУДАХ

«Клара Цеткин», она же «Екатерина»…….. 34

Правительственный теплоход «Максим Горький»……. 42

ГОРЬКИЙ И СОРМОВИЧИ

«Мы с ним на стрелке баржи разгружали…»
Тихон Третьяков. 1880-е…… 58

«Человек с форсунками». В.И. Калашников. Конец 1880-х..... 60

«Он нам был как отец родной…». Мастер И. Дегтярёв. 1896... 62

Зодчий народного дома. П.П. Малиновский. 1902–1903……... 63

Встречи с Максимычем. Рассказы старых сормовичей……. 67

Скрипка – подарок Горького. 1905……... 71

«Его взгляд проникал мне в душу». 1910. Максим Горький и сормовские борцы……... 72

ГОРЬКИЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ СОРМОВО

Мимеограф для сормовичей. 1901…… 82

Пётр Заломов, он же Павел Власов. 1902……. 84

«Я встретился с Горьким в тюрьме». 1901–1928. ……... 90

Митя Павлов. 1905……. 92

Последний привет…….. 93

ГОРЬКИЙ О СОРМОВЕ И СОРМОВИЧАХ
Ваша книга должна стоять в ряду лучших…….. 94

«КРАСНЫЙ СОРМОВИЧ» О ГОРЬКОМ
Прижизненные статьи. Воспоминания. Некролог…….. 101
Сормовские матери…… 105
Сормовские легенды…….. 109
Прощай, наш дорогой, любимый Алексей Максимович!..... 112

ОЧЕНЬ СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА,
или ПЯТЬ «МАТЕРЕЙ» СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА…. 115
«Мать»: киноверсии……... 116
«Мать» М. Ступиной – А. Разумного (1919)……... 117
«Мать» Н. Зархи – В. Пудовкина (1926)…… 118
«Мать» («Запрещённые люди») Г. Панфилова (1990)…… 119

САМАЯ СОРМОВСКАЯ «МАТЬ», или
КАК В 1955 ГОДУ В СОРМОВЕ СНИМАЛОСЬ КИНО
«Мать» Н. Коварского – М. Донского (1955)…….. 124

«МАТЬ» НА ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ…….. 165

СОРМОВИЧИ В РОЛЯХ ГОРЬКОВСКИХ ГЕРОЕВ…….. 174

В ПАМЯТЬ О ПИСАТЕЛЕ-ЗЕМЛЯКЕ……... 179

Имена на борту……... 181
Памятники, которых нет…… 183

СОРМОВИЧИ О ГОРЬКОМ –
В СТИХОТВОРНЫХ СТРОЧКАХ……... 188
Библиография…… 195

Музей истории завода «Красное Сормово»

Маргарита Геннадьевна Финюкова

ГОРЬКИЙ И СОРМОВО

Компьютерный набор М.Финюкова
Дизайн и вёрстка Н. Куликова

Фото М. Финюковой,
из архива Музея истории завода «Красное Сормово»,
из интернета

Отпечатано в типографии
ПАО «Завод «Красное Сормово»